

Виктор Точинов

**РОДИТЕЛЬСКИЙ
ДЕНЬ**

Аннотация

Семейная пара Кирилл и Марина решают купить загородный дом. Они находят по объявлению невероятно дешевую избушку в захолустной деревне под Санкт-Петербургом и отправляются туда, чтобы на месте осмотреть будущее семейное гнездышко. Супругам предлагают пару дней пожить в пустом доме, и те соглашаются. Жилище Кириллу и Марине нравится, а вот деревня, ее жители, сама атмосфера кажутся странными и пугающими. Как-то они случайно забредают на местное кладбище, где в это время сельчане отмечают родительский день. Вместо водки и хлеба жители оставляют на могилах стаканы со свежей кровью и куски сырого мяса...

Посвящение

Не дожившим до рассвета посвящается...

Эпиграф

И сказал Посланник Божий, да благословит его Бог и да приветствует:

«Ключей сокрытого знания, неведомого никому, кроме Бога, — пять:

- никто не ведает, что свершится в день грядущий;*
- никто не ведает, что вынашивается в утробе;*
- не ведает душа, что стяжает завтра;*
- не ведает душа, в какой земле расстанется с темом;*
- никто не ведает, когда ударит молния и пойдет дождь...»*

Мухаммад ибн Исмаил аль-Бухари,

«АС-САХИХ»,

III век хиджры

Ключ первый

Что свершится в день грядущий

Триада первая

Никогда не оставляйте трупы на дорогах

1

Удар по голове оказался страшен.

Сознание Кирилл не потерял, но был к тому весьма близок. Картинка перед глазами стала мутной, подрагивающей, плывущей. Во рту неведомо откуда появился неприятный привкус. Внутри черепной коробки перекатывались, медленно затухая, волны боли. Лгут, нагло лгут врачи, утверждая, что мозг лишен нервных окончаний и не способен к болезненным ощущениям...

Кирилл не удивился бы, окажись лобовое стекло покрыто сетью мелких трещин после плотного контакта с его черепом... Стекло выглядело целым, но и этому Кирилл не удивился. Не был сейчас способен к удивлению, и не только к нему...

В стороне, за гранью зыбкой мутности, возникли звуки, неприятно ударили по ушам. И далеко не сразу сложились в слова, произнесенные встревоженным Маринкиным голосом:

— Кира, ты жив?!

До того прозвучала еще одна фраза, но ее Кирилл толком не воспринял, вроде что-то про ремни безопасности, сама Марина их пристегивала всенепременно, доходя в своей педантичности до полного кретинизма... Так, по крайней мере, думал Кирилл. Ну к чему, скажите, пристегнутый ремень на **этой** дороге?! За двадцать километров не то, что ни одного автоинспек-

тора — ни единой встречной машины. И ни одна не обогнала их. И они — ни одну. Не видели ни единого пешехода...

Пешеход?

Боль в голове не то чтобы прошла, но стала тупой, ноющей, — и не помешала осознать простой и ясный факт: здесь и сейчас причиной для **такого** торможения мог стать лишь пешеход. Неведомо откуда выскочивший под колеса чертов пешеход...

Приехали...

Он медленно-медленно повернулся всем корпусом вправо, подозревая, что любое движение шеей закончится новым всплеском боли. Бросил взгляд на боковое зеркало — с нехорошим подозрением, **ЧТО** сейчас придется увидеть на пыльной дороге...

Не увидел ничего. Марина, едва сев за руль, попросила настроить зеркало под нее...

Он потянулся к ручке, регулирующей положение упомянутого оптического прибора — плавным, аккуратно-расчетливым движением.

— Живой? — Сочувствия к мужу в голосе Марины явно убавилось. Зато появились знакомые резкие нотки, как же он их ненавидел...

— Жи... вой... — произнес Кирилл. Язык ворочался с трудом.

Манипуляции с ручкой успеха не принесли. Машина после экстренного торможения встала чуть под углом, с пассажирского места ничего не разглядеть.

— Что... это... было... — спросил Кирилл, понимая, что не хочет услышать ответ. Абсолютно не желает.

— Не знаю... Показалось — кошка. Но, по-моему, не кошка...

Он выпустил воздух сквозь сжатые зубы с каким-то странным, шуршащим звуком. К нешуточному облегчению примешалась изрядная доля злости. Ну конечно, кошка... Кто б со-

мневался... Угубить мужа ради какой-то поганой кошки — это вполне в стиле Мариной свет Викторовны.

Кошечка она обожала, в отличие от Кирилла. И уже на втором месяце совместной жизни притащила в дом котенка, очаровательного пушистого перса, уверяя, что всего-то на пару недель — подруге, дескать, не с кем оставить...

Кирилл, понятное дело, ни на секунду не поверил, но, наверное, смирился бы, как обычно, — однако на сей раз коса Маринкиной настойчивости напоролась-таки на камень: мифической «подруге» пришлось вернуться из мифической «командировки» на несколько дней раньше — жизнь в обществе мужа со слезящимися глазами, да еще постоянно хлюпающего носом, быстро надоела Марине. Аллергия на кошачью шесть — не поддающаяся никаким лекарствам — мучила Кирилла с раннего детства.

— Может, маленькая собака? — неуверенно сказала Марина. И отстегнула ремень безопасности.

Он вылезал из машины значительно медленнее жены — делать резкие движения по-прежнему не хотелось...

Под ногами, на днище салона, валялась литровая пачка томатного сока, выплеснувшая изрядную часть содержимого. Там же лежали два круассана — наполовину раскрошившиеся, рассыпавшиеся плоской ломкой шелухой... Останавливаться и терять время на совместную трапезу они с Мариной не стали, перекусывали по очереди, сменяя друг друга за рулем... Момент для своего завтрака Кирилл выбрал неудачно.

Лужица кроваво-красного сока на черной резине коврика выглядела неприятно. Мерзко. Тошнотворно.

По крайней мере Кирилл ощущал отчетливые рвотные позывы...

2

Как выяснилось, они задавили не кошку. И не маленькую собачку.

Да и откуда бы, в самом деле, взяться здесь домашним животным, — до ближайших домов, если верить карте, километров тридцать по прямой.

На лесной дороге с так называемым «улучшенным» покрытием лежала мертвая лисица. Наверняка очень невезучая лисица, родившаяся под злосчастным для лисьего племени расположением звезд. Надо же суметь — угодить под колеса первой и единственной за несколько часов машины.

Однако, едва Кирилл успел подумать о фатальной лисьей невезучести, показалось еще одно механическое средство передвижения. Вернее, сначала они услышали натужный звук двигателя, затем из-за изгиба дороги вывернул ЗИЛ — судя по

внешнему виду, хорошо помнящий всенародное ликование в связи с первым полетом человека в космос.

Космическая аналогия пришла в голову Кириллу неспроста — за дребезжащим грузовичком тянулся густой шлейф пыли, вызывая мысли о реактивных двигателях.

Водитель — парень лет тридцати — сидел в кабине в одиночестве. Глянул в сторону парочки, стоявшей над лисьим трупом, и отвернулся, сочтя событие не достойным ни вмешательства, ни внимания... ЗИЛ прогромыхал мимо. А Кирилла и Марину накрыл пресловутый шлейф.

Бежать и укрываться в салоне не имело смысла, стоило подумать об этом раньше, — клубы желтой пыли оседали и рассеивались достаточно быстро. Кирилл отвернулся в сторону леса, стараясь дышать через раз.

Марина пару раз чихнула, губы ее скривились, но адресованные водителю грузовика нелицеприятные слова так и не прозвучали — иначе тут и не проехать, за их «пятеркой» недавно тянулся не менее густой шлейф. Марина, получившая права полгода назад, весь свой невеликий водительский стаж накатала на городском и пригородном асфальте. И термин улучшенная, отнесенный атласом автомобильных дорог к этой конкретной дороге, казался ей утонченным издевательством.

Затем пыль осела, и они вновь повернулись к виновнице происшествия.

К мертвей виновнице.

3

— Никогда не видела живых лис, — сказала Марина. — Те, что в зоопарке, не в счет.

Кирилл хотел было сказать, что и эта лисица не очень-то живая, но не стал. Болезненный гул в голове так и не рассеялся, не хотелось ничего говорить, ничего делать...

Да и жена могла расценить реплику как издевательство — животных она любила, и не только кошек. Но, как типичное дитя большого города, все познания о предмете любви черпала исключительно из би-би-сишного «Мира дикой природы» и ему подобных передач.

Марина присела на корточки.

— Бе-е-едненькая... — И эта ее интонация оказалась до боли знакома Кириллу. Трудно, впрочем, ожидать иного после шести лет совместной жизни.

Одержав в семейном скандале очередную победу — и, осознавая потом, на холодную голову, что была не права, — Марина никогда не извинялась, не признавала ошибок. Но на следующий день обращалась к мужу более чем ласково. Таким же примерно тоном... И обязательно совершала какой-нибудь кулинарный подвиг: к плите Марина становилась редко, но если становилась... Тогда результаты ее трудов исчезали из тарелок со скоростью, непредставимой для блюд быстрого приготовления, приводить которые в надлежащий для потребления вид являлось обязанностью Кирилла. А затем, после роскошного ужина с обязательной бутылочкой хорошего вина, наступала ночь, — доказывавшая, что вкусная еда — проверенный путь не только к сердцу мужчины. Но и к кое-каким еще частям его, мужчины, тела...

Говоря честно, Кирилл даже любил семейные скандалы, где неизменно оказывался проигравшей стороной... Вернее, любил следовавшие за ними дни и ночи, особенно ночи. Но эта вот фальшиво-ласковая интонация Марины...

— Бе-е-едненькая... — повторила Марина, осторожненько прикоснувшись одним пальцем к лисьей шерсти.

Кириллу вдруг, неизвестно почему, захотелось: пусть труп лисицы неожиданно оживет, да и цапнет супругу за палец...

Не ожил. Не цапнул.

Судя по всему, колесо переехало зверька как раз посередине — сплющило, переломало кости. Ладно хоть кишки наружу не вылезли, такого зрелища Кирилл точно бы не выдержал... Его желудок начал протестовать даже сейчас, при виде небольшой лужицы крови, скопившейся возле пасти лисицы.

— Какая-то она совсем не рыжая, — сказала Марина.

Действительно, лисий мех был серовато-желтого цвета, и не только из-за осевшей на него пыли. Да и вообще летняя шуба кумушки выглядела непрезентабельно: шерсть редкая, свалявшаяся, клочковатая...

Кирилл сказал поучающим тоном:

— Они все по лету такие, и эта к зиме бы перелиняла, порыжела.

— Надо ее похоронить, — заявила Марина решительно.

— Хм...

Нет, он и сам понимал, что приличные люди за собой прибирают, и не стоит оставлять лисий труп валяться на дороге. Однако почему бы попросту не оттащить его в придорожные кусты?

Спорить с женой Кирилл не стал. Невелик труд, в конце концов, — при наличии необходимых шанцевых инструментов. Но их-то как раз и не было, Кирилл давно собирался приобрести и возить в машине «малый джентльменский набор» — топор, ножовку, саперную лопату, да всё как-то руки не доходили.

— Положи ее в багажник! — сказала Марина приказным тоном.

Он попытался... Сходил к «пятерке», достал из багажника и надел брезентовые рукавицы, нагнулся, и...

Желудок, и до того не выступавший образцом благонравия, взбунтовался окончательно. Кирилл сделал два коротеньких шага в сторону, согнулся, едва успев отвернуться от лисы и Мариной. Затем издал мерзкий, из глубин утробы вырвавшийся звук, еще один...

— Эх ты...

Марина сдернула с руки мужа рукавицу, вторую Кирилл выронил на дорогу. За спиной послышалась короткая возня, потом металлический лязг захлопнувшегося багажника.

И все-таки он сдержался, отвратительными звуками все и ограничилось. Стоял, глотая воздух широко распахнутым ртом. Наконец сумел выговорить:

— Похоже, не слабо я приложился... Сотрясение, хоть и несильное.

Желудок объявил временное перемирие. Гулкая боль в голове, наоборот, усилилась. Больше всего хотелось лечь, вытянуться, — и ничего не делать...

Лисы на дороге не было. Лишь лужица крови, почти впитавшаяся в улучшенное покрытие. Словно кто-то расплескал томатный сок.

— Бедненький... — произнесла Марина тем же приторно-ласковым тоном почти то же слово. — Ты б видел себя — уже не бледный, зеленый совсем... Садись скорей в машину, может, медпункт какой в Загривье найдется, или фельдшер.

Она даже, уникальный случай, не попыталась выставить Кирилла виновником происшествия, вновь помянув про не пристегнутый ремень безопасности...

Он уселся на пассажирское место — медленно, осторожно, как будто опасаясь расплескать жидкое и болезненное содер-

жимое собственного черепа. Супруга достала аптечку, положила Кириллу на колени.

— Посмотри, вроде бы я перед отъездом положила упаковку но-шпы...

Кирилл не сомневался, что так и есть, проблема первого дня всегда доставляла жене немало неприятностей. Он перебирал содержимое аптечки — не то, не то, а вот мезим отложим, вдруг и вправду незаменим для желудка...

И тут Марина закричала.

Истошно. Дико. Пронзительно.

Триада вторая

Прелести сельской жизни

1

Приобретение загородной недвижимости — идея, придуманная супругой Кирилла.

У всех приличных людей есть дачи — а мы что, хуже других? Бесплодно мечтать о чем-либо долгие годы Марина не привыкла, приходящие ей в голову мысли воплощались в жизнь быстро и неуклонно.

Родители ее, надо сказать, дачным участком никогда отягощены не были. Соответственно, все представления Марины о пейзанском быте основывались на впечатлениях, полученных во время визитов на дачи знакомых. И были те представления не то чтобы далеки от реальности, но несколько однобоки: блаженное ничегонеделание в разложенном шезлонге, и вечерние прогулки по живописным местам, и барбекю либо шашлык на полянке, среди пчел-цветов-бабочек... Ну и банька, разумеется.

Кирилл относился к ее придумке несколько менее восторженно. Его-то семья как раз владела **«Фазендой»** — восемнадцать соток с большим крепким домом в Гатчинском районе. Позже, после смерти отца — Кириллу шел четырнадцатый год — недвижимость пришлось продать, да и машину тоже, приснопамятное начало девяностых оказалось суровым временем для вдовы-домохозяйки с тремя несовершеннолетними детьми...

Но воспоминания о дачных трудах остались не самые радужные. Какой, к черту, отдых?! Самая настоящая каторга. И если для матери хоть добровольная, то для Кирюшки вполне принудительная. Вам когда-нибудь приходилось в нежном одиннадцатилетнем возрасте развозить тачкой по восемнадцати соткам громадную кучу навоза — вываленную самосвалом и гнусно воняющую? Развозить фактически в одиночку — отец пропадает на работе, мать беременна Танькой? Развозить в свои законные долгожданные каникулы? Рассказывайте кому-нибудь другому о прелестях сельской жизни.

Марину такие доводы не смущали. Вовсе незачем заморачиваться навозом, парниками и грядками. Беседка, аккуратные газоны, декоративный водоемчик с каскадом или фонтанчиком. А если ей вдруг придет идея сделать живописный альпинарий, благоверный может быть уверен — его эти труды никак не коснутся. Никакой каторги, самый настоящий отдых. Релаксация.

Кирилл был уверен: чтобы сия благостная картинка воплотилась в жизнь, — сил, времени и денег придется вложить ой-ой-ой сколько. Но бороться с напористым энтузиазмом жены себе дороже... Согласившись с главным постулатом: дача и в самом деле не помешает, Кирилл выдвинул финансовые мотивы — показал бюллетень недвижимости с ценами на загородные дома. Да, зарплата у него по нынешним временам неплохая, но сразу такую покупку не осилить. Значит — кредит, петля обязательных взносов на шее... Они, если супруга позабыла, «пятерку» покупали на год-два, намереваясь именно на ней научиться как следует ездить — и сменить на что-либо более-solidное. Покупка дома эти планы весьма отодвинет. И ежегодный отпуск за границей отменится. И еще кое-что отменится... А если он, тьфу-тьфу-тьфу, перестанет зарабатывать столько?

Но Марина подошла к делу конкретно: взяла бумагу, карандаш, калькулятор, произвела несложный расчет: нужна такая-

то сумма на таких-то условиях на такой-то срок, чтобы не пытаться одними макаронами, не одеваться в обноски и поменять спустя год машину. Ничего запредельного. Ищи подходящий банк.

Он начал искать... Вернее, лишь делал вид, что ищет, — не пытаясь найти...

И все-таки оказался здесь, на ведущей в Загривье дороге.

2

Марина закричала — истошно, дико, пронзительно.

Он рывком повернулся к ней, аптечка полетела под ноги, голова тут же откликнулась взрывом резкой боли.

Повернулся — и ничего не понял. Дикий вопль смолк. Марина — бледная, лицо искажено, губы подрагивают — сидела, далеко отставив нелепо вывернутую руку.

— Что с тобой?!

Она выдавила нечто совершенно нечленораздельное, показывая взглядом на обшлаг своего рукава.

Кирилл пригляделся и облегченно выдохнул. И быстро, двумя пальцами, снял ЭТО с руки Марины.

Дар речи вернулся к ней лишь спустя несколько секунд, да и то относительно:

— К-к-клещ? — голос звучал растерянно, жалобно.

Клещей она панически боялась с детства. Причем не бесприненно: задушевная ее подруга-второклассница не пришла первого сентября в школу — за неделю до того умерла от клещевого энцефалита...

В восемь лет смерть кажется чем-то далеким и абстрактным, и уж никак не касающимся тебя и твоих друзей-сверстников — последствия давней психологической травмы остались у Марины на всю жизнь. При всей платонической любви к природе вытянуть ее в лес за грибами было нереально. А неделю назад не поленилась, съездила в областной саннадзор, выяснила: Загривье в зоны риска не попадает, вероятность подцепить энцефалит ничтожна.

Даже столь малый риск ее никак не устраивал, постановила сделать себе и мужу соответствующие прививки. Кирилл помнил, насколько это болезненная процедура, но не возражал:

дело и впрямь нужное. Однако в поликлинику до поездки в Загривье они так и не сходили...

— Да никакой не клещ, — сказал он ровным, успокаивающим тоном. И сдавил насекомое кончиками ногтей. Прозвучал тихий, но вполне различимый щелчок. — Достаточно безобидная зверюшка... была. Встречал таких не раз. Не совсем, конечно, мирная, тоже кровь сосет, — из лесных животных, при случае из человека. Но никакой заразы не переносит.

Что убитое им насекомое в народе носит неблагозвучное прозвище **«лосиная вошь»**, Кирилл не стал говорить. Останки маленького вампира отправились прямиком в пепельницу.

— Фу-у-у... Как оно сюда попало? Через окно? — Голос Марины все еще звучал встревожено.

— Да с лисы, конечно же... На рукавицу, потом на рукав. Ты осиротила зверюшку, она и нашла быстренько новый источник пищи... — он говорил, стараясь ничем не выдать легкое зло-

радство: это тебе не глянцевая картинка «Мира дикой природы», природолюбка ты наша.

— Значит, в багажнике теперь и другие могут ползать? Замечательно... — Марина быстро и полностью оправилась от потрясения, говорила в обычной своей манере: уверенно, безапелляционно. — В первом же магазине купим какой-нибудь дихлофос.

— Не надо... — вяло возразил Кирилл. — Нет других. У них массовый вылет в конце лета и начале осени. А эта или перезимовала, или слишком ранняя. Одиночка, в общем...

— Все равно вылезай, осмотрим друг друга хорошенько. Не желаю быть ничьим источником пищи.

Дурное какое-то место, никак с него не уехать, подумал Кирилл.

Словно заколдованное...

3

Не так давно произошло событие, поставившее крест на тихом саботаже Кирилла. Вернее, даже цепочка из трех событий.

Началось все, когда пару недель назад он возвращался в Петербург из Москвы, двух-трехдневные командировки в первопрестольную давно стали для Кирилла делом привычным. Диспетчер аэропорта «Пулково» отчего-то не сразу дал добро на посадку — и «тушка» заложила огромный круг над городом. День выдался на удивление ясный, безоблачный, — с высоты в несколько километров можно было бы отлично разглядеть не только каждый дом, но и каждую легковушку на питерских улицах.

Можно было бы, но...

На беду, стояло абсолютное безветрие. Ни дуновения. И прекрасно виднелась лишь исполинская медуза смога, придавившая огромный город. Все дымы из заводских и фабричных труб, из ТЭЦ и котельных поднимались вертикально, и, никуда не уносимые ветром, расплывались, расползались в стороны, опускались вниз — сливаясь в гигантскую мутную линзу. Над пригородами слой смога был немного тоньше, прозрачнее — но лишь немного. Только над Царским Селом, стоявшим в отдалении на холме, атмосфера оказалась достаточно чистой — в бывшей императорской резиденции практически нет крупных промышленных предприятий.

Кирилл обалдел.

Просто-таки обалдел...

И в этом мы живем??!!!

И этим мы дышим??!!!

Нет, понятно, ему доводилось слышать тревожные цифры, о которых трубили экологи, но цифра — вещь абстрактная, а чтобы так вот зrimо, наглядно...

Мысленно он клял на чем свет стоит власти, и городские, и федеральные. Проблема известна давно: относительно небольшой исторический центр города стиснуло кольцо промзон — как накинутая на горло удавка. И лишь за бывшими заводскими окраинами (давно утратившими право называться окраинами) — внешнее кольцо «спальных районов». Куда ветер ни дунет, ядовитая отрава летит на людей.

Проблема известна, известно и единственное возможное ее решение — постепенно демонтировать предприятия, вывозить производства далеко за городскую черту, и новые жилые микрорайоны возводить на их месте, а не у черта на куличках...

Но все декларации властей на эту тему остаются на словах и на бумаге, а реальное положение дел — вот оно, перед глазами, за иллюминатором самолета.

Попутчики тупо пялились на пейзаж задыхающегося города, и, казалось, не хотели ничего замечать... Кирилл едва сдерживался, чтобы не проорать громко, на весь салон:

«Да протрите глаза, мать вашу! Вас убивают, травят, а вам хоть бы что!!»

У него была и еще одна причина для столь бурной реакции на увиденное. Перед командировкой Марина поведала: у нее задержка, уже две недели, в ближайшее время посетит консультацию. Он робко поинтересовался ее дальнейшими планами. Рожать, конечно же, удивилась она, — разве ты сам не заводил разговор о ребенке?

В такси, по дороге из аэропорта, он решил: если все подтвердится, большую часть беременности жена проведет подальше от ядовитой медузы смога. Ничего, уж сумеет он как-нибудь извернуться, тем более что преднамеренно не открывал Марине все карты — о корпоративных кредитах, например, она не имеет представления...

Все подтвердились.

Через восемь месяцев следовало ожидать прибавления семейства.

Но к займам и кредитам прибегать не пришлось. Пока Кирилл ездил в Москву, на глаза супруге попалось объявление о продаже дома в Загриье.

Цену за недвижимость запрашивали удивительно, невероятно низкую...

И Кирилл сразу заподозрил неладное.

Триада третья

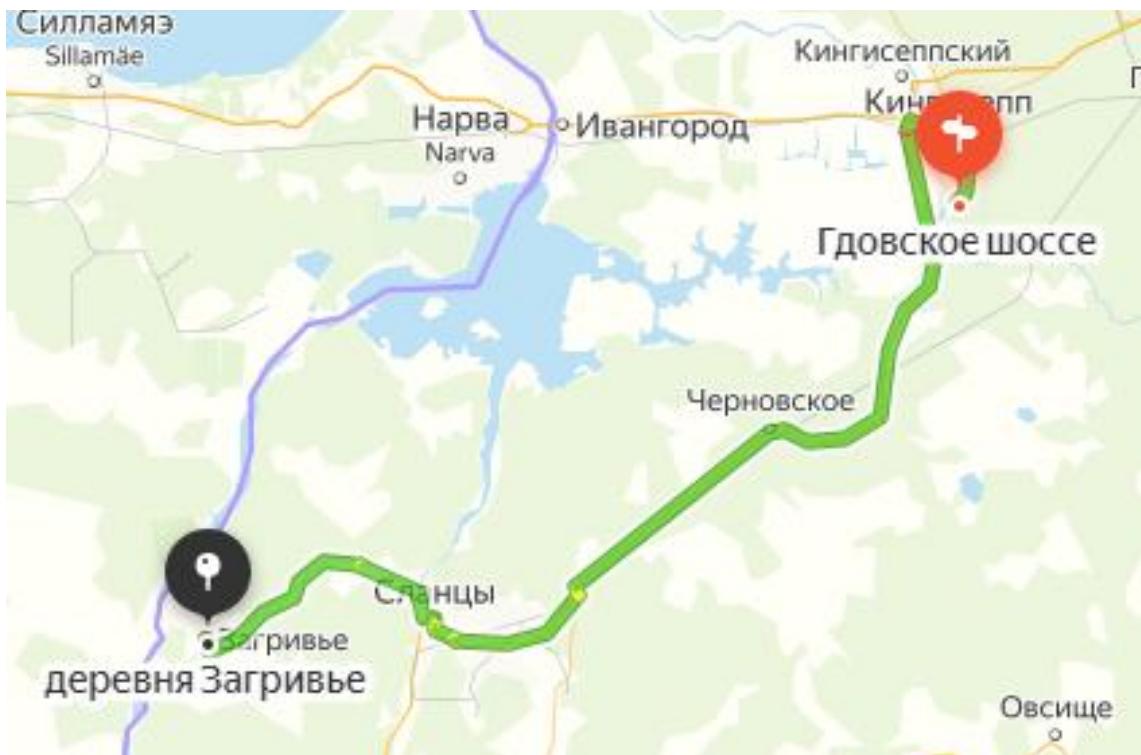
Ангелы бывают разные

1

С «заколдованного места» они наконец уехали.

Две таблетки но-шпы, принятые Кириллом, сделали свое дело. Голова вела себя относительно прилично — если не вертеть ею по сторонам и не притрагиваться к огромной шишке.

Можно сказать, легко отдался: первые десять километров пустынной дороги, ведущей к Загривью от Гдовского шоссе, оказались заасфальтированными, и Марина уверенно держала сто двадцать.

Выбежала бы там лиса под колеса... — Кирилл болезненно поморщился, представив этакую перспективу. И постановил отныне всегда пристегиваться, на любой дороге и на любой скорости.

Меж тем дорога вынырнула из леса, потянувшись поля, под колесами вновь зашуршал асфальт. Не стоило заглядывать в атлас, чтобы понять: цель их путешествия, Загривье, неподалеку. Единственный здешний центр цивилизации. Как убедился Кирилл после дотошного изучения карты-километровки, к названиям всех остальных деревень в радиусе пятнадцати километров присовокуплялась пометка курсивом в скобочках: **нежил.** Давняя война страшным катком прокатилась по населенным когда-то местам — неподалеку летом сорок первого произошла страшная мясорубка, именуемая историками «боями на Лужском рубеже».

Вдали показались первые дома. Кирилл со слабой надеждой достал сотовый телефон — а ну как здесь заработает? Тогда надо будет позвонить, предупредить, что подъезжают...

Надеялся он напрасно — стилизованное изображение антennы оставалось по-прежнему перечеркнутым, мобильником здесь можно фотографировать окрестные пейзажи, или использовать его в качестве будильника, или сыграть от безделия в «тетрис»... Только применить по прямому назначению нельзя.

Однако дозвонились же они сюда из города, значит чья-то зона покрытия зацепляет и эти Богом забытые места... Цифры кода оказались незнакомые, и оператора сотовой связи по ним Кирилл не опознал, — ничего, узнает и купит еще один телефон, подбрав подходящий тариф, чтобы не оставаться без связи при поездках.

Если они, поездки сюда, вообще будут... Но, судя по настрою благоверной, — всенепременно будут.

Когда мимо мелькнула белая табличка с надписью

Загриье

Марина бросила быстрый взгляд на спидометр. Констатировала:

— Сто восемьдесят семь кмэ, как одна копеечка. А по прямой... сколько ты говорил?

— Чуть больше сотни...

Неудивительно, что после войны большинство здешних селений не восстановили. Очень уж дорога неудобная — чтобы попасть сюда с Гдовского шоссе, приходится давать изрядного крюка, обезжая громадное болото с названием Сычий Мх. А по прямой от города — с востока, через реку Лугу, вообще не проехать: нет ни моста, ни паромной переправы.

— Не беда, даже на уик-энды можно ездить, — бодро сказала Марина. — Считай, под боком. Вон, Новотоцкие дом на Ладоге купили, в Карелии. Девять часов за рулем — раз в год в отпуск выбираются. А платили, между прочим, на пять тысяч дороже. По ценам трехлетней давности.

Кирилл кивнул.

И тут же пожалел об этом движении — голова откликнулась резкой болью.

2

Объявление, найденное Мариной в бюллетене недвижимости, и впрямь поразило несуразно низкой ценой.

Нет, хорошоенько порывшись в пресловутом издании, можно было отыскать еще более смешные суммы. Но даже на фотографиях видно: предлагаемые к продаже дешевые строения — хибарки чуть больше собачьей будки размером — служат отнюдь не для отдыха. Для той самой садово-огородной каторги. Жить в них нельзя, лишь хранить сельхозинвентарь. Ну, разве что иногда заночевать на раскладушке, припозднившись после праведных трудов к последней электричке. Впрочем, продавались задешево и большие, ладные деревенские дома — но где-нибудь в тьмутаракани, в новгородской, псковской или вологодской глубинке.

Здесь же... Кирилл первым делом заподозрил опечатку в объявлении: или наборщики пропустили нолик, или по ошибке указали рубли вместо долларов или евро... Никак не могут стоить столько крепкие жилые дома с обширными участками в Кингисеппском районе Ленобласти. Город Кингисепп (поименованный так в честь пламенного эстонского революционера) — совсем рядом, в ста километрах по Таллиннскому шоссе. Почти пригородная дача получается... Не бывает такого.

Он озвучил свои сомнения. Марина настаивала: позвони, что теряешь? Телефон в объявлении был указан областной. Судя по коду, агентство недвижимости располагалось в городе Сланцы. Ничего удивительного, Кингисеппский и Сланцевский районы граничат.

Кирилл позвонил, предчувствуя: даже если не опечатка, то какой-то лохотрон. Какой именно, так сразу и не представить, но наши люди куда как изобретательны в деле выманивания

наличности у сограждан. Например, если дом действительно так хорош, может моментально объявиться второй покупатель, вернее — лжепокупатель, и предприимчивый продавец устроит аукцион — торг дело азартное, увлекшись, можно невзначай выложить сумму, раза в полтора-два превышающую рыночные цены...

Однако в телефонном разговоре ничего подозрительного не прозвучало: да, цифра правильная. Нет, никаких агентств, дом продает наследник, напрямую. Да, денег у него хватает, и единственная цель — избавиться от загородной обузы. Нет, цена фиксированная, никаких аукционов. Да, приезжайте и смотрите, понравится — покупайте. Деньги взять с собой? — да зачем же, расплатитесь позже, в городе, при оформлении.

Абсолютно ничего подозрительного не прозвучало. И по какому-то капризу логики именно это показалось Кириллу неладным. Раз не просят приехать с деньгами — надо надеяться, что потенциальных покупателей в Загривье не бьют ломом по голове и не зарывают на скотном выгоне. Но жульничество вполне вероятно. Например, чуть погодя объявится еще какой-нибудь наследник, чьи интересы продажа ущемляет — и объявит по суду сделку незаконной. Ищи-svищи тогда продавца с твоими денежками...

Казалось, собеседник — мужчина с уверенным голосом — уловил между слов сомнения Кирилла. И предложил: вы с кондаком не решайтесь, приезжайте в Загривье в любое время, поживите пару дней (совершенно бесплатно, разумеется!) — присмотритесь хорошенько и к местам, и к дому.

Кириллу предложение понравилось. И не только потому, что за два дня можно не спеша выявить все недостатки потенциальной покупки — печь с плохой тягой или гнилое дерево под слоем свежей краски. Можно будет и с местными потолковать, в деревне шило в мешке не утаишь, все расскажут, про самых дальних родственников-наследников вспомнят.

Хорошо, сказал он, как и когда нам это осуществить?

Да когда удобно, но если затяните, могут другие желающие объявиться. Нет, сам он приехать не сможет: работа такая, что выходные крайне редко и нерегулярно выпадают. Но у соседа лежат ключи, и есть с ним предварительная договоренность как раз о возможном двухдневном визите покупателей. Позвоните ему, скажете, что от меня, условитесь о времени, — собеседник назвал имя соседа и десять цифр федерального номера.

Через две недели Кирилл и Марина поехали в Загривье.

3

В общем и целом, деревня понравилась обоим.

Дома большие, справные, все как один на высоких фундаментах, сложенных из грубо обтесанного дикого камня. Кирилл где-то вычитал, что давным-давно эту архитектурную особенность русские крестьяне позаимствовали у аборигенов здешнего края, у чухонской народности **водь**. По крайней мере, можно не опасаться, что нижние венцы у покупки окажутся гнилыми.

И расположены дома вольготно, привольно — не то что в скученных шестисоточных садоводствах, где волей-неволей живешь под пристальными взглядами соседей.

Да и пейзаж неплох — с двух сторон поля, за ними, вдалеке, километрах в пяти-шести, темнел лес. С двух других сторон к Загривью примыкала вытянутая, дугой изогнувшаяся возвышенность. Местами она тоже поросла лесом, местами поляны перемежались с зарослями кустарника. Вот и название деревни объяснилось — наверняка такие протяженные и неширокие возвышенности в местном сленге как раз именуются гривами.

А за гривой, если верить карте, то самое огромное болото — Сычий Мох. Удобно: достаточно близко, если вдруг приспичит сходить за клюквой. А комары до Загривья не долетят, далековато для кровососов.

...Первый встреченный местный житель оказался на деле жительницей, девчонкой лет десяти: исцарапанные загорелые коленки торчат из-под подола цветастого платья, мышиные хвостики косичек, конопатая мордашка.

Марина притормозила, опустила стекло, поинтересовалась: как проехать к дому Лихоедовых?

Жительница склонила голову к правому плечу, и воззрилась столь изумленно, словно ее попросили коротенечко, в двух словах, изложить суть специальной теории относительности.

Марина повторила вопрос, причем на удивление ровным тоном, ни следа раздражения в голосе.

Жительница склонила голову к другому плечу, и отражавшиеся на лице раздумья явно стали еще более напряженными.

«Может, немая или слабая на голову?» — подумал Кирилл. Пьют в медвежьих углах по-черному, и детки на свет появляются с самыми разными отклонениями.

Однако девчонка тут же опровергла его измышления.

— Так вон же! — указала на дом, до которого «пятерка» не доехала буквально полсотни метров. Захихикала и унеслась куда-то вприпрыжку — наверное, рассказать подружкам про городских дурачков, в упор не замечающих дом Лихоедовых.

Кирилл отметил, что искомый дом, как и некоторые другие из виденных в Загривье, украшен сразу двумя антеннами, поднятыми на высоченных еловых жердинах. Одна явно самодельная, сложенная из двух непонятных металлических деталей: здоровенных пластин с большими круглыми отверстиями. Вторая фабричная, но тоже несколько непривычного вида, с торчащими во все стороны металлическими штырьками.

...Очередной загривчанин (загривец?), встреченный уже на лихоедовском подворье, тоже оказался ребенком — мальчиком лет пяти-шести. Значит, не такая уж здесь унылая жизнь, мельком подумал Кирилл, не только стариче доживает век, хватает и молодых, и рожают достаточно активно...

Наружностью мальчонка обладал самой ангельской.

Конечно, встречи с ангелами наукой достоверно не зафиксированы, и внешность их мало кому известна. Но именно такими когда-то давно изображали (а ныне вновь начали изображать) ангелочеков на рождественских и пасхальных открытках: младенческая пухлость щек, вьющиеся белокурые кудри, не-

винный взгляд ясных-ясных глаз. Лишь крылышки — всенепременный атрибут с тех же открыток — у загривского херувимчика еще не прорезались.

Зато чудесное дитя явно отличалось ангельским трудолюбием и желанием помочь родителям: пристраивало на большой чурбак что-то, показавшееся Кириллу деревянной чуркой. Рядом лежал топор. Вернее, колун с потемневшей ручкой, обмотанной на конце синей изолентой.

Ни дать, ни взять сюжет для нравоучительного рассказца в детскую хрестоматию: утомленные страдой отец с матерью еще спят, а любящий сынок колет дровишки для самовара — попотчевать проснувшихся родителей свежим горячим чаем.

— Ма-а-альчик! — протянула Марина неприятным, каким-то скрипучим голосом. — Немедленно отойди от этой гадости!

Кирилл удивился. Но тут же все понял. Разглядел, **ЧТО** именно лежало на чурбаке. **ЭТО** и раньше находилось в поле зрения, но мозг отчего-то не воспринимал, не осознавал увиденное — слишком уж оно не вписывалось в нарисованную воображением благостную картинку.

На неровной, иссеченной многими ударами топора деревянной поверхности лежала крыса.

Дохлая крыса...

Здоровенная — мордочка касалась края чурбака, кончик хвоста свешивался с противоположного. Голова у грызуна была неправильной, сплющенной формы — и причина того сомнений не вызывала: неподалеку валялась крысоловка.

Самая простая, без затей, крысоловка. Скоба, мощная пружина, сторожок и дощечка-основание. Последняя деталь вся в бурых пятнах — наверняка немудреное устройство прикончило многих представителей хвостатого племени.

Чудесное дитя, никак не реагируя на присутствие чужаков, внесло легкую правку в свой натюрморт — чуть изогнувшись голый крысиный хвост лежал теперь идеально ровно.

— Мальчик! Слышишь меня?!! — чуть ли не завопила Марина.

Ангелочек, без сомнения, слышал — взглянул на нее бездонными, небесно-голубыми глазами. И с видимой натугой поднял колун на уровень груди.

— Ты... — Марина осеклась.

Колун опустился с глухим стуком.

Был он совершенно тупой, предназначенный не рассекать что-либо, но лишь раскалывать дрова. Да и силенок у мальчика не хватало на полноценный замах.

Металлический клин, угодивший ровно по середине крысиной спинки, не разрубил грызуна пополам — смял, сплющил, вдавил в дерево, ломая косточки... Кирилл отлично видел, как дернулись вверх задние лапки и хвост, передняя часть тоже дернулась, при этом из крысиной пасти вылетело, выплеснулось что-то мерзкое, тягучее, буро-красное...

Желудок отреагировал мгновенно, без всяких предупреждающих позывов. Кирилл чудом успел согнуться — хлынувшие наружу остатки завтрака все же не попали на одежду.

Он с ужасом глядел на кроваво-бурое отвратительное пятно у себя под ногами.

Кровь...

Кровь?!

Тут же вспомнил: сок, проклятый томатный сок, в жизни больше не возьмет его в рот...

Он понял, как смотрелся сейчас со стороны — точь-в-точь как та крыса, даже цвет выплеснутого очень похож, словно и ему, Кириллу, с хрустом опустилось на спину крушащее желе-зо... Словно это он лежал на иссеченной плахе. Спина немедленно откликнулась тягучей болью — психосоматика чистой воды. Желудок тоже не остался в стороне, жесточайшие спазмы не прекращались...

Ангелочку, похоже, были не в диковинку блюющие неподалеку незнакомцы. Тюк! Тюк! Тюк! — работа колуна не прекращалась.

Марина что-то крикнула — смысл слов скользнул мимо сознания Кирилла, потом крикнула что-то еще, потом мерное тюканье смолкло.

Кирилл наконец сумел разогнуться. С губ свисала липко-тягучая нить слюны, смешанной с чем-то гнусным, он смахнул — тут же прилипла к пальцам, он тряхнул рукой, не помогло, взмахнул резко, яростно, — и эта гнусь улетела не куда-нибудь, а ровнехонько на его джинсы... Он мысленно взвыл, представив, каким идиотом выглядит.

Взгляд Кирилла — помимо его воли — скользнул к чурбаку. И тотчас же отдернулся. Нет уж, ни к чему рассматривать месиво, в которое превратилось крыса, хватит на сегодня тошнотворных зрелищ...

Марина застыла с колуном в руках — отобрала у юного дентализатора. И если кто-нибудь заглянет сейчас во двор Лихоедовых, наверняка решит: именно эта молодая симпатичная женщина — автор лежащего на чурбаке непотребства. Ибо заподозрить ангелоподобное создание в подобных развлечениях решительно невозможно.

— Зачем?! — спросил Кирилл у мальчика. И, уже спросив, понял, — ответ услышать не хочется. Не интересно, и всё тут.

— Так ведь родительский день завтра, — произнес малыш так, будто это заявление полностью оправдывало его странное, мягко выражаясь, занятие.

Произнес самым ангельским голоском.

Триада четвёртая

Особенности национальной резьбы по дереву

1

Хозяина они не застали дома.

Антонина Лихоедова (представившаяся, впрочем, как Тоня) была дородной женщиной лет так... честно говоря, Кирилл затруднился определить ее возраст. В лучшем случае приблизительный диапазон: от тридцати до сорока с небольшим. Встречаются такие безвозрастные пухляночки — жирок растягивает кожу, сглаживает первые морщинки, куда как заметные у более худощавых сверстниц.

— Так ведь нет его... — несколько смутно ответила Антонина на вопрос о муже.

— Уехал?! — чуть не хором ахнули Кирилл и Марина.

Договориться с хранителем ключей им было не так-то просто: в телефонном разговоре Трофим Лихоедов настоял на их приезде именно в этот уик-энд, не раньше и не позже. Поскольку работает он не здесь, а на выезде (кем именно работает, Кирилл не разобрал, слышимость оказалось паршивенькая). В общем, позже его, Трофима, две недели не будет в Загривье. А ключи он никому не оставит, потому как своим карманом отвечает за дом и все в нем имеющееся, так вот.

Они переверстали кое-какие свои планы — приехали точно в назначенный срок. И вот вам...

— Так нет же... — Антонина засмеялась, развеселившись от непонятливоности приезжих. — Куда ж уедет, коли договорено? За домом сам-то, на выгоне, — слышите, топором стучит? Щас Юрка сгоняю...

Она вытерла руки полотенцем — Кирилл и Марина застали хозяйку за раскатыванием теста; вышла в сени, гаркнула Юрку, чтоб единым духом бежал за отцом, покупатели приехали, дескать.

— Так что погодите чуток, — сказала Антонина, вернувшись и к гостям, и к своему тесту. — Придет...

Надо понимать, ангелоподобного юного натуралиста звали Юрой. Кирилл хотел было поинтересоваться у хозяйки, знает ли она об увлечениях сына, но раздумал. Может, у них в доме экологическая катастрофа случилась — массовое нашествие крыс. Сгрызли все продукты и, оголодав, на людей бросаются...

Спросил он о другом:

— Скажите, а у мужа вашего какой оператор мобильной связи?

Антонина уставилась изумленно, словно слышала такие слова впервые в жизни.

Кирилл попытался объяснить:

— По телефону мы ему звонили, на сотовый номер...

— А-а-а... — Антонина разулыбалась. — Так ведь это ж... Откуда ж у нас сотовым-то? Не работают тута у городских, кто приедет... Приема нету.

Теперь изумился уже Кирилл, но ненадолго. Как тут же выяснилось, беседовал с ним хозяин по радиотелефону «Алтай» — Антонина указала на помянутое устройство, стоявшее в углу на отдельном, наверняка специально для него сколоченном столике.

Да уж, мобильным этот телефон никак не назовешь... Два серых металлических ящика внушительных размеров, на одном

из них сбоку подвешена пластмассовая трубка — когда-то белая, ныне пожелтевшая.

Кирилл смутно помнил, что давным-давно, во времена его детства, подобные системы стояли в машинах такси, в те годы сплошь государственных. Лишь второго, большего, ящика в тех «волгах» с шашечками и зеленым глазком не было, — в нем наверняка трансформатор, позволяющий работать от сети, а не от автомобильного аккумулятора.

М-да... чудо советской техники. Дизайн и эргономика тут плачут горькими слезами, однако же — функционирует! Хотя по виду никак не младше хозяйки... Кирилл сильно сомневался, что с помощью его навороченного мобильника спустя тридцать лет удастся куда-нибудь дозвониться.

Ну что же, назначение вторых антенн над некоторыми загривскими крышами выяснилось. Заодно выяснилось, что они, приезжая сюда, останутся без связи — где теперь купишь такой антиквариат?

— Так и не надо ж покупать... — обнадежила Антонина. — В конторе напрокат возьмете, в Сланцах-то. Уж не помню, как там она зовется, да найдете легко — дом серый, бетонный, аккурат под вышкой телевизорной. Залог оставите, да еще сорок целковых каждый месяц — и звоните себе на здоровье.

Кирилл взглянул на часы и понял — обещанный «чуток» несколько затянулся. Или юный любитель природы имел о термине «единым духом» своеобразное представление, или решил по пути за отцом исполнить какое-нибудь неотложное дело. Проверить крысоловки, например.

— Так сами ж и сходите, — предложила хозяйка. — Недалеко ж, за дом пройдете, так и увидите... А Юрк у меня и впрямь такой... задумчивый. Увидит чего, рот разинет, все из головы вон. Сходите, а то мне от теста никак...

Делать нечего — они самостоятельно двинулись на поиски.

Обходя дом, Кирилл удивленно присвистнул:

— Вот это да... Любопытный мотивчик в орнаменте...

Марина взглянула на массивный деревянный ставень. Сегодня они видели в Загривье много резьбы по дереву: на каждой двери фигурные наличники, на всех окнах жилых домов — распахнутые резные ставни, на нежилых — плотно затворенные. Но в деталях образчик художественного народного промысла разглядеть удалось впервые.

Орнамент и вправду был неординарным — затейливо сплетенные правосторонние свастики.

2

«В лесу раздавался топор дровосека...» — вспомнил Кирилл школьную классику. Ну-ну, а на лугу корова раздавалась, а в кустах — соловей. Надо ж так написать, и никто не закричал ведь: графомания! Классики что за ересь ни сочинят, все хорошо...

На самом деле топор раздавался не в лесу — на задах лихоедовского участка. Но раздавался...

Трофим Лихоедов внешне был полной противоположностью своей супруге — невеликого росточка, худощавый, движения быстрые, несколько суетливые. И речь такая же, никакого сравнения с плавной напевностью фраз Антонины, — словно опасался, что перебьют, не дадут договорить. Но одно сходство имелось: лексические конструкции и у мужа, и у жены в большинстве своем начинались всенепременным «так». Не то особенность эта свойственна всему местному населению, не то лишь семейству Лихоедовых...

— Так это ж, щас и пойдем, что тянуть-то... — Трофим вткнул небольшой плотницкий топорик прямо в деревянное сооружение, над которым работал.

Рукоять топорика, как и у его родственника-колуна, тоже оказалась обмотана синей изолентой, очевидно, в видах большей ухватистости. Причем не абы как — судя по всему, сначала Трофим обернул дерево неплотными витками старой веревки — получились выемки под пальцы. Странно... Отчего-то Кирилл никогда прежде не видел подобных усовершенствований.

Предназначение объекта лихоедовских трудов тоже осталось загадкой: небрежно обтесанное бревно, а к нему Трофим прикалывал под углом деревянный щит из толстых неструганых

досок. Неподалеку лежало вторая аналогичная конструкция, законченная.

Спросить прямо: что, мол, это такое? — Кирилл постеснялся, и без того выглядят полными профанами в деревенских делах. Но почему-то у него мелькнула мысль о баскетболе: любящий папаша приколотит к щитам обручи от старого бочонка, обтянутые картофельной сеткой, вкопает столбы здесь, на лужайке, — а Юрочек-ангелочек будет тренироваться в метких и дальних бросках, используя вместо мячика раздувшийся кри-синый труп...

«Вот ведь паршивец малолетний!» — разозлился Кирилл. На весь день впечатление оставил, про что ни подумаешь, мысли все равно на крыс сворачивают...

— Далеко идти? — спросила Марина. — Может, быстрее доехать?

— Так нет же, за три дома всего, дольше в машину залезать да вылезть, опосля, как посмотрим, так уж и отгоните, не боитесь, свои тута все, не тронут, — протараторил Трофим на одном дыхании. Перевел дух и продолжил:

— Так отсюда и пойдем, напрямки, задочками, ключи вот у меня при себе, поджидал вас как-никак, гостей дорогих, — он хлопнул по карману своей рабочей спецовки, где и впрямь что-то глухо звякнуло. И широко улыбнулся, очевидно желая продемонстрировать радушное гостеприимство. Вот этого ему как раз делать не стоило. Зубы у Лихоедова оказались хуже некуда — гнилые, потемневшие, трех или четырех не хватало, — и улыбка произвела впечатление, далекое от запланированного.

С чего это вдруг мы ему стали «дорогие»? — мелькнуло у Кирилла. Прикатили, от работы оторвали...

Не иначе как хозяин посулил соседу за труды процент от стоимости проданного дома.

3

Недвижимость, на осмотр которой шагала по истоптанной скотом луговине их троица, и в самом деле располагалась через три дома от подворья Лихоедовых.

Однако идти, вопреки уверениям Трофима, пришлось изрядно. Домов-то три, да участков пять. Правда, на двух из них остались лишь пепелища с закопченными русскими печами, сиротливо вытянувшими трубы к небу. Кирилл вспомнил, что въезжая в Загривье, они уже видели старое, заросшее лопухами пожарище. Или даже два... Не многовато ли тут пожаров случается?

— Так горят, — пожал плечами Лихоедов в ответ на прямой вопрос, — почитай, что ни лето, так полыхает, в прошлом году, правда, Бог миловал. Без хозяев-то стоят, без пригляды, молния вдарит — так пока еще соседи увидят, что загорелось... А грозы у нас... О-о-о! Во всей округе самые знатные!

Он даже остановился, поднял палец многозначительным жестом, — чтобы Кирилл и Марина в полной мере оценили, какие знаменитые на весь район случаются над Загривьем грозы.

Затем вновь пошагал, продолжая тараторить без умолку:

— Так ведь даже с самой Москвы наука приезжала, лет уж десять тому, вон, на гриве прибо-о-о-ров всяких понатыкали, а-но-ма-ли-ю, значит, изучали. Вот ведь дармоеды, а? Путёвым бы чем занялись за денежки-то народные...

Неизвестно, как именно провинилась перед Трофимом та давняя экспедиция. Может, тем, что у него никто из «науки» не остановился на постой, лишив дополнительного приработка, может еще чем... Но весь оставшийся путь он продолжал ругать дармоедов-ученых. И закончил обвинительную речь несколько странным пассажем:

— Так вот жаль, что тока в августе прикатили, а то была бы им а-но-ма-лия, захребетникам...

Но Марина и Кирилл не обратили внимания на странную фразу, — внимательно вглядывались в дом, являвшийся целью их похода, оставалось до него не более сотни шагов.

Тогда не обратили...

...Что ни говори, агент по продаже недвижимости из Трофима получился бы никудышный. И провел он Марину с Кириллом пусть и самой ближней дорогой, но дом они увидели с невыигрышного ракурса.

Понятно это стало, лишь когда они обошли вокруг и оценили вид с улицы.

Дело в том, что Загривье не располагалось на ровной, как стол, местности, — холмы чередовались с низинками. «**Их**» дом как раз и стоял на склоне одного из таких взгорков. Фундамент — сложенный, как и все здесь, из дикого камня, с задней стороны был невысок — по колено, не больше. Со стороны же улицы — значительно выше человеческого роста. В результате строение, показавшееся при подходе приземистым и неказистым, разительно преобразилось, стоило сменить точку наблюдения: прямо-таки устремленные к небесам хоромы...

Как ни странно, дом выглядел жилым, в отличие от других, пустовавших в Загривье. Ни следа обветшалости, заброшенности. И окна не закрыты ставнями. Они, ставни, отчего-то вообще здесь отсутствовали.

Обидно...

Кирилл уже предвкушал, что тоже станет владельцем этакого резного чуда. Ну да ладно, если все сложится, — закажут у кого-нибудь из местных умельцев. Но желательно без свастик. Нет, понятно, что этот распространенный у древних славян символ появился задолго до бесноватого фюрера и его коричневой мрази, но все равно как-то неприятно жить в доме с такими украшениями...

А вот участок и в самом деле производил впечатление заброшенного, причем заброшенного много лет назад — наверное, за год-два такой густой, стеной стоящий бурьян не нарастет.

Любопытно... Хозяйство осталось без владельца давненько — а наследник решил продать лишь этим летом, не раньше и не позже. Почему? Потребовались деньги? Отчего тогда запросил столь смешную цену?

Впрочем, неважно. Можно считать, что им повезло. Попросту повезло.

Они поднялись на обширное высоченное крыльце, Кирилл зачем-то сосчитал ступени, оказалось их шестнадцать...

Трофим ковырялся ключом в огромном навесном замке, что-то бурча себе под нос. Внизу, в углу двери, была врезана другая дверца, крохотная, с подпружиненной петлей — очевидно, чтобы кошка могла приходить-уходить самостоятельно, не выстужая дом. Как выяснилось позже, подобными устройствами были оборудованы и черный ход, и дверь, ведущая из сеней во внутренние помещения. Заколочу, подумал Кирилл.

Марина прошептала тихонько:

— Ты только посмотри...

Вид с крыльца действительно открывался шикарный — почти вся деревня как на ладони, и поля, и дальний лес...

Похоже, бывший хозяин с умыслом посадил плодовые деревья так, чтобы не закрывали перспективу. И поставил здесь, на крыльце, добротно сложенную лавочку — посидеть, отдохнуть, полюбоваться окрестностями.

Замок поддался наконец усилиям Трофима, он распахнул дверь, шагнул внутрь, продолжая бурчать что-то неразборчивое.

А Марина положила мужу руки на плечи, заглянула в глаза:

— Кира, я хочу здесь жить!

И впилась в губы долгим поцелуем.

Ключ второй

Что вынашивается в утробе

Триада пятая

Хорошо иметь домик в деревне

1

— Так конечно ж, Тонька-то тута аж три дня прибиралась, — сказал Трофим с гордостью. — А то как же — вы приедете, а тута пыль до колена, да паутина по углам? Так и я ж руку приложил, вон, пробки вкрутил, — он щелкнул выключателем, настольная лампа загорелась. — Бак опять же накачал, бак тута знатный, на полкуба, с нержавейки, горячей воды тока нет, говорили ж Викентию: ставь бачок в печку на полсотни литров, будешь как кум королю, сват министру, Никита-печник занедорого совсем ставил, он всё собирался, собирался, да прособирался, помер, а потом и сам Никита помер-то, прошлым годом...

Антонина потрудилась здесь на славу. Нигде ни пылинки, ни соринки, посуда в сушилке-«ленивке» сверкает, заново вымытая. Марина прошла в горницу, откинула край покрывала с большой двуспальной кровати — белье хрусткое, свежевыстиранное. Кирилл остался в соседнем помещении, совмещавшем функции кухни и столовой, крутанул кран, вода забарабанила в эмалированную раковину. Цивилизация, однако... Он-то ожидал увидеть какой-нибудь антикварный рукомойник, на носик которого приходится нажимать намыленными руками...

— Так хорошая вода, вкусная, — пояснил Лихоедов, — добрый колодец был у Викентия, правда, застоялся малехо, но я ж кубов пять выкачал, да и всё путем... Вон тама унитаз даже стоит, — он кивнул на неприметную дверь, — все как в городе, тока вот канализации нету, все в яму текёт, хошь не хошь вы-

черпывать раз в год надо. Ну да коли деньги водятся — плати тыщу, сенизаторы со Сланцев прикатят, сами всё и выкачают...

Видимо, наследник не стал забирать абсолютно ничего из вещей умершего Викентия. Оно и понятно: например, старый черно-белый телевизор «Темп» разве продашь?

Лет через семьдесят, возможно, коллекционеры будут платить бешеные деньги за такие уцелевшие раритеты. Но не сейчас...

Холодильник — ЗИЛ с закругленными очертаниями и торчащей из корпуса массивной ручкой-рычагом — помнил еще более древние времена. Шестидесятые годы, когда мало кто из советских граждан жил в отдельных квартирах — в ручку встроен замок, дабы соседи по коммунальной кухне не подворовывали продукты и не подливали в суп чернила.

Холодильников, кстати, здесь имелось целых три: помимо упомянутого ЗИЛа, в обширной кладовке стоял еще один, неизвестной модели: металлические буквы названия оторваны с передней панели. И третий, в сенях, — «Самарканда» несколько более современного вида.

— Так что все три на ходу, без обману, — Трофим воткнул штепсель «Самарканда» в розетку — холодильник заработал шумно, завибрировал, да что там — просто-напросто затрясся, словно в честь пробуждения от долгого-долгого сна собрался немедленно пуститься в пляс на своих крохотных винтовых ножках... — однако передумал и несколько поутих. Лихоедов широким жестом распахнул дверцу — лампочка исправно загорелась, осветив белое пластиковое нутро. Полки там отсутствовали, равно как и пластмассовая дверца на морозильной камере.

— Так этот вот весь одна морозилка сплошная и есть, — пояснил Лихоедов в ответ на вопрос Марины. — Если, значит, свинью забить, али другую животину, — разве ж сюды всё впихнешь? — Он щелкнул пальцем по кожуху камеры. — А так мороз на всю нутренность...

Кирилл удивился было — ему почему-то казалось, что крестьяне режут скот поздней осенью, либо в начале зимы, как раз во избежание подобных проблем. Хотя какие нынче зимы, смея один в сравнении со старыми временами, — плюс пять и дождичек под Новый год никого уже не удивляют... Вот и подорвало глобальное потепление климата традиционный уклад деревенской жизни.

— Так-то всё путём, телевизор тока вот не фурычит, — вздохнул Трофим. — Я врубил — шипит, ничего не кажется... Сломался, али с антенной чего... Ну да беда небольшая, что вам та рухлядь, новый с городу привезете.

На этом он счел свои обязанности гида-экскурсвода законченными. Спросил:

— Так это... когда обратно-то вы?

Кирилл переглянулся с женой. Ответила глава семейства (*Марина, разумеется*):

— Завтра, в воскресенье. После обеда, до вечера оставаться не станем. Кирюше в понедельник на работу.

— А-а-а... — неопределенно протянул Трофим. И брякнул на обеденный стол связку ключей. — Так уж сами разберетесь, какой от бани, какой от сарай... На возвратном пути заедете, отадите. Ну а ежли глянется хозяйство, с Николаем-то сланцевским сами дальше разговоры ведите, а я свою службу спра- вил... Пойду, делов сёдня навалом. Родительский день как-ни-как завтра.

Кирилл слегка удивился. Он ждал, что Лихоедов еще долго будет расписывать достоинства дома и обстановки. Похоже, версия об агентских процентах шита белыми нитками. Но отчего тогда они с Антониной столь тщательно возились с предпродажной подготовкой? Деревенский менталитет, надо полагать. В городе, пожалуй, куда реже встречаются люди, так ответственно и с душой относящиеся к чужим просьбам.

Трофим ушел. Они остались вдвоем.

2

— Я чувствую себя Машей из сказки про трех медведей, — сказала Марина. — Кажется, сейчас дверь распахнется, ввалится хозяин: ну-ка, кто тут ел из моей миски?

И в самом деле, у Кирилла тоже возникло похожее чувство. Наверное, Антонина в своем стремлении навести порядок чуть перестаралась...

Он сказал преувеличенно бодро:

— Нет уж, нет уж! Не надо нам такой стивенкинговщины: похороненный хозяин выкапывается из могилы — проверить, как тут его любимое жилище...

Марина рассмеялась — как показалось Кириллу, слегка неуверенно. Потом взглянула на часики, сказала:

— Ну что, покурим? Уже можно.

Две недели назад она заявила: с третьего месяца — ни единой сигареты, может повредить малышу. И к тебе, милый, тоже самое относится: нечего дымить, как паровоз, вводить меня в искушение и превращать в пассивную курильщицу. Беременность, Кира, дело совместное.

С тех пор Марина проводила свою линию с неумолимой последовательностью: чтобы не бросать слишком резко, они постепенно увеличивали промежутки между выкуренными сигаретами. На работе Кирилл, понятное дело, безбожно нарушал установленный женой график. Дома и в совместных поездках приходилось терпеть... Он был уверен, что супруга, даже оставшись в одиночестве, не жульничает — ее б силу воли, да в мирных целях...

Курили, разумеется, на крыльце.

Кирилл даже не стал спрашивать мнение жены: покупаем дом или нет? И без того все ясно...

Марина ластилась: прижалась к плечу мужа, гладила пальцами кудри... С чего бы? Прояснилось все быстро.

— Кирюньчик, как твоя головушка? Сможешь пригнать машину от Лихоедовых? А то я что-то совсем никакая, вымоталась, передохнуть хочу, прилечь, ножки хоть на полчаса вытянуть...

Лет пять назад Кирилл всенепременно после таких слов сделал бы комплимент ее бедным уставшим ножкам, таким стройным и красивым. И снес бы ее на руках в горницу, к кушетке... И, вполне возможно, за машиной от той кушетки он отправился бы не сразу, несколько погодя, и в весьма улучшившемся настроении.

Сейчас же...

Сейчас он просто осторожно прикоснулся к украшавшей голову шишке, задумался: все не так плохо, коли уж не вспоминал о травмированной голове до самого вопроса Мариной. Наверное, все же не сотрясение, — лишь сильный ушиб. Ответил коротко:

— Пригоню.

— Умничка! — она чмокнула мужа в щеку. — Кстати, про какой родительский день они твердят? Мне вроде казалось, что родительская суббота — это незадолго до Пасхи...

— Не знаю... Может, Троицу здесь так именуют? Она не завтра, случайно? Тогда понятно — принято в этот день на кладбище ходить: могилки прибрать, предков помянуть...

Оба были абсолютными атеистами и скептиками, не отдавая дань даже модной ныне внешней религиозности — и в датах церковных праздников ориентировались слабо. Вопрос остался открытым.

...Шагая за машиной к подворью Лихоедовых (на сей раз по деревенской улице, ну ее, эту короткую дорогу среди коровьих лепешек) Кирилл вновь вспомнил недавнюю мысль про кушетку и стройные Маринины ножки, и про то, что еще пять лет на-

зад все было иначе... Вздохнул: психологи давно доказали — после нескольких лет брака взаимное охлаждение неизбежно. Но отчего-то каждая пара в начале совместной жизни уверена: уж к ним-то такое утверждение никак не относится... Эх-х-х... Ладно, родится ребенок, и все у них наладится...

Хотелось бы верить.

3

Марина осталась одна.

Прошлась по горнице, рассматривая вещи — совершенно ей чужие вещи, старые, помнящие тысячи прикосновений чужих рук, слышавшие тысячи чужих разговоров.

И эта **чуждость** давила. Еще как давила...

Хотелось взять большой мешок, или большую коробку, быстро покидать туда все ненужное старье, и — на помойку. Разрушить здешнюю ауру. Избавиться от впечатления, что хозяин вышел и вот-вот вернется... С кладбища не возвращаются. Всё. Точка. Это будет **ИХ** дом.

Увы, вариант с большим мешком не проходит. Пока не проходит, по крайней мере до оформления сделки...

А вот это... Нет, **ЭТО** она не выбросит. Знакомая вещь, почти родная... Как привет из прошлого.

Марина остановилась рядом со старинной ламповой радиолой «Ригонда» — достаточно громоздким ящиком, возвышавшимся на непропорционально тонких ножках.

Точно такой же предок современных музыкальных центров некогда стоял у ее тетки — мать часто бывала в гостях у сестры, и, пока женщины болтали о своем, пятилетней Маришке ставили пластинку, «Буратино» или «Незнайку», эти две сказки она знала наизусть, и других слушать отчего-то не желала...

Она осторожно, почти нежно коснулась пальцем полированного дерева. Именно дерева, никаких ламинированных ДСП в годы создания этой вещи не употребляли... Решено, радиолу они оставят. Если не работает, попробуют починить.

Та, теткина, перешла в конце концов во владение Владика, кузена Марины, — парнишки на десять лет ее младше, ярого фаната «Биттлз». И юный меломан утверждал, что вовсе это не старье, а классное ретро, что никакие транзисторы не сравняются по характеристикам, по чистоте звука со старыми добрыми лампами. Правда, родными динамиками «Ригонды» он все же не пользовался, — прослушивая виниловые диски из своей коллекции, пропускал звук через современную акустическую систему.

Не откладывая в долгий ящик, Марина тут же устроила проверку работоспособности **«классного ретро»**. Приемник функционировал вполне исправно на всех диапазонах. На диске проигрывателя никакой пластинки не было, и поблизости не видно... Она с сожалением опустила полированную крышку. Ладно, попросит потом у Владьки какой-нибудь не самый ценный диск...

Следующий предмет, привлекший внимание Марины, ей решительно не понравился. Часы. Висевшие в кухне-столовой настенные часы-ходики с маятником и двумя гирьками, соединенными длинной цепочкой. Гирьки выполнены в форме еловых шишек, краска с них облупилась, проглядывает сероватый свинец...

А еще часы были с кукушкой — по крайней мере стоило ожидать, что плотно затворенные дверцы распахнутся, и выскочит

именно эта птичка. Ходики безбожно врали, показывая без двух минут восемь — не то утра, не то вечера. Марина уставилась на дверцы, ожидая появления пернатой хранительницы времени. Как и бывает в подобных случаях, секунды ползли с кошмарной медлительностью. Громкое тиканье раздражало, — хотя, когда рядом находился Кирилл, она не замечала навязчивый звук.

Тик-так, тик-так... Словно идет обратный отсчет чьей-то жизни... И осталось ее, жизни, совсем чуть...

Минутная стрелка подрагивала различимой лишь вблизи дрожью — туда-обратно, туда-обратно с крохотной амплитудой — но уверенно ползла к двенадцати... Марине пришла неожиданная мысль: а где был ангелочек-Юрчик, когда его родители приводили дом в порядок? Не здесь ли тоже? И чем, любопытно знать, занимался?

У нее возникло иррациональное предчувствие: сейчас дверца распахнется, и...

И появится отнюдь не кукушка, нечто иное...

Крыса.

Дохлая крыса.

Оскалился, уставится мертвыми глазами, любопытствуя: а что это ты тут делаешь?

Стрелка перевалила двенадцать, поползла дальше... Дверца не распахнулась. Вообще. Сломаны, с облегчением поняла Марину.

Но мысленная картинка — высекаивающая из часов окровавленная крыса — оказалась настолько яркой, что она подняла руку и решительно остановила маятник. Тиканье смолкло. Нечего тут... Здесь ЕЕ дом! Ну, почти ее... И при первой возможности эта рухлядь отправится на свалку.

Она прошлась по кухне еще. Больше ничего интересного на глаза не попадалось, Марина машинально подошла к большо-

му обеденному столу, столь же машинально потянула за ручку выдвижного ящика...

Ящик служил хранилищем для всевозможных нужных и не-нужных мелочей. Очки со сломанной дужкой, пакетики с семенами, давно просроченные таблетки в пачках и таблетки в стеклянных склянках, груда квитанций на оплату электричества, налога на недвижимость, чего-то еще...

Внимание ее привлекла небольшая — на половине ладони поместится — овальная шкатулочка. Бронзовая, чеканная, ста-ринной ручной работы. Изящная вещица... Когда у них здесь появится камин, шкатулочка чудно будет смотреться на каминной полке.

Она легонько потрясла находку. Внутри перекатывалось что-то маленькое, но твердое. Не один предмет, несколько.

Неужели старик Викентий держал здесь немудрящие драгоценности покойной жены — пару сережек, нательный крестик, простенькое колечко — а наследник не стал заморачиваться поисками?

Не слишком доверяя собственной догадке, Марина попыталась снять крышку со шкатулочки, та шла туго, потом как-то неожиданно легко соскочила, содержимое чуть не просыпалось на пол.

Разглядев, **ЧТО** она отыскала, Марина с трудом удержалась от крика.

Триада шестая

Сколько весит свиная голова

1

Любопытство, как известно, губит кошек. И не только их.

Но Кирилл все же полюбопытствовал: по пути к Лихоедовым подошел поближе к паре загривских домов, пригляделся к орнаменту резных ставень и наличников. Так и есть, везде повторяется один и тот же мотив — сплетенные свастики.

Ну и ну... Хорошо, что в такую глушь редко забираются корреспонденты либеральных изданий — перед сном заглядывающие со свечкой под кровать в поисках притаившихся русских фашистов.

А то бы уж сочинили всем сенсациям сенсацию: целая деревня Страшных Русских Фашистов! «Русский Марш» отдыхает, РНЕ нервно курит в сторонке...

Сам Кирилл относился к истерии вокруг старых символов равнодушно. Не так уж важно, что нарисовано на знаменах, гораздо важнее — какие дела под ними вершатся. Крылья самолетов, башни танков и советской, и американской армии украшали пятиконечные звезды Соломона, имеющие не менее древнюю историю, — но никто же не ставит знак равенства между США и Советским Союзом.

К тому же было у Кирилла одно давнее хобби, одно увлечение, — история Зимней войны с финнами. И он знал: кокарды фуражек у солдат Финляндии (безоговорочно оправдываемой нынешними либералами в том давнем конфликте с тоталитарным Союзом) — тоже были украшены свастикой!

Причем с восемнадцатого по сорок четвертый годы, а Гитлер, как известно, в девятнадцатом служил в Красной гвардии Баварской республики. И ходил, хе-хе, со звездой Соломона на красной нарукавной повязке, какой позор для будущего фюре-ра арийской нации...

Пока он шагал, размышляя о делах минувших дней, эхо которых звучит и сегодня, мимо, в том же направлении, прокатила

машина. Уже третья. И опять с городским, с питерским номером... И что бы это значило? Наплыv городских родственников в честь пресловутого родительского дня? Или объявились конкуренты в покупке недвижимости?

Последнее предположение не оправдалось — у лихоедовского забора по-прежнему стояла лишь их «пятерка».

Антонина, закончив возню с тестом, занималась на огороде прополкой. На вопрос Кирилла о так и мелькающих мимо городских машинах ответила:

— Так это... как всегда, за мясом приехавши...

— За мясом?! Сюда?! Из Питера?! — изумился Кирилл.

— Так чтобы и не приехать, по тридцать-то целковых... Пудами ж берут.

Цифра изумила Кирилла еще больше.

— Так на рынке ж от нашей, крестьянской цены чуть не вдесятеро накручено, — пояснила Тоня. — Торгashi пить-есть хотят, да прочая братия... А у нас на ферме забой два раза — под родительский день, да под ноябрьские. Щас-то что, а по осени так и катят, прям вереницей... Под завязку грузят, на продажу небось. А летом так, для себя, помаленьку, а то и прям тута, вблизях, шашлыки с водочкой затевают, места-то у нас привольные. Помню, прошлым годом...

Она осеклась, наморщила лоб. Видимо, задумалась: стоит ли рассказывать прошлогоднюю историю, очевидно, не короткую? И решила: не стоит. Закончила совсем по-иному:

— Так и вы ж к ферме скатайтесь, тама и продают... Мясцо свежее, парное — чтобы не попользоваться, коли случай выдался?

Она объяснила, как добраться до фермы, и вернулась к прерванной прополке.

А Кирилл завел машину и покатил к «их» дому.

Надо понимать, почти уже действительно их, без всяких ка-вычек.

2

Марина с трудом удержалась от крика.

Поставила шкатулочку на стол медленно, осторожно, словно была она наполнена самыми зловредными, самыми кусачими насекомыми. Энцефалитными клещами, например.

На деле содержимое бронзовой емкости оказалось куда более безобидным.

Зубы.

Обычные зубы.

Человеческие.

Не вставная пластмассовая челюсть — натуральные резцы, клыки, моляры с длинными почерневшими корнями... Коронковые части тоже выглядели не лучшим образом — изрядно стерты и потемневшие. Наверняка бывший владелец экспонатов этой странной коллекции был далеко не молодым человеком. Да к тому же заядлым курильщиком.

Викентий? Скорее всего — зубы крупные, мужские.

Марина здимо представила сидящего здесь, у окна, старика — неопрятного, грузного, одинокого... Вот он лезет двумя пальцами в рот, достает очередной, давно уже шатавшийся зуб, кладет в шкатулочку, к ранее выпавшим собратьям... Рассматривает, перебирает кусочки **себя**, ставшие вдруг инородными, чужими... Вспоминает, как когда-то, давным-давно, пленил белозубой улыбкой девушек... Всё ушло навсегда, и жить, по большому счету, незачем, и тащиться за тридевять земель, на зубное протезирование, совершенно ни к чему...

Б-р-р-р...

Извращение. Фетишизм дикий какой-то.

Она взяла шкатулочку двумя пальцами, далеко отставив руку. Изящная вещица не виновата, что ей нашли такое отвратное применение — но, прежде чем украсить каминную полку, будет тщательно прокипячена, простерилизована... Где тут у нас мусорное ведро?

Как выяснилось, одно крохотное упущение в своих титанических трудах Антонина все же допустила — два ведра с мусором, оставшимся после генеральной уборки, не были вынесены, стояли в дальнем углу сеней. Марина опрокинула шкатулочку над одним из них, скользнула взглядом по другому... Да что ж такое, скажите на милость! Прямо какой-то день прикладной анатомии выдался! Не зубы, так ребра...

Ребра, по счастью, оказались не настоящие — большой рентгеновский снимок грудной клетки. Присмотревшись в свете тусклой лампочки, Марина увидела некую странность, нагнулась... Вот оно что. Это не рентгеноснимок, вернее, лишь был таковым в первоначальной своей ипостаси. А потом стал патефонной пластинкой...

Марина их не застала, знала лишь по рассказам старшего поколения — когда-то, до широкого распространения бытовых магнитофонов, кое-где стояли павильоны и ларьки грамзапи-

си. Можно было записать понравившуюся мелодию, надиктовать звуковое письмо... А в качестве носителя чаще всего использовали старые рентгеновские снимки.

Точно, вспомнила она, Владик как-то хвастался парой раритетных записей битлов **«на ребрах»**.

Удачно... Марина взяла диковинную пластинку. Можно теперь проверить радиолу. Личное послание, если что, она слушать не будет. Лишь убедится — звук есть — и тут же выключит.

Звука не было.

Ребра и хребет вращались, впустую наматывая оборот за оборотом. Игла пересекала их раз за разом, но радиола выдавала лишь легкое шипение.

Разочарованная Марина потянулась к выключателю, и тут раздался **звук**. Не голос, и не музыка, — по крайней мере, инструмент, породивший этакие акустические колебания, музыкальным можно было назвать с огромной натяжкой.

Протяжный, пронзительный скрип, меняющийся по тону, под конец уходящий вовсе уж в ультразвуковую область... Как будто ржавым гвоздем провели по оконному стеклу, а заодно — и по хребту Марины.

Скрип завершился, и вновь тишина, лишь прежнее шипение иглы, бороздящей чьи-то ребра. Оборот, оборот, оборот... Ничего. Какая-то помеха при звукозаписи, решила Марина. Но где то, что собирались записать?

Скрип прозвучал снова. Тот же самый. Теперь на него наложился иной звук, вызвавший неприятные ассоциации со стоматологическим кабинетом: словно бешено вращающийся бор врезался в зуб — не постоянно, а периодически, следуя определенному ритму...

Вторая пауза закончилась значительно быстрее. И после нее к двум первым присоединился третий **«инструмент»** — не иначе как плеть, раз за разом рассекающая со свистом воздух...

Все-таки **ЭТО** было мелодией... Пауз не стало, вступали все новые инструменты, Марина уже не пыталась представить, на что же они могут походить... И первоначальная какофония начала складываться в некий мотив — дикий, нелюдской, но определенно обладающий внутренним ритмом. Даже гармонией, если здесь применимо такое слово...

Да уж... Сплошной сумбур вместо музыки. Не диво, что под такие увертюры одинокий стариk начал коллекционировать свои выпавшие зубы. Может, это так называемые «народные инструменты»? Ну, всякие там рожки-гудки-сопелки-дуделки... Да нет, ерунда. Народные оркестры из крепостных были у русских вельмож, вроде Потемкина, — не стали бы те слушать подобную ахинею... Больше похоже на проделки приурков-авантгардистов, пытающихся извлечь «музыку» для услаждения слуха особо продвинутых граждан, — из громко скрипящей двери, из шумно спускающего воду унитаза и тому подобных устройств... Но откуда **ЭТО** здесь? И зачем?

Она думала, что пластинка «на ребрах» уже ничем не удивит. Ошибалась. К «инструментальному ансамблю» присоединился дуэт вокалистов. И оказался гнуснее всего, ранее услышанного.

Первый «певец» голосом, как таковым, не пользовался. Полное впечатление, что человек — с заткнутым кляпом ртом — громко мычит носом от дикой, непредставимой, сводящей с ума боли. Мычит, тем не менее, попадая в такт мелодии, под которую его пытают...

Второй голос — очень тихое, слитное, неразборчивое бормотание, ни слова не понять... Казалось, бормочущий то обращался к мычащему, то смолкал.

Мычание становилось все громче и громче, заглушив под конец и бормотание, и инструменты. Динамики «Ригонды» буквально ревели, Марина потянулась было к ручке громкости...

И тут все смолкло.

Смолкло на таком диком крещендо, что не оставалось сомнений, — человек издал его и умер. Умер от жуткой боли.

Игла проигрывателя подпрыгнула вверх, ребра продолжали беззвучное вращение.

Марина застыла, тупо глядя в никуда.

И стояла так века, тысячелетия, совершенно потеряв представление о пространстве и времени...

Заставил ее вздрогнуть, очнуться лишь звук автомобильного сигнала, долетевший с улицы.

Кирилл...

Быстрым, каким-то хищным движением она сдернула снимок-пластинку с проигрывателя.

И спрятала в первое попавшееся место — в бельевой шкаф, под стопку ветхих, но чисто выстиранных и наглаженных мужских рубашек.

На крыльце послышался веселый голос Кирилла:

— Ау, хозяйка! Отпирай!

И стук в дверь.

Марина раздраженно шагнула в сени — самому уж и двери не открыть, не маленький вроде... — и остановилась, изумленная.

Массивный внутренний засов входной двери был задвинут.

Она не помнила, что хотя бы прикасалась к нему — с момента своего появления в этом доме.

Абсолютно не помнила...

3

Продавщицу звали Клавой — и сей факт она первым делом сообщила Кириллу самым радостным тоном. Так прямо и сказала:

— Здравствуйте! А меня Клава зовут! Мяса купить приехали, да? — слова сопровождались широчайшей улыбкой.

Можно подумать, что в этом импровизированном магазинчике, примыкавшем к длинному, приземистому зданию свинофермы АО «Загривье», продавалось что-то еще, кроме мяса и мясных субпродуктов...

Тем не менее, при всей внешней бессмысленности, тирада продавщицы оказалась-таки информативна — и между слов в ней можно было услышать многое.

Например, что Клаве — кустодиевской девице с соломенно-рыжей косой до пояса — надоело до смерти Загривье, и здешние кавалеры, не способные связать двух слов, зато сразу норовящие залезть под юбку.

И то, что Кирилл — видный городской парень — чем-то ей понравился, хотя на самом-то деле она **не такая**, но вот понравился с первого взгляда, что тут поделаешь, — и при некоей толике галантности и предприимчивости вполне способен составить успешную конкуренцию деревенским Казановам, попахивающим навозом...

Нет, господа, мужчинам это не под силу, лишь женщины способны вложить в свои глупо звучащие речи бездны тайного смысла...

Примерно так подумал Кирилл, и понял: энтузиазм девицы надо гасить, причем очень быстро. Хотя весьма симпатична и молода, лет двадцать, не больше. Но... Марина задержалась в машине с целью навести блиц-марафет, в любой момент может

войти. А реакция его супруги на подобные ситуации... Не будем о грустном.

— Можно и мяса... — улыбнулся он в ответ сдержано. И сделал совершенно ненужный жест, просто чтобы продемонстрировать обручальное кольцо на пальце. — Но вообще-то мы с женой сюда дом купить приехали.

Улыбка Клавы исчезла, словно кто-то повернул невидимый выключатель: щелк! — и погасла.

— А-а-а... — сказала она разочаровано.

И все-таки (*вот чертова девка!*) продолжала смотреть на Кирилла с нескрываемым интересом. Дескать, сегодня женат, завтра бросил, на другой женился...

— Ну и прикупите мясца заодно, коли уж приехали! Смотрите, красота какая...

Тут она, якобы желая продемонстрировать товар лицом, начала перекладывать аппетитнейшие куски свиной вырезки, придавая им выигрышный ракурс. И как-то получилось, что куски те лежали на дальнем от девушки конце прилавка — так что ей пришлось низко склониться над мясным изобилием.

Ну что же, товар она продемонстрировала успешно, в том числе и собственный бюст под белым халатом, не застегнутым на две верхние пуговицы... Бюст был выдающимся. Во всех смыслах.

И, конечно же, именно в этот момент вошла Марина.

Ситуацию она поняла и оценила мгновенно, даже не присматриваясь к мизансцене и ее персонажам. Наверное, такие уж флюиды витали в воздухе...

— Ох... — сказала Марина. — Сколько мяса-а-а...

Невинная и вроде бы уместная фраза прозвучала крайне двусмысленно. Прозвучала хриплым ревом боевой трубы, вызывающим на смертный бой.

Клава величаво разогнулась и ответила взглядом, полным снисходительного превосходства. Что там, дескать, бормочет

эта городская замухрышка, носящая бюстгальтер первого размера?

Началось, напрягся Кирилл. Ожидать можно было всего.

Ну, не совсем всего, — способы борьбы благоверной с соперницами, как с истинными, так и с мнимыми, давно изучены и сводятся к двум базовым вариантам.

Первый — агрессивный. Причем агрессия не слепая, не истеричная, — все, что предпринимает в таких случаях Марина, делается с холодным расчетом и трезвой головой. И направлено на соперницу...

Второй — ласковый. Тут объектом приложения служит муж, а соперница попросту не замечается. Игнорируется. Будто и нет ее. Но, понятное дело, все расточаемые мужу ласки рикошетом попадают в гадюку-разлучницу, обернувшись ядовитыми стрелами: посмотри, как нам хорошо вдвоем, как мы счастливы, а ты — никто, пустое место, пыль под солнцем...

Примитивные существа эти женщины.

Сегодня Кириллу повезло.

Оба варианта равновероятны, но Марина отчего-то избрала второй. Может быть, до сих пор чувствовала себя чуть-чуть виноватой за происшествие на лесной дороге. Лишь чуть-чуть, на большее она не способна.

— Красотища... — а вот эти слова и в самом деле адресовалось уже богатому мясному ассортименту. — Кирюньчик, солнышко, да ты знаешь, что я тебе из **этого** сделаю?

Она прошлась вдоль прилавка — ни дать, ни взять английская королева, ревизующая монарши регалии.

— Я тебе тако-о-о-е сделаю... — Между слов звучало: сделает, еще как сделает, сначала очень-очень вкусное, а после вкусного — очень-очень приятное, такое, что в жизни не сможет сделать деревенская клуша, только и сумевшая отрастить на дармовой свинине неприлично большие сиськи.

Она повернулась от прилавка к Кириллу.

— Бесподобно... Спасибо, милый, что меня сюда вытащил...
И, нимало не смущаясь постороннего взгляда, обняла мужа, припала к губам в долгом-долгом поцелуе.

Впрочем, какие, к чертям, посторонние? Не было тут таких. Лишь стояло у прилавка некое рыже-грудастое торговое оборудование, чьи единственные функции — взвесить выбранный товар, принять деньги и отсчитать без обмана сдачу.

Целоваться Марина умела — при желании — и сполна умением воспользовалась, но Кирилл вдруг почувствовал себя сидящим в бочке с вареньем — и вкусно, и сладко, но чересчур уж много. Приторно...

Марина вновь обернулась к прилавку.

— Вот из этого я сделаю отбивные, сегодня же, — прямо-таки промурлыкала она, тесно прижимаясь к мужу. — А вот это... о-о-о, ты не представляешь, какое чудо можно сотворить из свиной головы...

Кирилл и в самом деле не представлял. Что еще можно соорудить из упомянутой детали свиного организма, кроме самого банального студня? Но интригующий тон супруги определенно намекал на нечто экстраординарное и запредельное.

Голова возвышалась над прочим содержимым прилавка, как египетская пирамида над жалкими хижинами своих создателей. Мертвые глаза ее смотрели мудро и проницательно, словно издалека, словно из неведомого свиного рая. Зубы оскалились в усмешке: как будто последнее зрелище в жизни хавроньи — нож в руке приближающегося мясника — весьма ее позабавило.

Кирилл вообще-то собирался после появления жены в магазинчике держать рот на замке. Во избежание. Но тут не выдержал:

— Куда нам такая огромная... Не осилим. Да еще испортится, пока до дома довезем...

Его репликой тут же воспользовалась Клава — как предлогом для вступления в разговор. Роль статистки без слов девушки угнетала.

— Берите-берите, — быстро сказала она, обращаясь исключительно к Кириллу. И добавила заговорщицким шепотом:

— Это ведь не просто свинка... ЭТО САМА МАДАМ БРОШКИНА!!

— Странное имя для свиньи... — пробормотал он, и тут же пожалел о сказанном. Взгляд Марины на пару мгновений стал колючим и неприязненным. Когда-нибудь — не сразу, на холодную голову — она ему это припомнит.

Клава явно пыталась перехватить инициативу:

— А вот такая она и была... погулять любила. Одно слово — мадам Брошкина. Ее ж той осенью забить еще собирались — так ведь сбежала, сколько раз ее на огородах да на гриве видели, да все никак словить не могли... По холодам сама пришла.

Кирилл молчал, Марина же ответила, — по-прежнему ласково и по-прежнему в упор не замечая продавщицу, — лишь на его предыдущую реплику:

— Ну что ты, любимый... Не испортится, у нас же здесь целых три холодильника! Охладится как следует за ночь, да за половину дня, доедет до города как миленькая...

Кирилл удивился — до сих пор Клава демонстративно игнорировала речи его законной супруги. Но к последним словам прислушалась внимательно — лицо вдруг стало серьезным, чтобы не сказать тревожным, лоб нахмурился...

— Так вы до завтра остаетесь... — протянула она негромко.

И, кажется, хотела добавить что-то еще... Но не успела. На сцене появилось новое действующее лицо — из двери, ведущей во внутренние помещения, вынырнул невысокий чернявый мужчина, тоже в белом халате. Нос пришельца оседлали несколько кривовато сидящие очки — и стекла их оказались чуть не с палец толщиной.

— Клавка, марш в разделочную, — негромко скомандовал мужчина. — Петровне прибрать пособишь.

Клава глубоко вздохнула, но перечить не стала, удалилась. Марина проводила ее победным взглядом: идите, дескать, идите, сударыня, вымыть помещение, загаженное кровавыми ошметками мяса, — вполне достойная ваших талантов задача.

Мужчина повернулся к ним. Глазки его сквозь толстенные линзы казались крохотными, и оттого в них чудилось недоброжелательное выражение... Кирилл понимал, что это всего лишь оптический эффект, преломление лучей, — и все равно не мог отделаться от ощущения: мужчине неприятно их присутствие. И он очень хочет, чтобы они убрались как можно быстрее.

— Покупать что-то будете? — ровным, бесцветным голосом спросил мужчина.

— Будем... — без энтузиазма ответила Марина. Еще бы, оборвали спектакль на самом интересном месте.

Как выяснилось, Тоня Лихоедова несколько преувеличила здешнюю дешевизну: по **«тридцать целковых»** за килограмм продавались шеи, ребра, ножки, еще кое-какие менее ценные части свиных организмов... И головы. Вырезка же стоила на целых двадцать рублей дороже...

«Интересно, сколько она может весить, эта черепушка, из которой обещано некое потрясающее блюдо?» — задумался вдруг Кирилл, пока мужчина взвешивал и упаковывал мясо, выбранное Мариной для отбивных. Определить на вид не получалось даже приблизительно... Затем вдруг пришла вовсе уж дурацкая мысль: он не знает даже, сколько весит **его собственная** голова. И, понятное дело, никогда не узнает... Хотя... Нет ничего невозможного под Луной, по крайней мере теоретически... Если во Франции вдруг вновь введут казнь на гильотине, а он к тому времени туда эмигрирует и чем-то крупно проштрафится, и при этом верна гипотеза о загробной жизни...

Тьфу, оборвал он идиотское рассуждение. Надо ж о такой ахинее задуматься: сколько весит твоя голова...

— Девять килограмм триста грамм, — сказал мужчина, словно бы подслушав мысли Кирилла. Тот вздрогнул, с трудом удержавшись от нервного смешка. Но, конечно же, названная цифра относилась к водруженней на весы башке знаменитой мадам Брошкиной...

Спустя несколько минут они шли к машине, Марина вальяжно выступала впереди, небрежно помахивая пакетом с двумя кусками свиной вырезки.

А сзади Кирилл влачил завернутую в упаковочную бумагу голову. Укладывая ее на заднее сиденье, подумал: учитывая разницу в размерах, человеческая должна весить килограмма три, три с половиной. Но что же за кулинарный шедевр задумала Марина?

Спрашивать не стал. Пусть будет сюрприз, неожиданность...

Триада седьмая

Прогулка вечерней порой

1

На прогулке по главной улице Загривья настояла Марина.

По главной и единственной — отходящие в сторону небольшие, на два-три дома, ответвления названия улиц не заслуживали...

Кирилл подозревал, что поводом для решения супруги о вечернем променаде послужила незавершенная стычка с Клавой-продавщицей. Не исключено, что ему придется приезжать сюда в одиночку, — и благоверная спешит продемонстрировать всем тоскующим о женихах деревенским красоткам: ничего вам тут не обломится.

Если Марина и впрямь руководствовалась такими намерениями, а не решила попросту подышать свежим воздухом, то она просчиталась. Красотки упорно не желали встречаться на их пути. Не иначе как сидели по домам и строили коварные планы.

Да и прочих гуляющих не видно... И спешащих по делам не видно. Лишь пару раз мелькнули вдали смутно видимые фигуры. Шествуя под руку с женой по абсолютно пустынной улице, Кирилл чувствовал себя глуповато.

Они подошли к запертому по вечернему времени продуктовому магазину — какая-либо вывеска на унылом здании из силикатного кирпича отсутствовала, равно как и расписание работы. Догадаться о его назначении позволяли лишь смутно видимые через окно полки, уставленные продуктами...

Дверь магазина, кстати, обрамляли резные наличники, несколько нелепо тут смотревшиеся. На окнах имелись ставни, отчего-то не закрытые, — и не казенные, безлико-железные — тоже деревянные, резные. Кирилл подошел поближе, пригляделся: ну конечно, знакомый орнамент.

Очевидно, здесь имел место административно-деловой центр деревни — неподалеку стояло второе здание, тоже серо-кирпичное: несколько отдельных входов, над одним понуро свисает выцветший российский триколор, над другим — не менее выцветшая эмблема Сбербанка, рядом с третьим — синий почтовый ящик, но этот недавно покрашен, сверкает свежей краской...

И, разумеется, наличники и ставни — в полном комплекте. Подходить Кирилл поленился, и без того ясно, что увидит... Неясно другое: отчего похожих украшений нет на доме покойного Викентия, — пожалуй, на единственном во всем Загривье. Стариk воевал в Отечественную и с тех пор люто возненавидел нацистскую символику? Так мог бы изобразить или заказать другой узор... Из сплетенных серпов-молотов, например.

Неподалеку от магазина лежали обтесанные бревна, наваленные небрежной кучей. По всему судя, лежали относительно долго — год, или два, или три: сгнить не сгнили, но потемнели от непогоды.

По рассуждению Кирилла, здесь всенепременно должны были кучковаться местные алкаши — везде и всюду на просторах необъятной страны эта публика предпочитает отираться неподалеку от источника живительной влаги.

Однако — не отирались.

Может, предпочитают пить дома напитки собственной перегонки, закусывая домашними же грибочками-огурчиками?

Но почему тогда здесь не тусуется местная молодь? Не сидят на бревнышках, не треплются о том, о сем, не бренчат на гитаре или не гоняют раздолбанный магнитофон, не хихикают бес-

причинно и глуповато, не подбивают неумело клинья к девчонкам-ровесницам... А ведь есть, есть дети и молодежь в Загривье: та же Клава, и Юрок-вивисектор (хотя ему-то на вечерние гулянки рановато), и та, оставшаяся для них безымянной, первая встреченная девчонка... И несколько других парней и девушек, встреченных позже...

— Пойдем обратно? — предложил Кирилл, прекратив ломать голову над странностями здешнего вечернего досуга. — Аппетит уже нагуляли... У меня слюнки текут при мысли о твоих отбивных.

Марина ответить не успела — оба одновременно увидели шагающего к ним человека. Вышел ли он из какого-то входа «административного здания» (хотя ни одно окно там не светилось), или вывернулся из-за угла, — они не поняли, обернулись в ту сторону несколько позже. Но направление целеустремленных шагов сомнений не вызывало — к ним.

Мужчина, среднего роста, лет сорок, сорок пять. Короткая стрижка, чисто выбритое лицо с резкими чертами. Пиджак свободного покроя несколько потертый, с кожаными нашлепками на локтях, — однако же Кирилл до сих пор не встречал загривских аборигенов в такой одежде... Идет торопливо, но походка не суетливая, как у того же Трофима, — уверенная.

Подойдя, незнакомец представился коротко:

— Рябцев.

Больше ничего не прозвучало: ни имени, ни отчества, ни кто такой и почему ими заинтересовался... Лишь короткий не то кивок, не то полупоклон — голова чуть дернулась к груди и вернулась в исходное положение.

— Кирилл...

— Марина...

Они назвали свои имена немного растерянно, пытаясь понять подходящий модус операнди в общении с непонятным

пока Рябцевым. Тот уже тянул руку для пожатия — столь же уверененным движением.

Кирилл ответно протянул ладонь — ничего себе хватка у мужичка, не из слабаков будет.

А вот Марина...

Марина отступила на полшага, улыбнулась и подняла руку куда выше, чем положено для рукопожатия. И повернула слегка согнутую кисть ладонью вниз.

Понятно... Первый пробный шар. Проверка на вшивость.

Рябцев посмотрел ей прямо в глаза — недолго, какую-то секунду, но показалась она Кириллу бесконечной. А еще показалось, что Рябцев сейчас попросту проигнорирует вызов Марины, супруга так и останется стоять с протянутой рукой, и будет выглядеть нелепо и жалко...

Не проигнорировал. Быстро, уверенно протянул руку, вернул ладонь Марины в надлежащее положение, пожал осторожно. Словно опасался раздавить хрупкие пальчики.

Кириллу почудилось в фигуре нового знакомого при этом движении какая-то легкая неправильность, какая-то несообразность... — он поначалу не осознал ее, про себя позлорадствовав: так-то, милая, у этого дяденьки не забалуешь...

Но секунду спустя понял, в чем дело.

Пиджак Рябцева чуть приподнялся, чуть натянулся — и на миг обрисовал контуры укрытого под ним предмета. Длинного и несколько угловатого.

Там могло быть все, что угодно. Можно вспомнить сто, тысячу всевозможных вещей, выглядящих примерно так сквозь плотную пиджачную ткань.

Но Кирилл не усомнился ни на секунду — за ремень Рябцева, чуть левее пряжки, заткнуто оружие.

И не какой-нибудь газовый пистолетик, который — оформившим лицензию законопослушным гражданам — не возбра-

няется носить хоть в кармане, хоть в кобуре, хоть заткнутым за пояс, хоть подвешенным на шею на шнурке...

Нет, этот не очень-то законопослушный гражданин вооружился чем-то куда более серьезным и габаритным: скорее всего, обрезом трехлинейной винтовки или охотничьего ружья.

Кирилл застыл, не понимая, что можно и нужно сделать.

Пустынная, вымершая улица теперь казалась ему неимоверно зловещей.

2

Несколько часов, предшествовавших их вечерней прогулке, Марина и Кирилл посвятили исследованию дома, надворных построек и приусадебного участка.

Нет, исследование — не то слово... По крайней мере Кирилл чуть позже осознал: не желая того, подсознательно, занимался он другим — несколько предвзятым поиском изъянов, кои позволяют сказать Марине: ага!.. вот видишь, нас элементарно пытались развести и кинуть — давай-ка заводить машину и мотать отсюда по-быстрому...

Как на грех, ничего подходящего не обнаруживалось.

Печь в доме не дымила, тянула исправно и достаточно быстро нагревалась. Печурка-каменка в бане тоже оказалась вполне работоспособна. Сруб в идеальном состоянии, учитывая сорокалетний, а то и полувековой возраст дома, — с главного фасада и с боков был он обшит доской-вагонкой; Кирилл обошел вокруг, поковырял бревна заднего фасада лезвием складного ножа — ни гнили, ни червоточины... На крыше — шифер, не новый, но все листы целые. Как минимум лет пять-семь кровля еще простоит, и не потечет при первом дожде. Участок... А что участок? Огородничеством они при любом раскладе не собирались заниматься...

С ключами, как и предсказывал Трофим Лихоедов, они разобрались легко — какой от бани, какой от сарай, какой от черного хода... Лишь для пятого ключика — небольшого, плоского, из светлого металла — подходящих замков не обнаружилось. Вроде ерунда, и невинных причин тому могло быть множество, но Марина казалась не на шутку заинтригованной: ну-ка, ну-ка, где тут у Викентия — Синей бороды потайная комната с зарезанными женами? Никаких потайных помещений они не на-

шли, потом Кирилл сообразил, проверил — точно, ключ подошел к стоявшему на кухне холодильнику. Ну и от кого запирал его одинокий хозяин? — не могла взять в толк Марина. Не коммунальная все-таки квартира...

...Позже, на чердаке, обследуя стропила, Кирилл наконец понял: он ищет, к чему бы придраться. Почему? Да потому, что не видит никаких рациональных причин уехать отсюда и никогда не возвращаться. Не нравится место, и все тут... И чем же оно тебе, милый, не нравится? — спросил внутренний голос, в точности копируя интонацию Мариной. Он не нашел ответа. Деревня как деревня, но... Может, зона тут геопатогенная, бывают такие места, где все на вид нормально, но хочется одного — уйти как можно быстрее. А может быть, любимый, все проще? — ехидно спросила маленькая Марина, давно, несколько лет назад, поселившаяся в его голове. Может быть, тебе здесь не нравится, потому что понравилось мне?

И тут же в разговор вступила Марина-большая, словно спеша на помощь своему крохотному альтер эго:

— Кирюньчи-и-и-к! — крикнула снизу, не поднимаясь по ступеням скрипучей лестницы. — Ты там не уснул?! Спускайся, послушай, что я придумала...

Кирилл начал спускаться, решая на ходу, что бы нехорошее сказать о стропилах, да так ничего и не решил, — Марина до-точная, в случае чего поднимется на чердак и сама все проверит...

Оказавшись внизу, он первым делом сходил к машине, забрал из аптечки упаковку но-шпы — голова после напряженных чердачных размышлений снова начала побаливать... И лишь потом стал слушать Маринины придумки.

Накопилось их немало.

Она с увлечением расписывала, где на их участке будет декоративный водоем (вернее, целый каскад декоративных водоемчиков), и где — бассейн, куда так хорошо нырнуть, выскочив

из бани; где они установят мангал и где возведут беседку... Попутно выдала Кириллу задание: отыскать — неважно, в Загривье или в городе — печного мастера, способного разобрать печь и сложить камин. Нерационально, большой расход дров, да и не нагреть такой дом камином? — какая разница, зимой им тут не жить, а колорит а-ля русс сейчас выходит из моды...

Он слушал, с чем-то вяло спорил, с чем-то без энтузиазма соглашался... а затем перестал вслушиваться, пропускал поток слов мимо сознания, лишь угадывая по интонации, где стоит вставить утвердительное или нейтральное междометие.

Потому что вновь задумался. Над простым таким вопросом: отчего, собственно, в автомобильной аптечке лежала упаковка но-шпы? Марина, крайне болезненно переносившая первый день месячных, перед отъездом сунула машинально, по привычке? Или...

Дело в том, что она ни разу не помянула ожидаемое рождение ребенка в своих планах глобального переустройства дома и их последующей летней жизни в Загривье.

Ни разу.

3

— Дом Викентия Стружникова покупаете? — жестко спросил Рябцев. Утверждения в словах оказалось больше, чем вопроса.

— Да, — однозначно ответила Марина, несколько сбитая с толку его манерой общения.

Кирилл застыл, не понимая, что можно и нужно сделать... Спросить: а куда это вы, гражданин, с обрезом под полой направляетесь? — язык не поворачивался.

Да и новый знакомец, кажется, никак не расположен к агрессивным действиям. Оружие он продемонстрировал случайно, не желая того. И, похоже, даже не заметил, что натянувшаяся ткань пиджака так зацепила внимание Кирилла.

И что теперь?

Рябцев вроде бы не настроен выхватывать обрез и требовать бумажник, часы, кольца... Или насиовать Марину извращенным способом прямо здесь, на пустынной деревенской улице...

Может, не стоит сразу думать о людях плохое?

Вдруг здесь принято именно так гулять вечерами? Бродячие собаки, агрессивные алкаши, то, сё... Трудно жить в деревне без обреза.

Может и так.

Но Кириллу хотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда. Вместе с Мариной, разумеется...

Все эти мысли промелькнули в его голове за недолгие секунды... Рябцев в то же время рассматривал их, переводя внимательный, пытливый взгляд с одной на другого. Словно оценивал и решал: а стоит ли продавать таким дом Викентия Стружникова? И, видимо, решил что-то в положительном для них смысле. Кивнул:

— Дом — дело хорошее. На лето приезжать будете? Или на **с**овсем, пай Викентия выкупите?

Кирилл решил, что пора и ему вступить в разговор.

— Нет, дело в том, что я работаю в городе...

— Где? И кем? — перебил Рябцев. Причем создавалось впечатление, что он **имеет право** задавать вопросы именно так, бесцеремонно и резко. И получать ответы.

«А не здешний ли он мент, участковый в штатском? — подумал Кирилл. — Это бы многое объяснило...»

Но пока объяснял он — где и кем работает.

Как ни странно, местом работы Рябцев заинтересовался. И задал конкретный вопрос, несколько удививший Кирилла: сколько сейчас могут стоить усилители и динамики с такими-то параметрами, — он назвал диапазон частот и выходную мощность.

Кирилл мысленно присвистнул. Пояснил: его фирма занимается оптовыми поставками исключительно бытовой техники. Его же собеседнику непонятно зачем потребовалась аппаратура, способная обеспечить неплохим звуком концерт на стотысячном стадионе...

Причем чувствовалось: интерес не пусторожний, не для поддержания разговора с приезжими, — Рябцеву это действительно важно и нужно.

«Не мент, — решил Кирилл. — Но какая-то местная шишка: депутат, или член правления АО, а то и сам председатель. И что же этот депутат-председатель тут затевает? Русский Вудсток — рок-фестиваль под открытым небом?»

— Жаль, — коротко сказал Рябцев.

И больше к теме цен на аппаратуру не возвращался. Помолчав, произнес чуть другим тоном:

— Хоть на лето, и то ладно... Все-таки живых людей рядом побольше.

— А что, здесь живут и мертвые? — пошутила Марина. И пошутила неудачно, Рябцев посмотрел на нее долгим взглядом, произнес жестко:

— Мертвые жить не могут. Мертвые в земле лежать должны. Их тут и лежит... — он показал рукой куда-то в сторону гривы и болота Сычий Мох, — тыщ так двадцать. Вот и прикиньте, сколько мертвяков на одного живого приходится...

— Сталинские репрессии? — быстро спросила Марина. — Массовые захоронения?

Рябцев посмотрел на нее с сочувственным сожалением, как на ребенка, задавшего чрезвычайно глупый вопрос. Однако объяснил: именно сюда, под Загривье, загнали летом сорок первого **ДНО-3**.

— Что загнали? — не поняла Марина; Кирилл, неплохо разбирающийся в подобных аббревиатурах, пояснил: дивизию народного ополчения под третьим номером. Здесь окруженная дивизия и погибла — почти вся, почти до последнего человека. Под обстрелами, под бомбежками... — но гораздо больше людей потонуло, пытаясь через непроходимые трясины Сычьего Мха выбраться из окружения. В немецкий плен угодили считанные единицы...

— Вот здесь, на гриве, последних добивали, — вновь показал рукой Рябцев. — Даже и не солдаты ведь были, рабочие, прямо от станка, — винтовку в руки, и под танки. Обмундироваться не успели — в чем в военкомат пришли, в том и воевали: в пиджаках да в пальтишках...

Горечь в его словах звучала нешуточная. Потерял на Лужском рубеже кого-то из родственников? Кстати, а что у него поблескивает на лацкане пиджака? Может, и сам повоевал где-то? — Кирилл всмотрелся, сумерки сгущались все сильнее, чтобы разглядеть мелкие детали, приходилось напрягать зрение.

Нет, не медаль, не орден — «поплавок» вузовского значка. То-то речь столь разительно не похожа на «таканье» Трофима и Антонины... У самого Кирилла «поплавок» лежит... черт, даже и не вспомнить, где лежит институтский значок, — ввиду полной его ненадобности. Кого в Питере удивишь такой побрякушкой? Здесь, пожалуй, иное дело. Наверняка в Загривье люди с высшим образованием котируются не ниже орденоносцев, а то и выше... Может быть, кто-то даже люто завидует...

Но главное не это...

Главное совсем не это.

Кирилл неожиданно — в ходе рассказа о днях войны — понял, что уже не хочет уезжать отсюда и никогда не возвращаться. Если только Рябцев не ошибся, ничего не напутал... Тогда назревает сенсация. Пусть негромкая, не освещаемая СМИ, пусть в узком кругу людей, фанатично увлеченных военной историей... Но своей репутацией в том кругу Кирилл весьма гордился.

— Ну ладно, вечереет, пора и по домам, — сказал Рябцев. — А вы, коли уж до завтра остались, прямо с утра уезжайте. Не мешайте.

— Почему? — удивилась Марина. — Мы после обеда собирались...

— Родительский день... — вздохнул Рябцев. — А это такой праздник... для своих. Вроде как семейный... И чужих тут... не надо. Погнать не погонят, но смотреть косо будут. Уезжайте, не затягивайте.

Что-то он не досказал... Да и говорил не так, как раньше, — без жесткой уверенности. Что же тут принято делать в родительский день, черт побери? Выпивать немереные количества самогонки и драться стенка на стенку? Или устраивать оргии в ночном лесу — с плясками голышом вокруг костра?

— Скажите... — начал было Кирилл, но замялся, не зная, как обратиться: «товарищ Рябцев» — глупо, «господин Рябцев» — еще глупее.

— Петр Иваныч, — подсказал Рябцев, поняв суть затруднений собеседника.

— Скажите, Петр Иванович, вы ведь там работаете? — Кирилл указал рукой на здание административного вида. Спрашивать прямо про должность показалось неудобно...

— Там я живу, — сказал Рябцев в прежней своей манере. — Через два дома. Работаю в АО, электриком. Ладно, увидимся.

Он вновь пожал им руки и пошагал обратно, столь же целеустремленно.

Вот вам и депутат-председатель... Вот вам и вузовский «поплавок»... Может, кстати, и не вузовский? В техникумах вроде такие же давали...

— Брутальный мужчинка... — вздохнула Марина, когда они шли обратно в густеющих сумерках. — Вроде с виду так себе, но аура какая-то... — она помолчала, подбирав необходимое слово, наконец нашла, — ...победительная...

Надо сказать, мужчины (да и женщины тоже) редко удостаивались ее комплиментов. Рябцев попал в число немногих исключений.

Кирилл подумал, что и ему новый знакомый понравился. Невзирая на странную манеру носить обрез под полою.

Кстати, отчего вообще он решил, что там именно обрез?! Мелькнула такая догадка, и Кирилл тут же уверил себя, что она единственно верная.

Может, шел себе человек от соседки, где починил барахлящий редуктор на газовом баллоне, сунул разводной ключ за пояс, чтобы не занимать руки...

Кирилл вспомнил похожий случай, произошедший с ним. Сломался замок на двери, отделявшей от протяженной лестничной площадки отсек с тремя квартирами, в том числе и с

той, где жили они с Мариной. Пришлось заменять, причем именно Кириллу, — среди соседок ни одного мужика. Почивший замок оказался старый, таких уже не выпускали, и даже подходящий по размеру купить не удалось, надо было расширять гнездо чуть не вдвое...

На беду, с инструментом в доме было негусто: молоток нашелся лишь огромный, чуть ли не кувалда; стамесочка, наоборот, тоненькая, для декоративных работ... Промучился долго, да и приступил к делу после одиннадцати вечера, поздно вернувшись с работы. К тому же по столярной своей неопытности зацепил руку стамеской — ранка вроде крохотная, но кровила обильно, пришлось прилеплять пластырь...

Короче говоря, когда праведные труды близились к завершению, — осталось лишь вставить замок в расширенное гнездо да затянуть несколько шурупов, — Кирилл взглянул на часы: ого! второй час ночи! — и решил спуститься вниз, в «24 часа», за баночкой пива. В квартиру лишний раз не пошел, чтобы не разбудить невзначай Марину, благо какая-то мелочь при себе нашлась. Сунул стамеску в карман, и кувалдометр прихватил, — хоть ночь, а мало ли, лишаться последних инструментов не хотелось.

Продавщица в магазине смотрела выпученными глазами, и сдачу отсчитывала подрагивающими пальцами. Да и ночной охранник уставился как-то очень странно. Лишь дома, открывая банку, Кирилл все понял: разглядел, что кисть руки вся в свежей крови — пластырь в самом конце работы сбился, а он не заметил. Ну и что могли подумать мирные труженики торговли? Вваливается мужик в домашних тренировочных штанах, рука в крови, в другой — кувалда, и направляется к прилавку решительным шагом... То-то продавщица аж присела.

А у Рябцева, если вдуматься, даже крови на руках не было.

Триада восьмая

Ночь накануне Родительского дня

1

Поначалу они нашли сковородку шикарную, но абсолютно непригодную для электроплиты, — огромную, глубокую, с мощной рукоятью чуть ли не в полтора метра длиной. Марина удивленно охнула и отправилась на поиски чего-нибудь менее впечатльного. Кирилл обревизовал донце утвари, появилось у него нехорошее подозрение: предмет сей использовался не столько для готовки, сколько для расправы с муженьком, впавшим в грех неумеренного пития или кобеляжа. Но никаких подозрительных вмятин на донце не обнаружилось...

Супруга же отыскала в кладовке обмельчавшего потомка чудо-сковороды: серо-чугунное неказистое детище совковского ширпотреба. Не «Тефаль», но по беде сойдет...

Вскоре по дому поплыл божественный аромат жарящегося мяса, заставлявший Кирилла глотать слюнки — ужин сегодня оказался непривычно поздним. Он и глотал, одновременно мелко-мелко нарезая зеленые перья молодого чеснока — как выяснилось, лишь это растение способно без ухода, без прополки и поливки, конкурировать с заполонившими огород сорняками.

— Кирюньчик! — позвала Марина. — Сходи к машине, там в багажнике, слева, синий пакет, в нем — бутылочка «Сангрийсты». Принеси, пожалуйста.

На Кирилла ее слова подействовали, как камень, упавший на дно илистого водоема — улегшаяся было муть подозрений вновь поднялась наверх... Он спросил ровным голосом:

— А тебе... разве можно?..

— Можно, можно... — улыбнулась Марина. — До третьего месяца многое можно. Лекарства нельзя сейчас кое-какие, антибиотики, например... Иди, не мешкай, мясо быстро прожарится.

Кирилл медленно вышел на крыльце, машинально достал сигарету — вспомнил о зароке, переломил, выкинул...

Врет?

Или нет?

Еще год назад позиция жены в вопросе обзаведения наследниками была непреклонна: рожать надо, как на Западе, — планово, лет так в тридцать пять, не более одного ребенка. А до того хорошенько пожить для себя.

Любое мнение может измениться, но... Но как-то очень уж идеально все совпало по времени — именно якобы беременность Марины стала последней точкой, подвигнувшей Кирилла на приобретение загородной недвижимости. Соглашаясь для вида, он своим тихим саботажем вполне мог затянуть дело на несколько лет...

...Время близилось к полуночи. Сгущавшаяся темнота так и не превратилась в полноценный мрак — смутная, расплывчатая, серая полумгла, именуемая романтиками белой ночью.

Кирилл всматривался в нее, словно надеялся увидеть зримые ответы на мучавшие его сомнения. Затем спохватился: вино! Быстро сбежал по ступеням крыльца, пошагал к «пятерке». Нечего ломать голову, все равно проблему умозрительно не решить. Да и практический эксперимент поставить не так-то просто. При нынешней их частоте сексуальной жизни Марина легко сумеет утаить очередные месячные. Разве что попросить ее эдак ненавязчиво:

«Пописай-ка, милая, в скляночку, я тут по случаю прикупил тест-полоски на беременность...»

С такими мыслями Кирилл действовал совершенно автоматически: достал из кармана ключи, нажал кнопку на брелке («пятерка»мяукнула сигнализацией, мигнула подфарниками), отпер багажник, поднял крышку... И отшатнулся от ударившего в нос густого зловония.

Черт возьми!

Они совсем позабыли про дохлую лисицу!

Быстро же, однако, засмерделя... Не удивительно — день выдался ясный, машина хорошенко нагрелась на солнце... Надо зарыть, и немедленно, а то отмывай потом багажник от какой-нибудь гадости... Он поспешил к сарайчику, где во время сего-дняшней инвентаризации хозяйства видел сложенный в углу сельхозинвентарь.

В сарае, исполнявшем по совместительству функции мастерской, электричество наличествовало, но лишь теоретически, — Кирилл впустую несколько раз щелкнул выключателем. Крутился колесико зажигалки, прибавил пламя до максимума — найти ничего не успел, зажигалка быстро раскалилась, жгла руки. Повезло — случайно заметил жестянку, почти до краев заполненную расплавленным и застывшим стеарином, свечной огарок торчал над ним едва заметно...

Да будет свет!

Фитилек затеплился еле-еле, давал света куда меньше, чем зажигалка, и тут же новорожденный огонек чуть не захлебнулся в лужице растопившегося стеарина; Кирилл накренил жестянку, слил излишки... Ну вот, относительно приличное освещение.

Быстро порылся в куче стоявшего в углу инструмента: тяпки, грабли, подернутый ржавчиной лом, — лопаты нет... Повел свечой туда-сюда — а это что там за длинная рукоять торчит из-за верстака? Опять не лопата, — вилы... странные какие-то вилы...

Длинные, чуть изогнутые зубцы покрыты насечками-зазубринами — сделанными, очевидно, зубилом. К чему бы такая модернизация?

А, понятно... — догадался Кирилл секундой позже. Протекающая неподалеку речонка под названием Рыбёшка, — крохотная, почти ручей, — надо полагать, своему названию соответствует: ничего, кроме мелочи, не водится. Но наверняка весной

заходит на нерест крупная рыба из Луги — вот Викентий и соорудил импровизированную острогу, колоть щук на мелководье.

Лопату он все-таки отыскал — просто не заметил поначалу ее короткий черенок среди прочих тяпок-грабель. Но чуть раньше Кирилл отыскал нечто иное.

На верстаке лежал **РЕЗНОЙ СТАВЕНЬ**.

Почти готовый — орнамент чуть-чуть не закончен.

Орнамент из затейливо сплетенных свастик...

Или покойный Викентий являл собой классическую иллюстрацию к поговорке про сапожника без сапог, или...

Какое к черту «или»! Он вдруг понял, что выйдя в ночь — на минутку, за бутылкой вина — взял и самым преспокойным образом исчез. Для Марины, разумеется...

Она меня пришибет, — подумал Кирилл, чуть не бегом направляясь к машине. — Той самой сковородкой.

Мысль была в достаточной мере шутливая.

Но в каждой шутке, как известно, лишь доля шутки.

2

Марина стояла, глубоко задумавшись, — однако не о том, где же шляется ее непутевой муж.

И сжимала в руке не грозное оружие возмездия, не сковородку с полутораметровой ручкой. Всего лишь старый рентгеновский снимок.

Снимок с дикой звукозаписью, сделанной неизвестно кем, неизвестно когда... И вовсе уж непредставимо, с какой целью.

Запись вызывала странное желание — прослушать ее еще раз. Для чего? — непонятно... Однако хотелось. Причем одной, без Кирилла... Не время — но зачем-то, едва муж вышел за порог, она достала снимок, припрятанный в шкафу...

Пластинка «на ребрах» ассоциировалась у Марины с давней подругой Калишой. Вернее, теперь уже бывшей подругой...

...Имя Калиша — не производное, как можно бы подумать, от Кали — малосимпатичной богини древнеиндийского пантеона. Уменьшительно-ласкательное от Калины — по уверениям родителей Калиши, вполне заурядного для Киевской Руси славянского имени. Проверить те уверения, как объяснил как-то Кирилл, не так легко: в русских летописях IX–XI веков женские имена почти не упоминаются: Ольга, Предслава, еще паратройка... И творили историю, и летописали творимое сплошь мужчины.

Калиша и в школьные времена выглядела девочкой со странностями. С годами странности росли и множились. Марксистский закон отрицания отрицания сработал в данном случае без осечек: словно в пику родителям-славянофилам Калиша все-рьез увлеклась Востоком. Марина про себя даже выражалась жестче: не увлеклась, а сдвинулась на восточной тематике... Причем сдвинулась абсолютно бессистемно, без привязки к

определенной культуре и эпохе: среди интересов Калиши мирно уживались тибетская эзотерика и китайская чайная церемония, шаманские камлания малых народов Сибири и современные дзен-буддистские изыскания.

Марина была бесконечно далека от подобных, как она выражалась, заморочек, — и тем не менее любилаходить в гости к Калише, сначала одна, потом с мужем. Там все было необычно — а значит, интересно...

Где работала Калиша — неизвестно. Вроде бы что-то для кого-то где-то переводила... Восточное, понятно. В квартире ее царил жуткий бедлам: уборка и Калиша — понятия несовместимые. А среди бедлама царила Калиша... Пожалуй, она была красива — своеобразной, на любителя, красотой: высокая, темноволосая, очень узкая в кости; Марина даже немного завидовала ее рукам: тонкие кисти, изящнейшие длинные пальцы, идеальные ногти — хотя внимания им Калиша почти не уделяла.

Приходили к ней странные, чуть в другом измерении жившие люди, вели странные речи — о чем угодно, лишь разговаров о «бабле» (столь привычных для корпоративных пикников с участием коллег Кирилла и их жен) никогда не звучало в квартире Калиши.

Если курили, то ни в коем случае не сигареты, — кальян или тончайшие, из бумаги скрученные ароматные папироски (не банальная «травка», сладковатый аромат анаши Марине доводилось обонять, пусть сама никогда не причащалась, — но и к табаку содержимое тех папиросок имело отдаленное отношение).

Если пили — то странное, с диковинным букетом вино, бутылок Марина никогда не видела, Калиша всегда наливала из графина причудливой формы...

А если включали магнитофон — то слушали уж никак не рок, не попсу и не классику. Возможно, то была так называемая пси-

ходелическая музыка — Марина не знала, она давно взяла за правило не задавать подруге лишних вопросов, дабы не утонуть в заумных и пространных лекциях-объяснениях...

Не то от непонятных разговоров Калиши и ее приятелей, не то от странной музыки у Марины словно бы плавились некие предохранители в мозгу — сидела на диване, отрешившись от всего, упльвая куда-то вдаль под заунывный тягучий мотив... Почти не видела и не слышала ничего вокруг — без остатка растворялась в чем-то, чему сама затруднялась дать название...

На следующий день Марина изумлялась себе: надо же так бесцельно, ни на что угрожать вечер... Но снова, когда через месяц, когда через два, собиралась в гости к Калише.

Дикий мотив, записанный «на ребрах», чем-то напомнил ту, звучащую у Калиши музыку. Нет, на слух ничего общего, — схоже действие... Тоже тянет **КУДА-ТО**, мягко уводит из привычной реальности... Правда, уводит в **ДРУГОЕ** место, где правит бал отнюдь не блаженное растворение в чем-то неназываемом — но ужас и боль, настолько дикие, непредставимые, что сливаются со своей полярной противоположностью — с наслаждением...

Мазохизм? Возможно...

Марина подозревала, что стала случайной обладательницей психоделической записи — но к той же самой цели эта музыка идет иным путем... Если два путника выйдут из одной точки — один строго на запад, другой строго на восток, и не отклонятся с избранного пути, — где-то на обратной стороне Земли они непременно встретятся, не так ли?

Увы, Калиша по этому вопросу уже не проконсультирует... По любому другому — тоже. Все отношения с ней разорваны полтора года назад — раз и навсегда.

Причина проста и заурядна: Марина вдруг с изумлением обнаружила, что эта чернявая тощая сучка нагло подбивает клинья к Кириллу!

Калиша?! К ЕЁ мужу??!

Не могла поверить, думала — мнимость. Это Калиша-то, к двадцати семи ни семьей, ни детьми не озабоченная, западавшая до того сплошь на чокнутых, способных в основном к ментальному сексу... Ну на что ей Кирилл, скажите на милость? Разве что для банальной случки, после которой и поговорить-то не о чем, — он хорошо разбирается в маркетинге и менеджменте, может часами нести всякую чушь о военной истории, но в эзотерических штучках-дрючках ни уха, ни рыла...

В следующий визит музыка не оказала на Марину своего привычного действия — изобразив расслабленность и отрешенность, она внимательно наблюдала за Калишем... Ну так и есть... Тут и слова не нужны, этаких женских **посылов** не почувствует разве что мраморная статуя... И благоверный, похоже, поддается — пока что подсознательно, пока что не задумываясь об измене...

Ликвидировать проблему надлежало быстро и жестко. И самым подходящим для Калиши способом. Марина исповедовала жизненный принцип: в борьбе с кем-либо всегда используй то, чего противник не ждет, с чем не сталкивался, с чем не умеет бороться... Проще говоря: чемпиона по боксу — обставить в шахматы, гроссмейстера — нокаутировать.

Она позвала Калишу на кухню, якобы посекретничать. И без каких-либо объяснений сразу же врезала в солнечное сплетение. Хорошо врезала, качественно, год тренировок в секции женской самообороны не прошел даром. Длинное тело Калиши надломилось, сложилось пополам, из губ вырвалось невнятное шипенье. «Некому Калину заломати...» — произнесла Марина совершенно ровным тоном. Запустила пальцы в черные густые волосы, задрала голову сучки, — и тут же маленький твердый кулак ударил в лицо, разбив нос и губы разом.

«Некому кудряву заломати-поебати... Хоть раз увижу рядом с ним — убью, сука», — прозвучало всё без излишних эмоций, холодно и сухо, чтобы поняла, чтобы прониклась: так и будет. Кровь капала на циновку с замысловатым узором...

...От раздумий и воспоминаний Марину оторвало громкое шкворчание и запах мяса, начавшего подгорать. Сунув снимок в прежний тайник, она метнулась к плите.

Спасти отбивные удалось в последний момент.

3

Ужин устроили при свечах. Дешевый способ добавить романтики, однако же сработал...

Кириллу казалось, что все вернулось на семь лет назад: парочка влюбленных до безумия студентов (ну, по меньшей мере, он — до безумия); уютное кафе-подвалчик на Васильевском; непринужденный разговор вроде ни о чем, но каждое слово с глубоким эротическим подтекстом... И точно так же отражается трепещущий огонек свечи в хрустале бокалов.

Нет, насчет бокалов он погорячился, никакого хрустала здесь и сейчас в помине не оказалось — стограммовые водочные стопки с мелкими гранями. Но свечи и в этой стеклотаре отражались не менее романтично, свет дробился, рассыпался сотнями лучиков, как будто незамысловатая деревенская посуда целиком была вытесана из алмаза...

Короче говоря, целоваться они начали прямо за столом — горячо, страстно. И не только целоваться... И Кирилл, когда на руках нес жену (уже лишившуюся кое-каких деталей туалета) в горницу, к огромной двуспальной кровати, опасался: джинсы сейчас не выдержат, молния разлетится от неудержимого напора изнутри...

Чуть позже — они уже лежали на кровати, обнаженные — Кирилл вдруг почувствовал на самой своей в тот момент важной части тела вместо нежных пальчиков — острые коготки. Длинные, ухоженные коготки Марины. Ее страстный шепот мгновенно, без какого-либо перехода, сменился холодным расудочным голосом:

— Ну и как ты сегодня пялился на сиськи этой королевы свинофермы?

Словно ведро ледяной воды... Словно ветровым стеклом по лбу... Словно ржавым колуном по хребту...

— Может, она лучше меня? Может, милый, ты пойдешь на кушетку и там подрочишь, вспоминая прекрасную свинарку?

Коготки сжались, едва заметно, — но вокруг наиболее чувствительного места, вокруг самого кончика объекта своего приложения. Тот, напуганный и шокированный таким поворотом событий, попытался сжаться, уменьшиться, втянуться, — как голова напуганной черепахи втягивается внутрь панциря. Коготки усилили напор — совсем чуть, но Кирилл зашипел от боли.

И все закончилось.

Рассудочный голос сменился горячим шепотом:

«Не бойся, малыш, я пошуптила...», коготки бесследно исчезли, в дело вновь вступили пальчики, и, немного спустя, — влажные, нежные губы и шаловливый язычок; изобиженная часть тела обижалась недолго, приняла безмолвные извинения, и быстро восстановила физическую форму и боевой дух, и казалась вновь готовой к самому решительному наступлению, вернее — к самому глубокому вторжению...

Но внутри Кирилла что-то сломалось. Что-то пошло глубокими трещинами и рассыпалось на куски...

Физические последствия не задержались. Оказавшись на Марине, постанывающей, отвечающей энергичными встречными движениями, — он выбивался из сил, но никак не мог кончить.

Придется симулировать, решил он спустя несколько минут (или часов? чувство времени утерялось...) Благо жена свое получила, а то ведь недолго дождаться второй серии скандала: значит, я тебя уже не возбуждаю?!!

Не успел. Марина все поняла (попробуйте-ка что-нибудь от нее утаить, хоть в жизни, хоть в постели), но отреагировала на удивление лояльно, прошептала: «Устал, бедненький...» Аккуратно коснулась огромной шишки на лбу:

«Это она виновата, проклятая лиса... Ничего, сейчас моему Кирюше будет хорошо...»

Уложила стремительно теряющего эрекцию Кирилла на спину, опять пустила в ход пальцы, губы... И, когда муж вновь оказался относительно готов к любовным подвигам, — оседлала его, широко расставив бедра.

Кирилл почувствовал, что пальцы супруги направляют его не туда, — в иное отверстие, очень узкое, очень тесное, обычно запретное в ихочных играх. Удивился — после нескольких первых опытов Марина отказалась от анального секса, чересчур для нее болезненного.

Вот и сейчас — не убиная руку, двигалась медленно-медленно, осторожно-осторожно, словно хозяйка, томящая гостя на пороге — и не знающая, пригласить внутрь или нет.

Потом вдруг одним движением буквально насадила себя на вздыбленную плоть Кирилла. Застонала — скорее от боли, чем от удовольствия. И затем, во время убыстряющихся ритмичных движений, стоны не прекращались.

Груди — острые, с крохотными сосками — трепетали в такт толчкам над лицом Кирилла, как плоды, которые никак не удается сряхнуть с ветки дерева. Он протянул к ним руки, ладони наполнились упруго-мягким, пальцы осторожно взялись за соски... «Не так! — яростно пошептала Марина между стенами. — Сильнее! Не бойся!» Она порой любила ласки грубые, болезненные, — похожие на ласки насильника, больше возбуждающие его самого, чем жертву... Кирилл не стал отказывать: стиснул сильно, выкрутил соски пальцами — стоны стали громче, и, кроме боли, теперь слышалось в них наслаждение.

Было хорошо, очень хорошо, он подумал, что все закончится именно так, причем весьма скоро, — но Марина неожиданно соскочила с него, и застонал уже Кирилл — от жестокого разочарования.

Она нависла над ним, стоя на четвереньках, свесившиеся волосы щекотали лицо.

«Теперь ты, милый, теперь ты, только сильно... сильно и быстро...»

Марина опустилась на спину, нарочито медленным движением потянула подушку, столь же неторопливо подложила ее отнюдь не под голову — Кирилл чуть не взвыл от перенапряжения, от дикого желания. Наконец притянула его к себе, закинула на плечи широко разведенные ноги... Он вошел резко, глубоко, — в то же, но уже далеко не в узенькое отверстие, запертая калитка превратилась в широко распахнутые ворота, покорно и с нетерпением ожидающие вторжения...

Она вскрикнула — не застонала, вскрикнула в полный голос. Он начал, как она просила, и как хотел сам, — сильно и быстро. И продолжил убыстрять движения, хоть это и казалось невозможным. Стоны и вскрикивания сменились словами: хрипловатыми, прерывающимися, возбуждающими (куда уж больше? — но возбуждающими!), сводящими с ума...

В выражениях в такие мгновения Марина абсолютно не стеснялась.

Она извивалась под ним, она кричала в полный голос, она вонзила коготки ему в спину, и теперь это оказалось не больно — **прекрасно...**

Он попытался чуть-чуть притормозить, чуть-чуть промедлить, чуть-чуть еще побалансировать на краю пропасти, полной наслаждения... Попытался — и не смог.

Давненько у них не бывало такого ураганногоекса.

Давненько, но...

Финал отчего-то получился смазанным... Оргазм, буквально навязанный супругой, стал каким-то бледным, каким-то ненастоящим... **Техническим**, пришло вдруг в голову подходящее слово... Больше облегчения, что все закончилось, чем удовольствия... К тому же немедленно возникли легкие болезненные

ощущения в мошонке и внизу живота — не то чтобы настоящая боль, но приятного мало.

...Наверное, она меня все-таки любит, подумал Кирилл, когда Марина — обнявшая его, плотно прижавшаяся, — задышала мерно и ровно. Очень по-своему, загадочной и странной такой любовью с извращенными садомазохистскими нотками, и привыкленной самой махровой собственнической ревностью... Но любит.

Непостижимые существа эти женщины.

Он лежал и лениво, полусонно размышлял о странностях их брака. (Или не странностях? Или у других тоже хватает своих, невидимых посторонним заморочек, — сравнить-то не с чем, первый опыт семейной жизни остается единственным...)

Лежал, думал — и как-то пропустил момент, когда можно было уснуть по-настоящему. Сонное отупение прошло, кровь, отлившая от головы к более важным в тот момент органам, вновь вернулась к привычной своей циркуляции в организме, — и спать совершенно расхотелось. А не мешало бы — ни к чему завтра сидеть за рулем сонной мухой.

Марина пробормотала во сне что-то неразборчивое, сняла руку с его плеча, перевернулась на другой бок, свернувшись калачиком, — и выглядела сейчас маленькой, трогательной и беззащитной. Кириллу захотелось ее поцеловать — с благодарностью. Сдержался — разбудит, чего доброго. А разбуженная до срока Марина, ох... Не стоит о грустном. По крайней мере, трогательной и беззащитной тут же перестает казаться.

Ладно, пора спать...

Кирилл постарался полностью отключить мозг, не думать вообще ни о чём, — куда лучший способ заснуть, чем мысленный подсчет прыгающих через загородку овец...

Не получилось.

Отвлекали звуки, издаваемые старым домом.

Исключительноочные звуки — днем их не услышишь. Хотя, казалось бы: замолчи, затаи дыхание, — и слушай... Но нет, **этим** звукам нужна еще и темнота.

Скрип... Тихий скрип половицы — точь-в-точь как под чьей-то осторожной ногой... Снова скрип, чуть в стороне — неведомый кто-то постоял, вслушиваясь — и сделал второй шаг. Потом еще один, и еще...

Физика процесса ясна и понятна — старое дерево нагрелось за день, а сейчас остывает, поскрипывая. Но отчего же так гнетут этиочные звуки?..

Затем к поскрипыванию добавилось тихое-тихое шуршание... Мышь? Наверное... Надо будет купить пару мышеловок и какой-нибудь отравы, мало приятного в таком соседстве...

Шуршание смолкло и больше не возобновлялось. Зато на грани слышимости возник новый звук, природу и происхождение которого Кирилл поначалу определить затруднился.

Что-то связанное с влагой, одна из составляющих звука — не то еле слышное журчание, не то побулькивание... Мышка описалась? — попытался он мысленно пошутить. Получилось не смешно.

Что же там, черт возьми, такое?

Наконец он понял. И облегченно вздохнул. Труба! Конечно же, фановая труба, ведущая от стока раковины к сливной яме. Марина после готовки наверняка не плотно завернула кран, водится за ней такой грешок в городской квартире. Тонюсенькая струйка падает в сток практически бесшумно. Но на внутренних стенках фановых труб вечно хватает всякой налипшей гадости, — и, преодолевая эти препятствия, вода издает еле слышные звуки.

Надо бы встать и затянуть кран... Сольется бак — придется с утра первым делом осваивать процесс его накачивания.

Вставать не хотелось, Кирилл буквально заставил себя... Постоял, всматриваясь в серой полумгле, где расположены пред-

меты меблировки — надо пройти на кухню бесшумно, ни на что не натолкнувшись... Просчитал оптимальную траекторию, двинулся...

Внезапно там, в кухне-столовой, затикали настенные часы. Еле слышимое днем «тик-так» показалось громовым набатом.

Он застыл на самом пороге.

Что за...

Ведь Маринка их днем остановила, сказала, что раздражают...

А эта система сама собой никоим образом заработать не может, кто-то должен толкнуть маятник...

Не может — но заработала.

Мышка пробегала, хвостиком вильнула... Шустрая такая мышка, запросто шныряющая по вертикальным стенкам... Вообще-то и такое случается, как-то раз на их той, давней даче мыши попортили продукты в сумке, подвешенной на вбитый в стену гвоздь... Но все равно сомнительно. Нет в часах ничего для грызунов интересного.

Он почувствовал сильный озноб. Хотя с вечера казалось — в доме достаточно тепло...

Ну и что? Так и стоять теперь, ломая голову: отчего же вдруг пошли старые часы? Он разозлился сам на себя, решительно шагнул вперед. Нет, лишь хотел шагнуть именно так — но получилось не очень... Трудно решительно шагать абсолютно голому человеку — когда мужские причиндалы при каждом шаге болтаются и шлепают по ляжкам...

Ходики он увидел сразу. Всматриваться не пришлось — часы светились тусклым желто-зеленоватым светом. Не целиком, разумеется, — лишь стрелки и цифры, нанесенные на циферблат.

Ух-х-х... Так и кондратий хватить может, от неожиданности... Идея неплохая: фосфорная краска издалека и в полной темноте позволяет понять, который час. Но лучше о таком предупреждать загодя...

Спустя несколько секунд он понял, что с механизмом ходиков не всё ладно... Вернее, всё неладно. Стрелки вращались! Им, собственно, надлежит именно тем и заниматься, — но не с такой же скоростью... Минутная стрелка крутилась примерно втрое быстрее, чем могла бы крутиться секундная, окажись она на этих часах. Часовая ускорилась пропорционально — проходила одну двенадцатую циферблата за полный оборот минутной.

Казалось бы, тиканье при таких делах тоже должно было раздаваться гораздо чаще. Однако нет — неторопливый, размеренный звук не сочетался с бегом обезумевших стрелок.

Но самое главное он осознал еще позже — стрелки вращались в обратную сторону!!

И что-то еще **не так** было на кухне, какая-то странная мелочь, совсем сейчас не важная — в сравнении со свихнувшимися ходиками.

Кириллу пришла дикая мысль — и со временем, и с часами все в порядке. Не в порядке он сам... Что-то с ним случилось, что-то неправильное, — и он проваливается в глубь времен. Назад, в прошлое — затягивающее, как бездонные трясины Сычьего Мха...

На-зад, на-зад, на-зад, — ехидно отстукивали часы. — Ты-наш, ты-наш, ты-наш... Ты не вернешься! Ты утонул в волнах времени, — тик-так-у-та-нул, тик-так-у-та-нул, тик-так-у-та-нул! — и не выплыешь, к ногам привязаны свинцовые гири в форме сосновых шишек...

Ни хрена! — хотел крикнуть Кирилл, а может и в самом деле крикнул, но не услышал себя. Ни хрена, ничего у вас не получится, сейчас я выйду в сени, возьму лихоедовский колун и разнесу вас к чёртовой матери!!! Он был убежден: Трофим принес сюда свой знаменитый колун, конечно же, принес и оставил в сенях, Кирилл даже здимо представлял, где именно тот стоит

— прислоненный к стене рукоятью, обмотанной синей изолентой...

Взбесившиеся часы, похоже, испугались его решимости — обе стрелки сошлись на двенадцати и замерли. Тиканье смолкло — и прозвучал не то скрип, не то скрежет... Распахнулись дверцы? Так и есть, сейчас выскочит кукушка... Птичка, птичка, сколько мне жить на свете?! Лучше не говори, гнида, лучше молчи, проклятая тварь...

Кукушка не выскочила. И ничего не сказала... Но что-то вывалилось из распахнутых дверец, вывалилось не с бодрым «куку!» — с мерзким утробным звуком, напоминающим те, что издавал Кирилл, пытаясь удержаться от рвоты над трупом лисицы... Вывалилось и безвольно свесилось, пересекая циферблат — и обе стрелки, и цифра «6», и цифра «12» теперь были закрыты.

Кириллу показалось, что **ЭТО** — вывалившееся-повисшее — несколько раз дернулось, пытаясь не то втянуться обратно, не то окончательно освободиться... А потом часы рухнули со стены.

Рухнули с грохотом, способным разбудить мертвого, — да что там, разбудить всех мертвецов мира, сколько ни скопилось их в земле с начала веков... Рухнули и разбились, шестереночки раскатились по полу, обе стрелки отлетели от циферблата и тускло светились чуть в стороне...

Туда тебе и дорога, проклятый призрак проклятого дома, мы здесь, и мы живы, а призракам не место рядом с живыми...

Он стоял — голый, в нелепой позе — и ждал, что сейчас прозвучит недовольный, хриплый со сна Маринкин голос:

«Ты спятил, милый? Энурез мучает? Или эротические сновидения?» И что он ей скажет? «Да, любимая, ты права, я спятил, еще как спятил, а за кампанию спятили часы на стене, и хотели увлечь меня в прошлое, да не рассчитали силенки, надорвались...»

Голос не прозвучал.

Тишина. Мертвая тишина. Гробовая.

Хотя нет... Тот звук, что Кирилл услышал еще в кровати, никуда не исчез. Наоборот, здесь, на кухне, стал даже громче. Вот только доносился он не от раковины — ровно из противоположного угла. Прямоугольник обеденного стола, одним торцом примыкавшего к окну, слабо виднелся. Но рядом, в углу, в промежутке между столом, окном и печкой, затаилась непроглядная тьма. Именно оттуда доносилось не то побулькивание, не то журчание...

В этот момент Кирилл понял, какую странность он отметил краем сознания — за несколько мгновений до того, как часы начали свою свистопляску. Запах! Нет, не запах... «Запах» — достаточно нейтральное слово...

Зловоние — так будет вернее.

Не слишком сильное, не бьющее наповал, не заставляющее зажимать нос и искать пути к отступлению. Однако вполне отчетливая вонь — какую случается порой вдохнуть над растревоженным болотом.

И, ему показалось, — запах доносится из того же угла, что и звук... Воображение нарисовало нелепую картинку: кальян, как тот, что был у Калиши, только внутрь вместо ароматизированной жидкости налита мерзкая болотная жижа. И всё это побулькивает. И всё это пахнет...

А курит тот кальян...

Идиот! Слепец! Мог бы сразу разглядеть... И сообразить.

В темном углу, помнил Кирилл, стоял стул — самодельный, деревянный — с высокой резной спинкой. Напротив, с другой стороны стола, — точно такой же!

И ЕГО СПИНКУ КИРИЛЛ ВИДЕЛ! А у того, что в углу — нет! При той же степени освещенности...

На стуле кто-то сидел.

Нет, там могло лежать что-то темное на сиденье, могло что-то темное висеть, прикрывая спинку...

Но Кирилл не обольщался. **ОН ЗНАЛ.**

Все просто и ясно, стоит чуть напрячь извилины...

На стуле сидит Викентий. Мертвый хозяин дома. Пришел и сидит на своем любимом месте. Где еще сидеть **ЖИВОМУ** старику, как не рядом с окном и печкой... Мертвый не изменил привычек.

Мертвцы не возвращаются? Ха-ха, еще как возвращаются, когда время начинает бежать вспять...

Викентий... Это его зловоние наполняет кухню. Это слышно его дыхание — воздух протискивается сквозь гнилостную слизь в разложившиеся легкие, и выходит обратно...

Темное бесформенное пятно изменило очертания, стало выше, больше — всё без малейшего звука, лишь прежнее натужное клокотание: вдох-выдох, вдох-выдох...

«Встал, идет сюда, — понял Кирилл с каким-то тупым равнодушием. — Надо бежать. Надо заорать, разбудить Марину...»

И не сделал ничего. Не заорал — рот открывался и закрывался беззвучно, словно в немом кино. Не побежал — ноги как будто приклеились к холодным доскам пола.

Бесформенное черное **нечто** надвигалось. Вдохи-выдохи забулькали прямо в лицо. Зловоние стало невыносимым.

Кирилл рванулся, в последний раз пытаясь разорвать невидимые путы, и...

В глаза ему ударили свет: яркий, ослепляющий, обжигающий.

Ключ третий

Не ведает душа, что стяжает завтра

Триада девятая

Дивизия – призрак

1

Он зажмурился, ослепленный. Солнечный луч прорвался в щель между занавесками — ветхими, застиранными — и разбудил Кирилла.

Сердце колотилось бешено, твердо решив: или оно разобьется о грудную клетку, или проломит-таки путь на волю. Казалось, ноздри до сих пор терзает зловоние черного призрака, в ушах раздается его шумное клокочущее дыхание. Кирилл несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул, пытаясь избавиться от последствий ночного кошмара.

Помогло... Относительно. Звуки-запахи постепенно улетучились, но сердце продолжало свои попытки с упорством, достойным знаменитого узника замка Иф...

Да-а-а... Бывают неприятные сны. Бывают **ОЧЕНЬ** неприятные сны. Случаются настоящие кошмары... **Но такой...** В любой самой гнетущей бредятине, что грезилась порой Кириллу, всегда присутствовала некая палочка-выручалочка, некая дверь в нормальную, здоровую реальность — осознание, пусть подспудное, пусть неявное: сон, кошмар, бред... Не взаимо. Не всерьез. Не бывает. Проснусь — и все кончится.

Иногда помянутая дверь маячила на переднем плане, иногда оказывалась надежно замаскирована... Но была. Всегда.

А вот сегодня... Никакой грани, никакого разделительного барьера между действительностью и кошмаром. И, соответственно, никакой двери в том барьере. Только что ты лежал,

прислушивался к реальным звукам в реальном мире, и тут же, без перехода: добро пожаловать в кошмар!

«Если бы не солнечный луч, я бы попросту не выкарабкался, — понял Кирилл. — Сдох бы во сне от страха... И Маринка проснулась бы рядом с трупом...»

Он повернул голову, бросил взгляд на мерно посапывающую жену. И понял, что лежит на **мокром**. Пощупал: так и есть, на волочку хоть выжимай. Голова тоже сырая, волосы слиплись от пота...

Судя по тому, под каким углом падали солнечные лучи, — рассвело совсем недавно. Однако придется вставать. Валяться без сна — глупо, а пытаться снова заснуть... нет уж, ни за какие коврижки!

Кирилл выскользнул из постели, отобрал из валяющихся на полу одежд свои, направился с ними в руках в сторону кухни... И вновь — дежа вю какое-то! — застыл на пороге. Переступить порог не хотелось. Не хотелось, и точка. Призрак, до сих пор сидящий у окна на стуле с высокой резной спинкой? Фи, не смешите, какие еще призраки при ярком солнечном свете? Не положено-с.

Часы. Часы-ходики — вот что останавливало Кирилла.

Типичный штамп для романов-ужастиков: в ночном кошмаре с тобой происходят разные гнусные вещи; просыпаешься — уф-ф-ф, всего лишь сон! И тогда, чтобы жизнь медом не казалась: опаньки! некая деталь из кошмара — перед тобой наяву. Хотя оказаться той детали здесь, в реальности, ну никак невозможно...

Короче говоря, стоя на пороге кухни-столовой, Кирилл заподозрил: часы-ходики отнюдь не висят на стене, целые и невредимые. Они валяются на полу в виде разрозненных деталей: шестеренки раскатились повсюду, и стрелки лежат отдельно от погнутого циферблата... Добро пожаловать в кошмар, Кирилл Владимирович!

Через порог он шагнул, крепко зажмутившись.

Щелка между веками увеличивалась медленно, половицы оказывались в поле зрения одна за одной... Ничего. Пусто. Ни раскатившихся шестеренок, ни прочих деталей... Лишь потом Кирилл поднял взгляд на стену.

Ходики висели на своем законном месте. Маятник повис неподвижно, стрелки не вращались...

Кирилл не успокоился: кухонным ножом попытался открыть дверцы, из которых в кошмаре с мерзким звуком вывалилось **нечто**; дверцы не поддавались, наконец что-то хрустнуло — отворились... Внутри ничего непонятного и неприятного: кукушка — условная, стилизованная, больше похожая на чижика-пыхика. Механизм, выталкивающий птичку, сломался: сидела она боком, уставясь на Кирилла одним глазом, пыльная и понурая. Безобидная.

Ну и ладно. Можно поставить точку: сон, ничего общего с реальностью не имеющий. **НИ-ЧЕ-ГО.**

Теперь стоит одеться. А то картинка сюрреалистичная: часовщик с кухонным ножом и в костюме Адама. Одеться, и... — Кирилл невзначай опустил взгляд и закончил мысленную фразу чуть по-другому: и как следует помыться, ликвидировав следы ночных развлечений.

Холодной водой... б-р-р-р... Ничего, сэр, пора заново привыкать к прелестям сельской жизни.

2

Попить кофе (завтракать не хотелось) Кирилл вышел на крыльцо. Присел на лавочку, поставил рядом чашку — розовую в крупных белых горошинах, со слегка оббитыми краями.

Закурил, проигнорировав установленное Мариной правило: только вместе и только в определенные часы. Спать по утрам она любит долго, как минимум часа три-четыре в запасе есть, не учует... А утренний кофе и первая сигарета — сочетание идеальное, плевать на врачей с их факторами риска.

Раннее июньское утро в Загривье являло собой великолепное зрелище. Особенно отсюда, с высоченного крыльца. Солнце разгоняло с полей последние клочья тумана, росистая трава изумрудно сверкала... Деревня, вчера казавшаяся вымершей далеко не поздним вечером, уже проснулась и жила активной жизнью.

Профирыкал куда-то знакомый ЗИЛ.

Неподалеку, в соседнем дворе, жизнерадостно горланил петух. Там же пропитой мужской тенорок вторил ему жизнерадостным матом.

Бойкая старушка гнала по улице стайку из десятка коз, среди которых отчего-то затесались две овцы с грязно-буровой свалявшейся шерстью; козы шли неохотно и все норовили остановиться, пощипать листья с придорожных кустов, — старушка подгоняла их, причем использовала в качестве хворостинки не что-нибудь, а тонконогую табуретку, которую волокла с собой. Прямо-таки пастораль, буколика: Хлоя, Хлоя, где твой Дафнис?..

Буколика - в литературоведении: род литературы, описывающий пастушеский и сельский быт на лоне природы.

Кирилл не любовался идилическими картинками. Вглядывался в гриву — где, по словам Рябцева, добивали ополченцев из третьей дивизии... Из ДНО-3...

Из дивизии, которой здесь быть НЕ МОГЛО.

Рябцев мог перепутать номер, пусть и не производил впечатление человека, способного ошибаться и путать. Но мог.

В конце концов, какие у здешнего электрика источники информации? Рассказы отцов и дедов? Ага, так вот и сообщали все проходящие мимо красноармейцы и ополченцы местным жителям: номер части, фамилии командира, начштаба и комиссара, район дислокации и поставленные задачи. Вытягивались по стойке смирно и рапортовали. Бодрым голосом.

Однако главная-то деталь не могла укрыться от острого глаза местных: штатская одежда. Значит, добровольцы-ополченцы: пусть не дивизия, пусть истребительно-партизанский полк, пусть истребительный батальон, пусть батальон артиллерийско-пулеметный... Но в любом случае — ополченцы. Красноармейцы сорок первого года без шинелей и гимнастерок — нонсенс.

Беда в том, что дивизия и батальон несколько отличаются численностью личного состава, раз так в пятнадцать... Трудно принять батальон за дивизию, даже малосведущему в военных делах человеку. Да и не останется после разгрома всего лишь батальона такой долгой народной памяти... И двадцать тысяч трупов по лесам-болотам не останется, даже для дивизии — многовато. Пусть цифра и преувеличена, все равно перебор...

Так что же за люди в штатском угодили в «Загрицкий котел»?

Не третья фрунзенская дивизия народного ополчения, ее боевой путь хорошо известен.

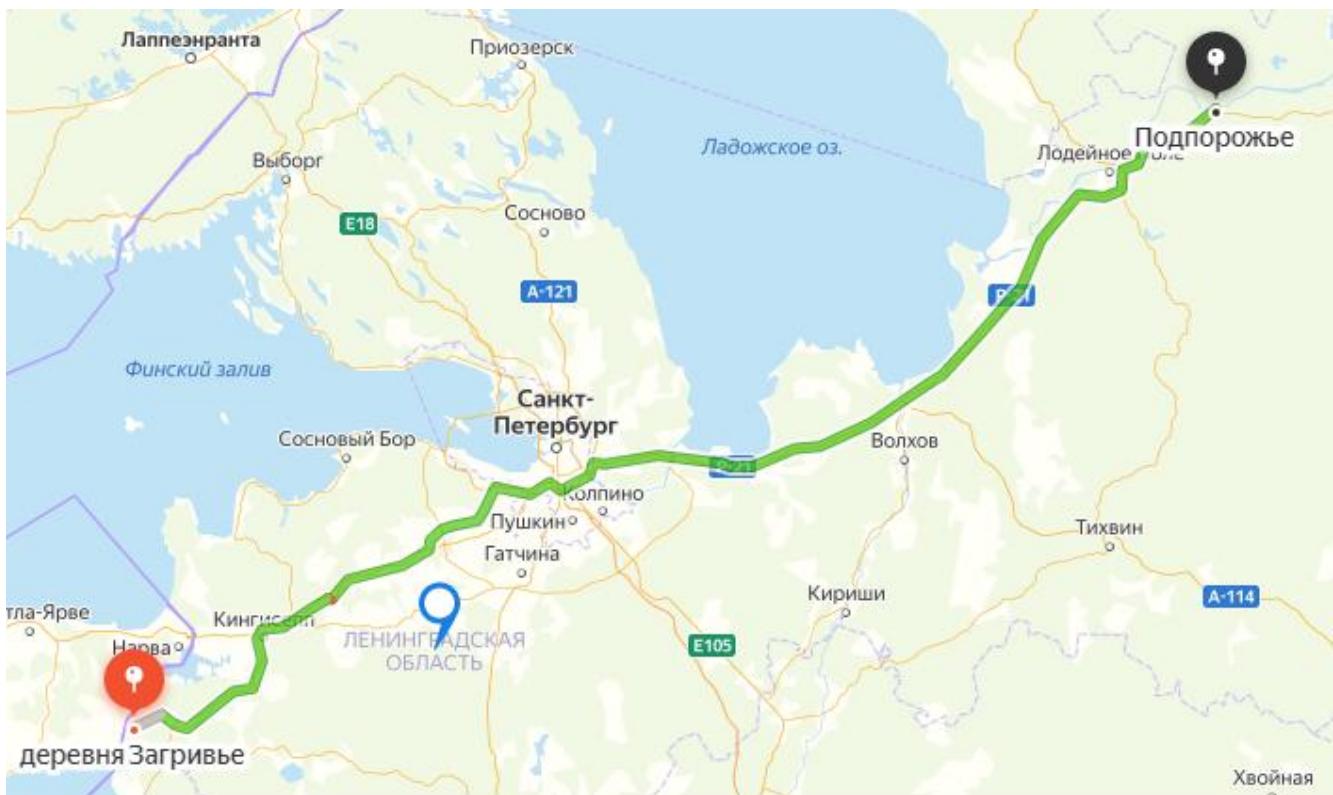
Но и никаких других дивизий, входивших в ЛАНО — Ленинградскую армию народного ополчения — здесь не было!

Выдержка из архива Министерства обороны

24 сентября 1941 года Директивой Генерального штаба, в связи с утерей боевого знамени, 3-я АДНО была переименована в **49-ю стрелковую дивизию РККА**. Переформирование соединения на новые штаты не произошло вследствие того, что дивизия в полном составе была втянута в бой. Таким образом, несмотря на то, что под этим наименованием дивизия просуществовала более месяца, новое наименование дивизии так и не вошло в официальные списки соединений Красной армии.

2 октября 1941 года **49-я стрелковая дивизия** пошла на прорыв из окружения вдоль Кировской железной дороги на юг. Десять дней дивизия с боями шла через леса и болота, прошла 180 километров по финским тылам и к 13 октября 1941 года вышла к Свири в районе Гришинской. Здесь финские войска занимали плацдарм на южном берегу Свири, поэтому в ходе переправы дивизия понесла большие потери и была вынуждена разделиться на мелкие группы.

До 22 октября 1941 года 49-я стрелковая дивизия отдельными группами переправлялась через Свири и выходила из окружения юго-восточнее Подпорожья. Из 8,5 тысяч человек 3-й АДНО, прибывших в июле 1941 года к Олонцу, из окружения вышло 320 человек.

На карте показано расстояние между населёнными пунктами

Равным образом никак не могли попасть под Загривье ополченцы Москвы — их дивизии носили свою, отдельную нумерацию, и использовались исключительно на московском направлении. И следы казаков-добровольцев, сведенных в Ростове кавалерийскую ополченскую дивизию, искать тут не стоит...

На левом берегу Луги, в предполье Лужского оборонительно-го рубежа ДНО вообще не действовали (по крайней мере официально) — лишь регулярные части Красной Армии.

Парадокс — не могли быть, но были. И погибли: неизвестно кто, вынырнувшая как из-под земли дивизия-призрак... Вынырнувшая и легшая обратно в землю.

Кирилл подозревал, что эта призрачная дивизия все-таки носила именно третий номер. Потому что знал: в хорошо известной истории третьей фрунзенской дивизии народного ополчения есть немало сомнительных моментов.

А называя вещи своими именами — необъяснимых.

3

Вообще-то главным увлечением Кирилла стала Зимняя война 1939-1940 годов.

Есть в нашей стране узкий круг историков-любителей, не отягощенных дипломами исторических вузов, но знаниями по избранной теме способных заткнуть за пояс любого профессионала. И Кирилл был в том кругу достаточно известен.

Немало довелось ему поколесить по местам былых боев на линии Маннергейма, приходилось бывать и в северной Карелии... Лазал по остаткам оборонительных сооружений, занимался самочинными раскопками. Перелопатил огромную кучу документов тех лет, и даже самостоятельно изучил финский язык! Не живой, разумеется — болтать на житейские темы с жителями Суоми не смог бы. Однако свидетельства людей, участвовавших в давних боях **с той стороны**, читал в подлинниках свободно, все реже заглядывая в словарь...

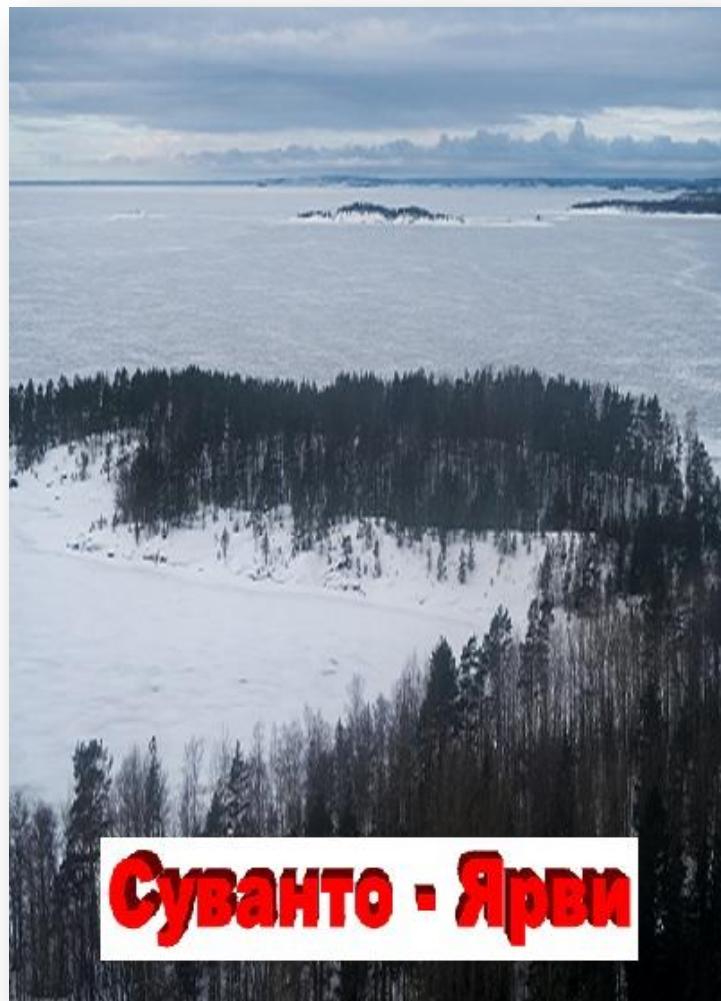
Публиковал статьи, и в бумажных изданиях, и в интернете... Но главным результатом трудов стала изданная два года назад небольшая, скромно оформленная книжка под названием

«Суванто - Ярви» — почти неизвестная история ста дней кровопролитнейших и бесплодных для советской стороны боев на берегах озера, ныне именующегося Суходольским. Книга вызвала яростные споры (все в том же узком кругу) — а это ли не свидетельство успеха?

Конечно, финансовому благополучию напечатанный за свой счет опус не способствовал — большая часть мизерного тиража раздарена, пара не распакованных пачек все еще пылится на антресолях...

Как ни удивительно, Марина, более чем скептично относящаяся к увлечению мужа, — затею с книгой лишь приветствовала.

Неужели статус супруги писателя показался столь привлекательным?..

Интересовался Кирилл и затянувшимся эпилогом к Зимней войне — боевыми действиями между советскими и финскими войсками в 1941-44 годах. В документах, касающихся тех событий, он и обнаружил первую **страннысть**, касающуюся третьей дивизии народного ополчения...

Два полка из помянутой дивизии появились в конце лета под Олонцом — держали оборону против финнов, наступавших к Свири. Почему лишь два? — удивился Кирилл. Где третий? Третий на финском участке фронта не обнаружился, следы его

отыскались в сотнях километров южнее, на Гатчинском направлении.

Чудеса...

Расчленить дивизию подобным образом — фактически ликвидировать ее. Как прикажете штабу дивизии управлять разбросанными на таком удалении частями? Как работать службе тыла и транспорта? Единый организм боевого соединения по-просту прекращает существование...

Заинтригованный Кирилл занялся историей третьей дивизии — и удивился еще больше.

Во-первых, недоумение вызвало время формирования.

Все ДНО с первыми номерами создавались в дикой спешке, экспромтом, в обстановке неразберихи и грозящего полного разгрома.

Но спешка спешке рознь.

Решение о создании трех первых дивизий ленинградского ополчения принято в один день, и, соответственно, одновременно началась работа по формированию. Однако завершена она была далеко не одновременно: именно третья, фрунзенская дивизия, задержалась с отправкой на фронт, и задержалась существенно...

Конкретные цифры Кирилла поразили. Первая ДНО одиннадцатого июля уже занимает позиции у станции Батецкая. Третья — в Ленинграде, и занята боевой подготовкой, и лишь неделю спустя оказывается на фронте под Кингисеппом.

Скажете, неделя, — пустяк, совершенно незначительный срок? Может быть... Но только не в июле сорок первого... Создание первой ДНО и отправка ее на фронт, целиком и полностью, от решения горкома партии до окопов под Батецкой, — две недели. **ДВЕ!!!** Из них боевая подготовка — пять дней. **ПЯТЬ!!!**

Недельное опоздание при таких условиях — срок невообразимо долгий... Громадный.

В чем причина?

В нерасторопности и медлительности партаппаратчиков Фрунзенского района?

Из такой причины автоматически вытекали бы и определенные последствия для проштрафившихся партийных боссов: трибунал, приговор, расстрел. Время было суровое...

Однако: ни расстрелов, ни снятий с должностей.

Может быть, не хватало людей, личного состава?

Непохоже... Хоть дивизия и именовалась формально фрунзенской, база ее создания оказалась куда шире одноименного городского района: Выборгский и Ждановский тоже активно поставляли туда людей. И населения, и предприятий на охваченной территории с избытком — можно сформировать и две, и три дивизии. Сформировали одну. Опоздав по срокам в полтора раза. ПОЧЕМУ?

И еще одна странность: в военно-исторических трудах, посвященных ленинградскому ополчению, расписано подробно, какая конкретно часть на каком предприятии создавалась. Например: первый стрелковый полк 2-й ДНО — сплошь рабочие завода «Электросила». Нет вопросов, всё ясно и понятно...

И лишь про третью дивизию скороговоркой: на предприятиях Фрунзенского района. И всё. Никакой конкретики...

Кирилл двинулся привычным путем: засел за мемуары ополченцев-фрунзенцев — ну-ка, кто из вас откуда призывался?

Выборгский район, Ждановский, Выборгский, снова Выборгский, Красногвардейск (ныне Гатчина)... Стоп! Гатчина-то тут при чем?

Выяснилось — вполне таки при чем. Не один, не два — семь с половиной сотен гатчинских рабочих-добровольцев (почти батальон!) отправлены в Питер, в дивизию народного ополчения... — угадаете с трех раз, в какую? Правильно, в третью фрунзенскую.

Дальше — хуже. В других областных городках выявились та же картина — в третью, в третью, в третью...

Чудеса в решете.

Какая-то черная дыра во Фрунзенском районе... Гиперпространственный туннель в иные измерения, пожирающий людей. Гонят добровольцев со всей области и чуть ли не из половины города — при этом с трудом, со скрипом, с огромным опозданием наскребают одну дивизию... В которой, вопреки названию, жителей одноименного района — раз, два, и обучелся. И которую, вообще-то, куда правильней назвать выборгско-ждановской...

Но все документы твердят и твердят: фрунзенская, фрунзенская, фрунзенская...

Зачем?

Не для того ли, чтобы вдовы и сироты района не задавали лишних вопросов: а где, собственно, сложили головы наши отцы и мужья? Где, где... В третьей фрунзенской дивизии народного ополчения! Вопрос закрыт.

Версия у Кирилла сложилась простая. ДНО-3 сформировали не с опозданием — по меньшей мере не позже 1-й и 2-й. Возможно, учитывая благоприятную ситуацию с людскими ресурсами, — даже чуть раньше.

Сформировали, и... И где-то угроили самым бездарным и позорным образом.

Бездарным и позорным — никак не иначе. О героически павших трубили бы все газеты, и никто бы не озабочился созданием дивизии-двойника.

Причем, очевидно, двойник неспроста просуществовал столь недолго — расчленили, раскидали людей по разным фронтам, а в сентябре и вовсе ликвидировали. Не переименовали в стрелковую, как прочие ДНО, — попросту расформировали. Нет дивизии — нет проблемы. И не задавайте глупых вопросов.

Прецеденты известны: погубленная в волховских болотах вторая ударная армия реинкарнировалась с тем же названием и номером, много лет историки живописали ее славный боевой путь, а про погибшую — молчок, словно и не было такой... В хрущевскую оттепель правда всплыла, все-таки армия, куда больше людей, куда больше уцелевших свидетелей...

Оставался открытым вопрос: где и как нашли свой конец добровольцы-фрунзенцы из настоящей, первоначальной третьей дивизии?

Ответ прост: здесь. Под Загривьем.

Поневоле заподозришь, что не слепой случай направляет наши жизненные пути... Неужели и в самом деле случайно попалось Марине объявление о продаже этого дома?..

Однако Загривье на левом берегу Луги — значит, наступали?! Ополченцы — наступали??!!

Вот это уже не просто глупость — преступление. Хладнокровное убийство пятнадцати тысяч человек.

НИКТО и НИКОГДА не посыпает людей с пятидневной военной подготовкой **наступать**. Оборона, и только оборона, — желательно на хорошо подготовленных к ней рубежах. А они — наступали. Не обмундированные, не у всех даже есть винтовки, пулеметов вдвое-втрое меньше, чем положено по штату кадровой дивизии... Командный состав — с нулевым военным опытом, запасники, — а профессиональные военные лишь от командиров полков и выше... У человека, бросающегося грудью на амбразуру, шансов уцелеть больше — как раз в тот момент может заклинить затвор у пулемета.

Убийство...

И сидел убийца очень высоко, иначе не смог бы так ловко замести следы...

Верный сталинец товарищ Жданов?

Маршал Советского Союза товарищ Ворошилов?

Кто???

Мертвым, в общем-то, все равно... Тем, кто лежит здесь — на гриве и в трясинах болота Сычий Мох...

И он, Кирилл, сможет сделать для них лишь одно: рассказать всю правду. Раскопать до конца гнусную историю — и рассказать. Написать новую книгу...

А пока... А пока он сходит на гриву и поклонится павшим. Прямо сейчас... Взглянул на часы — успеет, времени до пробуждения Марины с огромным запасом, она после **таких** ночей спит особенно долго и крепко.

Однако немедленно выйти не удалось, Кирилл вдруг вспомнил про незаконченное вчера дело: похороны лисицы. Вечером, опасаясь праведного гнева супруги, он всего лишь вытащил мертвого зверька из багажника и положил вместе с лопатой неподалеку, возле буйно разросшихся кустов сирени.

Ритуал не затянулся: неглубокая яма и коротенькая прощальная речь, причем мысленная: ну вот, кумушка, не воровать тебе больше куриц, не гоняться за зайцами, даже не украсить своим мехом плечи городской модницы... Соблюдать надо было правила дорожного движения. Аминь.

Вернув лопату в сарай, Кирилл вновь зацепился взглядом за незаконченный резной ставень на верстаке, увидел при дневном свете еще две заготовки в углу... И решил, не откладывая, прояснить один маленький вопрос.

Окна выходящего на улицу фасада высоко, искать лестницу не хотелось, — и Кирилл обревизовал два маленьких окошка, выходящих на скотный выгон.

Ага, вот след от вывинченного шурупа, вот еще один, а вот этот вывинчиваться не захотел, и занимавшийся демонтажем человек пustил в ход грубую силу — головка отломилась, излом блестит металлическим блеском, не успел покрыться коррозией...

Все ясно. Дом Викентия ничем не отличался от прочих домов Загривья: те же ставни и наверняка с тем же орнаментом... Однако кто-то их снял и унес, причем недавно.

Интересно, зачем?

Триада десятая

Прогулка утренней порой

1

Шестьдесят пять лет — немалый срок.

В сравнении с человеческой жизнью, разумеется. Для деревьев, зачастую исчисляющих свой земной путь веками, — уже меньше. Для Земли, ведущей счет на эры и эпохи, — невесомое и мимолетное мгновение...

Так думал Кирилл, поднимаясь на гриву по склону, испещренному старыми воронками — буквально одна на одной...

Мало, очень мало осталось ветеранов, переживших бои на Лужском рубеже. Из здешних берез и осин лишь немногие, самые старые, сохранили память о страшном лете сорок первого года. А вот земля помнит всё... Шрамы, истерзавшие ее тело — следы бомб и снарядов — заплыли, затянулись травой и кустарником, но не исчезли... И никуда не делась дремлющая в глубине ржавая смерть — до сих пор уносящая порой жизни охотников или грибников, запаливших костер в неудачном месте. У земли долгая память. И долго мстит она потомкам когда-то изуродовавших ее людей...

Впрочем, здесь и сейчас попадались ему и относительно свежие раны на теле матушки-земли — небольшие шурфы с кучами выброшенного наружу грунта. Наверняка дело рук местной молодежи. Подростки в местах былых жестоких боев, как им не запрещай, все равно идут и копают землю в поисках чего-либо стреляющего или взрывающегося. Мальчишеская тяга к оружию неистребима...

Трех «черных следопытов» они с Мариной повстречали вчера, по дороге на свиноферму. Парнишки лет пятнадцати-шестнадцати шагали, видимо, как раз с гривы. У двоих инвентарь, заурядный для доморощенных любителей раскопок, — лопаты и примитивные щупы: заостренные железные штыри с деревянными рукоятками. А вот у третьего...

У третьего на плече лежал металлоискатель «Юниор»

— агрегат, хорошо знакомый Кириллу, он и сам пользовался таким на берегах Суходольского озера и реки Бурной...

Не самая навороченная и дорогая модель, не напичканный суперсовременной электроникой «Гарретт-2500» — позволяющий отличить лежащую глубоко в земле монету от кольца той же массы.

Однако вполне надежная рабочая машинка, легко засекающая какой-нибудь ржавый наган на метровой глубине. А снаряд хорошего калибра — на вдвое большей.

Кирилла удивило наличие такой техники у деревенского любителя... Неужели находки позволяют окупить вложения?

Ясно одно: раз уж перешли на металлоискатели, то всё, что можно было собрать с поверхности, — собрано. И глупая смерть от подвернувшейся под ногу мины не грозит...

Он прошел по граве уже метров четыреста. Воронки по-прежнему занимали большую часть поверхности, — ровных, незатронутых полянок мало. Да и размеры у них невелики.

Однако...

Это какие же чудеса героизма показали здесь в обороне прижатые к болоту ополченцы, что на них высыпали в полном смысле слова град смертоносного железа? Наверное, рядом с ними сражались и кадровые части РККА... И все равно сомнительно. Нет смысла тратить такие силы на добивание окруженных. Достаточно надежно блокировать попытки прорыва — и без подвоза боеприпасов и пищи, без эвакуации раненых долго противник не повоюет...

Загадка. И Кирилл чувствовал: он ее разгадает... Да, новая книжка получится куда более сенсационная, чем «Суванто-ярви», — та привлекла внимание лишь узких специалистов. Чем черт не шутит, вдруг удастся заинтересовать какое-нибудь большое издательство? Заманчивые перспективы...

В поросли молодого кустарника обнаружилась натоптанная тропинка. Кто-то здесь ходил, и не раз... Куда и зачем — выяснилось быстро: пройдя по тропе десятка два шагов, Кирилл очутился на краю широкой воронки с пологими склонами. И удивленно присвистнул...

Вот это да!

В воронке лежали боеприпасы, выложенные рядами на склонах. Старые, поржавевшие снаряды и минометные мины. Многие десятки, если не сотни...

Присмотревшись, Кирилл понял: перед ним пустышки. Фантики от конфет. Скорлупа от орехов. Взрыватели вывинчены, корпуса вскрыты, взрывчатка извлечена. Отходы производства «черных следопытов». Ну и масштабы у них, однако...

О ценах черного рынка на тринитротолуол Кирилл не имел понятия, никогда не поддавался искушению заработать на сделанных находках. Однако на металлоискатель хватит, без сомнения...

Пустышки — но выглядит груда металла более чем внушительно. Обязательно надо вернуться сюда с профессиональным фотоаппаратом — такой кадр украсит будущую книгу.

Он спустился по склону, внимательно рассматривая экспонаты ржавой коллекции. Зачем-то они были рассортированы — лежали рядами, сгруппированные по видам и образцам.

Знакомые все штучки...

Большей частью минометные мины — граждане, занимающиеся самочинными раскопками, именуют их «летучками», чтобы не путать с противотанковыми и противопехотными.

Вот этими стрелял тяжелый немецкий миномет. И этими тоже он — так называемая шпринг мина, для более эффективного поражения живой силы...

А вот другие — к легкому, пятидесятимиллиметровому, немного, всего три... Все правильно, к сорок первому году как раз два калибра: 81 и 50 миллиметров, — и состояли на вооружении вермахта...

Немецкий миномёт sGrW - 34

Любопытно, что советский миномет, разработанный несколько позже немецкого 81-миллиметрового, имел калибр на один миллиметр больше. И спокойно стрелял трофейными немецкими минами. А наши в ствол немецкого не пролезали... Не забыть бы помянуть этот факт в новой книжке.

Советский миномёт ММГ 82-ММ

Следующие экспонаты нашей летней коллекции — немецкие пушечные снаряды. Тоже все логично: 75-миллиметровая пехотная пушка и 105-миллиметровая пехотная же гаубица.

75-мм лёгкая пехотная пушка

105-мм гаубица

Значит, немцы не стали подтягивать сюда 150-миллиметровки, справились и без них... Дескать, много чести для ополченцев.

На поясах снарядов хороши видны следы от прохождения сквозь нарезы стволов. Однако, сколько же их, неразорвавшихся... Хотя неудивительно, Сычий Мух под боком. Топкие болота, как известно, настоящее проклятие для артиллеристов. У одних типов снарядов, угодивших в топь под определенным углом, взрывные трубки вообще не срабатывают. Другие взрываются, но погрузившись слишком глубоко, с минимальным ущербом для противника... Что поделать: генералы, формулируя свои требования для конструкторов оружия, никак не рассчитывают, что наступать или обороняться придется в трясине. Учебники военного искусства настоятельно рекомендуют болота обходить стороной. Хотя взрыватели мин легких немецких минометов отличались повышенной чувствительностью, недаром не сработавших пятидесятимиллиметровок тут всего три штуки...

Еще два вида снарядов Кирилл не сумел опознать. Возможно, от трофейных пушек вермахта, чешских или французских...

Патрон, валявшийся здесь же, попался на глаза случайно. И принесли его сюда тоже явно случайно, наверняка вместе с прилипшей к снаряду или к «летучке» землей, — больше ни единого боеприпаса от стрелкового оружия не видно. Кирилл поднял, осмотрел: от русской трехлинейки, капсюль вмят, но пуля на месте — значит, осечка, боец матернулся, передернул затвор, выбрасывая этот и досыпая новый патрон...

Или не передернул, сраженный осколком брата-близнеца валиющихся здесь снарядов.

Найденная отправилась в карман, маленький сувенир на память...

Что у нас дальше? Один-единственный снаряд от «флака», незнамо каким ветром сюда занесенный...

А это... Вот это уже интересно...

Он задумчиво созерцал два ряда снарядов. Советских снарядов. От 152-миллиметровой гаубицы.

Попробовал сосчитать, дошел до двадцати трех и сбился, ряды были выложены достаточно небрежно, наезжали друг на друга...

Значит, по граве отработала не только немецкая, но и наша артиллерия? Случается... В Зимнюю войну, как хорошо знал Кирилл, неоднократно бывало: советские дальнобойные пушки продолжали громить финские позиции, уже занятые своей пехотой. Обычная неразбериха, плохо налаженные связи и взаимодействие...

В любом случае, трофейные русские 152-миллиметровки никогда на вооружение вермахта не поступали.

Или имела место ситуация в духе патриотических фильмов старых лет? Последние погибающие ополченцы вызвали огонь на себя? Кирилл недоверчиво хмыкнул.

Патриотические фильмы он недолюбливал. Как, наверное, и любой, хорошо знакомый по мемуарам и старым документам с истинным положением дел...

Но даже если всё обстояло именно так, если найдутся тому свидетельства, в книге все равно необходимо будет рассмотреть и еще одну версию — сенсационную, с пряным запахом

СТРАШНОЙ ТАЙНЫ

Наша артиллерия была по своим **СПЕЦИАЛЬНО!**

Чем не вариант? Кому-то, в дикой спешке сформировавшему в Ленинграде дивизию-дублера, как кость в горле мешали упрямые ополченцы в Загривье, никак не желающие умирать, не оставляющие попыток пробиться к своим. И свои стали хуже чужих: из-за линии фронта, с одной из артпозиций Лужского рубежа, полетели сорокакилограммовые «чемоданы», добивая упрямцев...

Кстати, если здесь отработали гаубицы МЛ-20, а так, скорее всего, и случилось.

Это характеризует уровень принятия решений: вовсе не командир соседней кадровой дивизии приказал поддержать огнем ополченцев, а его подчиненные немного промазали... И не командир корпуса проявил самодеятельность...

МЛ-20 — артиллерия, подчиненная командующему армией. А то и самому резерву Главного Командования. Решение об артналете вполне мог принять человек, пославший на верную смерть пятнадцать тысяч необученных добровольцев.

Эх, красавая версия вырисовывается... Конечно, патриоты-резуновцы снова взвоют, как гиены в течке: мы, мол, в сорок первом были ух и сильны! сильнее всех в мире, да не повезло чуть-чуть, а то бы мы уж... а он, Кирилл, дескать, злопыхатель и очернитель советской мощи и сталинского гения.

Ладно, не привыкать, отобьемся...

2

Вторую воронку, меньшую по размерам, но тоже служащую складом находок «черных следопытов», он обнаружил тем же самым способом, — пойдя по натоптанной тропинке.

Но лежали тут не боеприпасы...

Кирилл долго стоял на краю воронки без единой мысли в голове. Мозг отказывался осмысливать увиденное, отказывался — и все тут.

Лежали здесь останки. Останки, с которыми кто-то обошелся самым варварским, самым бессмысленно-жестоким образом.

Не скелеты... И даже не разрозненные кости...

Обломки, мелкие осколки костей — огромная груда на дне.

Свиноферма... Конечно же, это отходы со свинофермы, — ухватился Кирилл за спасительную мысль. Надо уйти отсюда, — понял он. Уйти, и забыть, и не задумываться, кому и зачем потребовалось так дробить свиные косточки... И о том, когда эти косточки успели так потемнеть, некоторые даже подернуться зеленым налетом, — тоже не задумываться... Отходы свинофермы, и точка.

Он не смог.

Не смог уйти, не смог заставить себя поверить в спасительную **«свиную»** версию...

Здесь лежали люди. То, что осталось от людей. Вон тот обломочек нижней челюсти, кость с двумя потемневшими зубами, что лежит совсем рядом, чуть не под ногами, — разве может он принадлежать свинье?!

Видел он не далее как вчера свинские зубы — в оскаленной пасти мадам Брошкиной...

Люди...

За что же вас так?! Кто же вас так ненавидел, что загнал на смерть — и продолжил убивать после смерти?!

Хотя нет, едва ли палачи третьей дивизии виноваты еще и в **ЭТОМ**, изломы костей свежие...

Способ, которым измывались над павшими, сомнений не вызывал, — вывернутый давним взрывом из земли гранитный валун-наковальня (из-за него-то наверняка и выбрали именно эту воронку), рядом валяется здоровенная кувалда...

Родительский день завтра, сказали им ангельское дитя, дробя на куски крысиные косточки.

Родительский день, говорите? Семейный, стало быть, праздник? Посторонние, значит, нежелательны? И в самом деле, к чему нужны свидетели такого обхождения с предками? Тюк-тюк по черепу, тюк-тюк по ребрам, каждый почитает родителей по-своему, у нас так уж принято... И нацистские свастики (*какая, к чертям, славянская древность!*), где только можно, — сегодня, по пути сюда, Кирилл разглядел даже собачью будку с резной опускающейся дверцей, украшенной ими...

Будку! Собачью!!!

Тюк-тюк — вот вам за Сталинград! Тюк-тюк — вот вам за Курскую дугу! Тюк-тюк — а это за сорок пятый! Тюк-тюк — за штурм рейхстага!

Он понял — если не уйдет немедленно, то свихнется. Самым натуральным образом свихнется. Вокруг не ночной сумрак — яркое солнечное утро, но он, Кирилл, сделал шаг не туда. И оказался по ту сторону реальности. Тюк-тюк — добро пожаловать в кошмар! Тюк-тюк — у нас тут весело!

Кирилл попятился, не отрывая взгляда от воронки, — крохотный шажок назад, еще один... Может, достать из кармана швейцарский ножичек, да и вонзить лезвие в ладонь? Вонзить и проснуться рядом с Мариной на широкой двуспальной кровати... Он даже потянулся было к карману джинсов, но не закон-

чил движение... взгляд приковало кое-что на другом краю воронки.

Ну почему вокруг не ночная тьма? Не густой утренний туман хотя бы? Тогда можно списать увиденное на обман зрения... Но при ярком свете сомнений нет: там сквозь кусты виднеется плаха — здоровенная деревянная колода с воткнутым в нее топором. Скелеты при помощи такого инструментария дробить несподручно... Им удобно **расчленять** живых. Или недавно умерших.

Почему ветви там, возле плахи, шевелятся — гораздо сильнее, чем могли бы от легкого ветерка? Что за странный запах уже давно щекочет ноздри? И что за ритмичный, побулькивающе- журчащий звук раздается за спиной? Все ближе и ближе...

С возвращением, Кирилл Владимирович... Добро пожаловать в кошмар, у нас тут весело...

Он побежал напролом через кусты, позабыв про тропинку. Ветви хлестали по лицу.

3

— Кирилл! — негромкий женский голос. И рука, теребящая его за плечо. Он открывал глаза с облегчением: все же кошмар, все же уснул снова, хоть и не хотел...

Перед глазами была трава. Зеленая. По стеблю — близко-близко, у самых глаз — ползла божья коровка. Что за...

— Кирилл! — да и голос-то не Маринкин...

Он рывком перевернулся.

Клава... Продавщица Клава... А вокруг... Да, сомнений нет, вокруг все та же грива: поросли кустов, кое-где одинокие елки на краях старых воронок...

И как это понимать?

У Кирилла появилось подозрение: на самом деле ничего этого нет. Вообще ничего. И никогда не было. Ни Загривья, ни объявления о продаже дома, ни раздавленной на дороге лисы... Он задремал в самолете Москва-Петербург, и сейчас проснется от женского голоса, просящего пристегнуть ремни и сообщающего температуру в аэропорту приземления...

Он внимательно посмотрел на Клаву. Жаль, что тебя нет. Ты очень красивый морок и фантом, куда красивее воняющих болотной гнилью мертвцов...

Девушка улыбнулась — как-то робко, неуверенно, никакого сравнения с давешним разбитным поведением в магазине при свиноферме. Хотя какой магазин? Не было ничего, не было, не было... Или все же было?

Он протянул руку, осторожно прикоснулся к коже, тронутой первым летним загаром, — прикоснулся чуть ниже короткого рукава платья.

— Ты настоящая?

Она ответила так, словно и подобные вопросы, и сопровождающие их жесты стали давно привычными:

— Настоящая, конечно... **А ты?**

В этот миг Кирилл, наверное, проснулся окончательно.

Триада одиннадцатая

Никогда не ложитесь спать с мёртвыми

1

Прояснилось всё без мутной мистики и дремучего солипсизма.

Солипсизм - философская доктрина и позиция, характеризующаяся признанием собственного индивидуального сознания в качестве единственной и несомненной реальности и отрицанием объективной.

Да, лисицу он действительно закопал, и действительно пошагал на гриву. А Клава, по ее словам, увидела его из окна, уже вдалеке, уходящего, — попыталась догнать, но потеряла из вида. И нашла уже здесь, на полянке, — спящего.

Зачем догоняла? — Кирилл не стал уточнять. Неважно. Важно другое: нет и не было проклятых воронок, наполненных снарядами и обломками костей! Приснилось, привиделось, — трех с половиной часов сна маловато для организма, и он, организм, взял-таки свое. На травке, под кустиком.

А что пригрезилась кошмары — таквольно ж засыпать в **таком** месте!

Тем более что печальный опыт имелся, на Карельском перешейке устроился как-то на ночлег в разрушенном бункере — сон привиделся немногим лучше нынешнего: куда-то он бежал в атаку, по болотной топи, едва прикрытой первым снежком, рядом рвались снаряды, вздымая к небу фонтаны жидкой грязи, потом снег под ногами подался, он ухнул в трясину, сразу с головой, холодная жижа полезла в рот и нос, залепила глаза, но

он все равно видел: вокруг трупы, трупы, трупы — искореженные, растерзанные, в красноармейских буденовках и длиннополых шинелях... Остаток той ночи Кирилл провел, бодрствуя у крохотного костерка (землю под которым пришлось хорошенько проверить металлоискателем). И с тех пор зарекся ночевать там, где погибли слишком многие...

Голос Клавы отвлек от воспоминаний:

— Скажи... Я вчера услыхала случайно... Вы ведь сегодня уедете, днем?

Похоже, они перешли на «ты», причем Кирилл начал первым. Ни к чему бы, услышит случайно Марина, мало не покажется. Ну да ладно, снова «выкать» как-то глупо. Бог не выдаст, мадам Брошкина не съест...

— Сегодня, — подтвердил он. — Днем.

— Если не уедете... — сказала Клава, медленно и неуверенно. Замолчала, словно раздумывая: что произойдет, если они почemu-то не уедут?

Начала снова:

— Если все-таки не уедете... Тогда приходи вечером... — она опять замялась.

Отломила с куста ветку, быстрым движением протянула сквозь сжатые пальцы, очистив от листьев, — два все же уцелили, сиротливые и помятые.

— Смотри... — прутик лег на траву, Клава провела вдоль него пальцем. — Вот так вы к нам ехали, по дороге — вчера, на ферму, значит... Загривье вот туточки...

Девушка ткнула куда-то в направлении тонкого конца ветви.

— А тут вот... — она положила чуть в стороне прошлогоднюю еловую шишку, — ...тут слева домик, небольшой такой, без окон, вроде башни... Видел, когда проезжали?

Кирилл, честно говоря, не помнил. Может и видел, да из головы вылетело.

— Видел? — настойчиво повторила Клава.

Он кивнул. Будем считать, видел. Если что — найдет, не маленький.

— Вот и приходи... Один! Гроза ввечеру будет, так ты до нее, непременно до нее успей...

Про грозу она сказала с какой-то странной уверенностью. Кирилл прогноз на сегодня не слышал, если и вправду синоптики обещали вечером гром и молнию, — разве ж можно им стопроцентно доверять? Хотя Трофим говорил, что грозами Загривье славится...

Затем Кирилл понял, что прицепился мыслями к грозе по одной-единственной причине: его только что самым недвусмыслиенным образом пригласили на свидание, и надо на это как-то отреагировать... А он не знает — как.

Если Марина...

— Придешь?

Но почему так сложно: вечер, непонятный какой-то домик... Вроде они здесь одни, и вроде им никто не мешает... Кирилл смотрел на ее застиранное ситцевое платьице в нелепых цветочках, коротковатое и тесное, полное впечатление: увидев его в окно, Клава второпях накинула первое, что попалось под руку, — а попалась одежка, которую она носила лет в четырнадцать или в пятнадцать... Интересно, есть под ним что-нибудь или нет? Наверное, нет...

А ведь я хочу ее, понял Кирилл. Просто-напросто хочу...

— Придешь?

Странно... Полное впечатление — то, что предстоит вечером (*если вообще предстоит...*) для Клавы гораздо важнее того, что происходит здесь и сейчас. Впилась в лицо напряженным взглядом, покусывает губы, не отдавая себе в том отчета... Ждет ответа.

Губы влажные, яркие, ни следа помады... И вкус у них, наверное... Если Марина...

Клава все поняла, подалась к нему, и Кирилл едва успел быстро-быстро произнести:

— Приду!

Они целовались страстно, самозабвенно, и она без глупого жеманства не мешала его рукам делать всё, что хочется, а хотелось много, очень много, и коротенький ситцевый подол ничему бы не помешал, но Клава на миг отстранилась, решительно и быстро сняла платье через голову, и тут же откинулась на спину, на траву, увлекая Кирилла за собой...

Под платьем и в самом деле ничего не оказалось...

Из нижнего белья, разумеется.

2

— Ты приходи... вечером... Не забудь... Обязательно приходи... — голос Клавы звучал несколько прерывисто, дыхание до конца не восстановилось.

Понравилось? Ему, если честно, тоже... Еще как понравилось... Без Марининых изысков, но... как бы лучше сказать... **по-настоящему.**

Девушка, застеснявшись взгляда Кирилла, устремленного на ее бюст (хотя теперь-то уж чего...), — села вполоборота, чуть отвернувшись, подтянула колени, обхватила их руками, прижимая к груди...

Он смотрел на ее спину: там едва заметными красноватыми полосками отпечатались стебли травы, и прилип зеленый листок, наверное, тот, что она сорвала с ветки, сооружая свою импровизированную карту, — и эти отпечатки, и этот листок показались Кириллу такими трогательными, что захотелось обнять, прижаться, шептать на ухо что-то ласковое, что-то абсолютно бессмысленное и в то же время наполненное глубоким смыслом...

Если Марина...

Клава не совсем верно истолковала значение его взгляда, спросила тихо-тихо:

— Хочешь, я распущу волосы? — И, не дожидаясь ответа, подняла руки, выдернула шпильки, — до сих пор ее роскошная коса была уложена на затылке венцом, чуть сбившимся, чуть расстрепавшимся...

Трогательный зеленый листок исчез под упавшей соломенно-рыжей волной, но Кирилл все равно подсел поближе, и обнял, и прижался, и шептал: ласковое, бессмысленное... — но на-

полненное глубоким смыслом, понятным лишь двоим во всей бескрайней Вселенной.

Потом они вновь целовались — так, словно ничего еще между ними не было, словно всё еще предстояло...

Потом...

Потом наваждение кончилось — то ли оттого, что Кирилл украдкой посмотрел на часы, то ли оттого, что в кустах неподалеку легонько зашуршала какая-то лесная зверушка, не то ежик, не то кто-то еще столь же мелкий...

Клава, тем не менее, бросила на кусты испуганный взгляд, поднялась на ноги. Платьице — скомканное, отброшенное — лежало неподалеку, и девушка торопливо натянула его... Кирилл вздохнул, провожая взглядом то, что исчезло под застиранным ситцем.

Затем, делать нечего, привел и себя в порядок, — подтянул джинсы да застегнул молнию.

Она опустилась рядом на колени, осторожно коснулась его щеки (Кирилл непонятно отчего смутился: ну да, щетина, ну да, двухдневная, — решил, что в Загривье можно пренебречь опостылевшим ежеутренним ритуалом). Клаву его небритость не отпугнула, и она произнесла задумчиво:

— Ты красивый...

Он смутился еще больше (Марина никогда не расточала похвал внешности мужа), хотел сделать какой-нибудь ответный комплимент, но искренний и не банальный в голову не приходил, и Кирилл так ничего и не сказал, она заговорила сама — быстро, жарко, сбивчиво: забери меня отсюда, забери, она же тебя не любит, я ведь все видела, может и любила когда, но не теперь, забери, все исполню, что ни попросишь, рабой твоей буду, словом не попрекну никогда, что ни сделаешь, только забери, только увези, увези подальше, нельзя тут жить, и нигде так не живут, душно здесь, дышать нечем, я уж привыкла было, а тут ты... глянул, влюбил, — как петля с горла, снова не смогу,

не вынесу, забери, увези, христом-богом прошу, твоей буду, пока не погонишь, на мужика чужого не взгляну, детей рожу, сколько захочешь; скажешь, дома сидеть буду, скажешь — работать пойду, только увези...

Кирилл слушал, и отчего-то верил, верил каждому слову, и когда Клава замолчала, представил на мгновение, что все так и есть: он возвращается с работы поздно вечером, и ему не надо опасливо думать, поверит ли жена чистой правде о навалившихся под конец рабочего дня делах, потому что он знает, что дома женщина, которая верит, любит и ждет, любит его одного, и любит **по-настоящему**, без всяких оговорок, без всяких психологических вывертов, без садомазоштучек... И в кроватках посапывают дети. Их дети.

А самое главное — он будет в доме хозяином.

Хозяином. В доме. Он. В своем.

Все, что Кирилл успел представить за недолгие секунды после сбивчивой речи Клавы, ему понравилось...

— Забери меня... — сказала Клава тихо, с какой-то грустной безнадежностью, словно страстно желала поверить, что он согласится, — но ни на секунду не верила. Глаза ее поблескивали, наполнялись слезами.

Надо ответить, надо произнести одно слово... Коротенькое, маленькое, всего две буквы: «д» и «а»... И все в его жизни пойдет по-другому.

— Я дура, да?

— Все очень сложно... — промямлил Кирилл.

— Я дура... — повторила Клава жалобно. Не спросила. Констатировала факт.

И заплакала.

3

Время поджимало... Марина вполне могла уже проснуться и озадачиться вопросом: а где, собственно, ее муж? И чем занимается?

Но Кирилл все равно пошел с гривы кружным путем, через всю деревню. Надо немного остыть, проветриться... Казалось, что стоит лишь Маринке всмотреться в его сияющее лицо, подозрительно втянуть носом воздух (хотя никакой сильно пахнущей парфюмерией Клава не пользовалась), — и она поймет всё.

Я ничего о ней не знаю, размышлял Кирилл, шагая длинной загривской улицей (*не о жене размышлял, естественно*). Ничего, кроме одного: хочется быть рядом — и сейчас, и вообще... Возвращаться же в дом с высоченным крыльцом — не хочется. Неужели это та самая знаменитая «любовь с первого взгляда»?

А может быть, все гораздо проще? — спросил он себя в приступе внезапного скептицизма. Может, дело в том, что у тебя не осталось уже сил находиться рядом с Мариной? И Клава здесь не при чем, на ее месте с тем же успехом могла оказаться любая другая, проявившая минимальную инициативу?

Сам он, пожалуй, после шести лет брака способность к каким-либо инициативам утерял начисто.

Что, если всё обстоит именно так?

Он не знал...

Если Марина... Если Марина не беременна... — Кирилл так и не закончил эту свою мысль.

Остановился, чуть не доходя до магазина, — того самого, рядом с которым завершилась их вечерняя прогулка.

На куче бревен сидела личность — понурая и небритая. По виду — типичный алкаш, ожидающийся заветного часа. Вас удивило вчера отсутствие ханыг, Кирилл Владимирович? — получите и распишитесь.

Он вдруг вспомнил, что собирался навести справки у местных: нет ли еще каких наследников у дома, принадлежавшего покойному Викентию? — да так и не навел.

С тех пор многое изменилось, и многое обрело новый смысл. Он таки расспросит — этого алкаша, сейчас. Если ханыга ничего вразумительного не изречет, тем лучше. Кирилл истолкует пьяное бормотание в желательном для себя смысле. Если же окажется достаточно адекватен и опровергнет наличие левых наследников, тогда...

Тогда...

Тогда он соврет Маринке, черт побери! Он столько лет боялся да! да! **боялся!** лгать ей, что она поверит, обязательно поверит, не сумеет отличить правду от лжи...

Впрочем, что загадывать наперед. Возможно, ничего сочинять и не придется, может, с домом и впрямь не всё чисто, и они уедут из Загривья, отказавшись от покупки, Марина навсегда, а он... Он должен все-таки написать книгу про дивизион-призрак, и будет иногда выезжать сюда, на гриву, как когда-то на Карельский, — с палаткой и металлоискателем...

А в палатку будет приходить Клава. И всё ты затеваешь лишь для этого, — вклинился во внутренний монолог насмешливый голос здравого смысла.

Ну... да... Да! Ну и что?!

Он осторожно присел на бревна рядом с небритой личностью.

— В десять отопрут, сучары... — медленно и уныло сказала личность словно бы и не Кириллу, словно бы адресуя свою тоску в мировое пространство, всей желающей посочувствовать

вать галактике. — В десять... Сталбыть, цельных восемь часов во рту ни капли... Сдохну.

Ни капли?? Хм...

Ну, значит, судя по амбре, доносящемуся от этого индивида, некогда он работал сцепщиком на узловой станции, и обнаружил бесхозную цистерну спирта, утерянную в следствии извечного российского разгильдяйства, и возликовал, и залез на нее с ведром, и провалился в люк, но не утонул, а упрямо плавал и пил, пил и плавал, пока цистерна не показала дно, а вода, из которой, как известно, на семьдесят процентов состоит любой человек, — не заменилась в данном отдельно взятом человеке целиком и полностью на этиловый спирт. Так он с тех пор и живет. Тем он с тех пор и пахнет.

У ног личности прикорнула маленькая кудлатая собачонка — и, казалось, тоже мучалась жесточайшим похмельем.

На вопрос о прочих родственниках Викентия — кроме живущего в Сланцах Николая — личность отреагировала так:

— **Гы-ы... Глупый ты... Глу-пый. Молодой потому как... Тут чужих нас-лед-ни-ков не бывает. И не будет. Понял, нет? Вот и говорю — глупый... Свои тут все. Сво-и. Понял? И Никола сланцевский свой, хоть и живет на отшибе. Понял?**

Кирилл смотрел на него с изумлением. Дух, как из винной бочки — но ни язык, ни мысли не заплетаются... И во взгляде ни следа пьяненькой мутности.

— И чужих тут не будет, понял? Не будет. И тебя, гы-ы, не будет... Разве тока своим станешь... Ты вот... — тут алкаш (алкаш ли?) прервался, наклонился к собачонке, отцепил запутавшийся в шерсти репей; жучка отреагировала индифферентно.

Продолжил:

— Ты вот Клавке Старицыной мозги замутил, так? Ну и бери ее, и живи, чего по кустам грешить? Своим будешь, понял?.. А кикиморы твоей не боись расфуфыреной, мы своих в обиду не даем...

Как?!

Откуда?!

Нет, можно, наверное, было увидеть, как Клава поспешает за ним на грибу, но...

— Гы-ы... — личность откровенно потешалась над его изумлением. А потом вдруг метнула колючий шарик — прямо в собеседника. Уверенным трезвым движением. Кирилл невольно опустил взгляд — и увидел на джинсах, между молнией и прицепившемся репьем, липкое пятно... Черт...

— Гы-ы-ы-ы... — лжеалкаш ржал уже в полный голос, глядя, как Кирилл лихорадочно счищает носовым платком предательскую улику. Не репей, понятное дело.

Ничего он не пил, окончательно уверился Кирилл. То-то алкогольный запах такой свежий, не перегоревший. Прополоскал рот да пролил на одежду... И не открытия магазина ждал здесь, на бревнах, — его, Кирилла. Чтобы сказать то, что сказал.

Но, как выяснилось, сказал не все, что хотел. Отгоготал своё и продолжил задушевно:

— Ты вот за деньгой гонишься... Гонишься, не перечь, да и не грех молодому-то... Думаешь, в городе деньги? Гы-ы-ы... Здесь она, деньги-то... — эти слова личность сопроводила двойным жестом — сначала хлопнула по своему засаленному ватнику с обрезанными рукавами, затем показала куда-то в сторону грибы. — Понял, нет? Глу-пый...

Личность сунула руку за пазуху и небрежным жестом вынула здоровенный скомканый ворох купюр, самых разных: и червонцы, и полтинники, и сотни... Кириллглядел и несколько пятихаток, и пару тысячных...

— Теперь понял? На болоте деньги-то лежит, тока взять сумей... Ты вот с машиной — покатай-ка по другим деревням, глянь, как там нонче... С десяток старух в лучшем разе копейки с пенсии до пенсии считает, старииков своих схоронивши, — а

молодые тю-тю... А у нас, глянь-ка! Как люди живем, понял, нет?

Да что же скрывается там, в непроходимых трясинах Сычего Мха? Кимберлитовая трубка? Ну-ну, и личности в засаленных ватниках с обрезанными рукавами втихую добывают из нее алмазы... Бред.

Денежный ком исчез там, откуда появился. Одна сотенная выпала, прокружила в воздухе по замысловатой траектории, упала возле собачьей лапы. Владелица лапы этот факт проигнорировала. Равно как и личность...

Да что же столь ценное может оказаться на здешнем болоте? Кроме торфа, клюквы и мха? Болотный туф? Кирилл краем уха слышал, что этот мягкий и ноздреватый декоративный камень вновь вошел в последнее время в большую моду, но понятия не имел, насколько редки его месторождения и какие барыши может принести их нелегальная разработка...

А затем понял, что не стоит ломать голову. Он вновь, не заметив, шагнул за тонкую, невидимую грань, отделяющую кошмар от реальности... Взбесившиеся часы — смешная ерунда; воронка, полная раздробленных костей, — пустяк и мелочь... На сей раз встретился сам дьявол. Дьявол-искуситель в ватнике с обрезанными рукавами. И с набитым деньгами карманом. Ткните пальчиком в прайс-лист, Кирилл Владимирович, сколько стоит ваша бессмертная душенька?

— П-послушайте... — начал он, вставая с бревен, начал, не зная толком, что хочет сказать, пытаясь как-то найти, нащупать путь обратно, в нормальный реальный мир.

— Ут-томил... — сказала личность абсолютно пьяным голосом. И демонстративно икнула. — Домой... ик... иди... Ду-у-умай...

— Но...

Личность смачно харкнула и затянула дурашливым пропитым голосом:

*Я мила-а-а-а-а-ю
Узна-а-а-а-а-й-й-й-й- у-у-у
Да п а п а х о — о-о дки-и-и-и-и...*

Кирилл медленно пятился, задом отступая от бревен. Глупо поворачиваться спиной к дьяволу...

Потом все-таки развернулся и быстро пошел, чуть ли не побежал, по пустынной деревенской улице... Следом летели слова дурацкой песни. Почему никого не видно? Ведь еще три часа назад народу хватало...

Почему, почему... Угодив в кошмар, не задавай глупых вопросов. Лучше подумай, где на этот раз проснешься...

Он не проснулся. Так и дошагал до дома с высоченным крыльцом. Шестнадцать ступеней громко скрипели под ногами — каждая своим особенным звуком. Странно, ни вчера, ни сегодня Кирилл этого не заметил...

Отчаянно хотелось выпить водки.

Много.

Выпить и провалиться в черную бездонную яму сна без сновидений.

Триада двенадцатая

Наглядная демонстрация к демографической проблеме

1

Марине приспичило перед обедом искупаться.

Свое желание она мотивировала незатейливо: надо же разведать, есть ли в округе подходящие водоемы — скоро наступит удушливая июльская жара, и знание это не раз пригодится.

Кирилл вздохнул, поплелся к машине за картой-километровкой. Ему лично уже ничего не хотелось. Вообще. Даже лечь и спать, несмотря на дремотное отупение, не хотелось. Дома спопит, двух последних экспериментов более чем достаточно... Не так давно у него мелькнула обнадеживающая догадка: может, мрачная здешняя аура целиком и полностью им выдумана? Марина-то спала в Загривье младенческим сном, и никаких кошмаров не видела. Что за странная избирательность? Все может оказаться гораздо проще: причиной мерзких сновидений стала травма головы. Удар о ветровое стекло. Мозг — штука тонкая, к внешним воздействиям чувствительная... Вот рассосется шишка на голове, и все закончится, и будет он ездить сюда спокойно, облазает всю гриву, не шарахаясь от каждой тени и шороха, и напишет книгу, увлекательную, сенсационную, и...

Сам-то веришь? — спросил он у себя. И побоялся себе ответить.

— Кирюси-и-и-и-к! Ты не забыл, за чем пошел?!

Тьфу ты... Он понял, что стоит возле «пятерки» с ключами в руках, и в самом деле позабыв, куда и зачем направлялся.

— Ну как? — спросила Марина, когда Кирилл вернулся в дом с картой в руках. — Красивая у тебя жена?

И приняла особо эффектную позу. Вот оно что... Ларчик просто открывался. Новый купальник... А то: разведать водоемы, июльская жара...

— Бесподобная! — сказал он. И подумал про Клаву.

А ведь это первая его измена за шесть лет супружества. Если, конечно, не считать того, что произошло между ним и Калишой...

...Потом он не мог вспомнить, зачем пошел тогда в ванную комнату, да и неважно... Калиша зашла следом, он удивленно обернулся. Она положила Кириллу руки на плечи, уставилась своими темными, птичьими глазами — как бы **сквозь** него, куда-то далеко-далеко, произнесла со значением:

«**Ты — черный кшатрий!**», и тут же опустилась на колени.

Кшатрий - представители второй по значимости (после брахманов) варны древнеиндийского общества, состоящей из владетельных воинов. Из этой варны в Древней Индии обычно выбирались раджи.

Расстегивала его ремень и молнию на брюках спокойно, деловито, без малейшего стеснения, без попытки что-то еще объяснить, — словно именно так и надлежало поступать с кшатриями. Особенно с черными. Чуть позже он, опустив глаза, смотрел на ее мерно двигающуюся взад-вперед голову, и чувствовал себя не то чтобы полным дураком, — но идолом, истуканом, используемым для совершения неведомого ритуала. Что, впрочем, не помешало ритуалу закончиться вполне предсказуемо, — и лишь тогда Кирилл вспомнил, что они даже не заперли дверь на задвижку...

— Так мы едем купаться? — спросила Марина. Спросила неприятным, капризным голосом... или так лишь показалось Кириллу.

— Некуда ехать, — сказал он после изучения карты. — Пешком быстрее.

И в самом деле, до берега Луги по прямой не более десятка километров, но дороги туда нет — придется дальним объездом огибать Сычий Мох, выруливать на Гдовское шоссе, катить по нему пятнадцать верст в сторону Кингисеппа, вновь поворачивать на восток... Не вариант.

Есть неподалеку два озерца, но добираться к ним надо через трясины... Опять мимо.

И лишь на синей ниточке, изображающей речушку со смешным названием Рыбёшка, Кириллглядел значок, коим топографы обозначают плотины и дамбы. Невдалеке, не больше пары километров, дороги нет, но какая-никакая тропа отыщется... Полчаса ходьбы, отчего бы и не прогуляться.

И они пошли не то к плотине, не то к дамбе.

Но по пути угодили на местное кладбище, никак на карте не обозначенное...

2

Кладбище располагалось в достаточно обширной низине. И открылось взгляду вдруг, все разом, едва дорожка — ведущая, как полагал Кирилл, к плотине, — перевалила через невысокий холм. Отчего-то деревья здесь не росли (почва, что ли, такая? или специально вырубают?), равно как и высокие густые кустарники, — и погост просматривался целиком, от края до края.

Делать нечего, придется его пересечь — справа и слева какие-то буераки, густо поросшие диким малинником. А их одежда, выбранная для похода на пляж, — коротенький сарафан Марины, шорты и футболка Кирилла — никак к прогулкам сквозь колючие кусты не располагает. Отсюда, с холма, видно: дорожка проходит насквозь и продолжается за кладбищем, — и, хочется надеяться, все-таки выводит к речке.

Кирилл не помнил, доводилось ли ему бывать в таких вот деревенских местах вечного упокоения. Может быть, в детстве, на похоронах дальних родственников... Не помнил. Но мельком, из окна проезжающей мимо машины, или электрички, или автобуса, — видел не раз... Достаточно, чтобы сообразить: что-то с этим погостом не так...

Во-первых, очень уж велик...

Он прикинул на глаз протяженность кладбища, сравнил с размерами обнесенных низенькими оградками участков... Грубо говоря, в глубину участков поместится сотня, в ширину — сотни полторы, перемножить... Однако... Как ни округляй в меньшую сторону, как ни делай скидки на проходы между могилами, на пустующие участки, — тысяч десять тут похоронено.

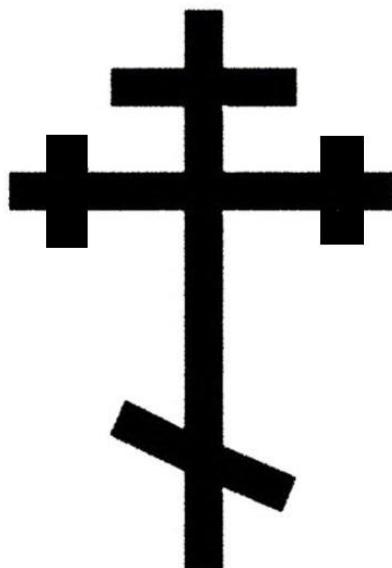
Ого... Пожалуй, Рябцев, говоря о двадцати тысячах мертвевцов, — приуменьшил цифру. Если, конечно, неподалеку и в самом деле полегла целая дивизия.

А в Загривье, навскидку, — нет и сотни домов. Ладно, пусть сотня — со всеми заколоченными, со всеми сгоревшими — жили когда-то люди, значит, и умирали... Допустим, в самые лучшие времена — в среднем пять человек на дом. Итого пятьсот. Замечательно. Поколения сменяются с периодичностью в двадцать пять лет... За век никак больше двух тысяч потенциальных покойников не набирается... А дальше ста лет, как ни прискорбно, такие могилки не сохраняются, приходят в запустение, исчезают... Явная нестыковка в цифрах.

Впрочем, Кирилл готов был допустить, что глазомер у него отвратительный, и с размерами погоста он безбожно ошибся. Или что здесь хоронили своих мертвевцов жители соседних, канувших в войну деревень, — маловероятно, но вдруг. Или что загривцы (*или загривчане?*) проявляют небывалую заботу о могилках умерших много поколений назад предков...

Пусть так.

Но вторую странность кладбища это никак не объясняет — невероятное однообразие могил. Ни единого могильного камня или памятника, пусть самого захудалого. Ни единой сваренной из листового железа пирамидки со звездой на вершине. Кресты, кресты, кресты, кресты... Все, как один, деревянные. Не совсем идентичные, несколько разнятся габаритами, толщиной дерева. Но явно выполнены по одному типовому проекту: большая поперечная перекладина, выше и ниже — две меньших, причем нижняя наклонная. Вроде бы так и должно быть. Но зачем на концах той, большой, — приколочены еще две поперечных палки? Есть ли такой вид креста в православных канонах? Кирилл не знал...

Они подошли ближе, к самой внешней ограде погоста, и Кирилл на время перестал размышлять о кладбищенских странностях.

На кладбище были люди.

Много людей.

Мужчины, женщины, даже подростки хлопотали на могилах, — все в строгих темных одеждах. Черт, да здесь почти все нынешнее население Загривья! Вот он какой, родительский день...

Ему стало неимоверно стыдно — за цветастый сарафан Марину, за свою яркую футболку...

— Может, не стоит? — негромко сказал Кирилл. — Тут — так вот...

Получилось не слишком внятно, но она поняла.

— Ничего, мы быстренько пройдем, не будем отсвечивать.

Что-то объяснять и к чему-то апеллировать бесполезно...

Кирилл прикусил губу. Прав, прав был Рябцев — прогнать не прогонят, но посмотрят косо. Еще как косо...

А вот, кстати, и он... Легок на помине. Стоит неподалеку от входа, и о чем-то говорит с другим знакомым персонажем — с Трофимом Лихоедовым. Кириллу показалось, что односельчане о чем-то спорят, — причем, судя по экспрессивным жестам Трофима, на повышенных тонах.

Но едва они с Мариной оказались среди могил, спор прекратился. Кирилл издалека кивнул обоим — Трофим осклабился, помахал рукой. Рябцев никак на приветствие не ответил. Более того, подойдя ближе, Кирилл разглядел: смотрит Петр Иванович на них неприязненно... И с некоей досадой — будто именно несвоевременное появление приезжей парочки помешало одержать победу в каком-то важном споре...

На Марину тоже произвело впечатление соотношение числа мертвцевов к числу живущих в Загривье. Сказала тихонько:

— Мамочки, сколько ж их тут лежит... Страшный праздник какой-то...

Кирилл решил не усугублять ее настрой, озвучивая свои арифметические выкладки. Сказал тоже тихо, но преувеличенно бодрым тоном:

— А что бы ты хотела? Мертвых всегда больше, чем живых. Потому что живые постоянно мрут, а мертвые никогда не воскресают. И вот тебе иллюстрация к этому демографическому факту.

Они шли через кладбище, и Кириллу казалось, что все присутствующие — искоса, не демонстративно — смотрят на них. Осуждающие. Неприятное чувство — примерно как невзначай очутиться голышом в самом центре Красной площади...

Но что уж теперь... Остается одно — побыстрее уйти и не мешать людям заниматься делом.

А занимались загривцы одним и тем же... Не прибирались на могилках — все и без того на диво ухоженные. Нет, раскладывали что-то на маленьких столиках, имевшихся возле каждого креста. И не пропускали ни одного... Ни одного.

Кирилл пригляделся к ближайшим: везде один и тот же натюрморт — пластиковый одноразовый стаканчик и маленький бутербродик, не то с колбасой, не то с ветчиной, отсюда не разглядеть.

Причем налита в стаканы не водка, как обычно принято в таких случаях к вяющей радости пасущихся при кладбищах ханыг. Густая темная жидкость... Неужели сок? Точно, томатный сок... Хм-м-м... К этому напитку после происшествия на лесной дороге Кирилл испытывал явное предубеждение.

— Кира, ты посмотри... — свистящим шепотом сказала вдруг Марина, когда они преодолели половину пути через кладбище.

Он посмотрел и ничего не понял. Ну, тетка раскладывает на могиле все тот же стандартный набор, наливает сок из большой оплетенной бутыли, когда-то очень давно завозили в таких вино из Болгарии... Не повод, чтобы щипать мужа за руку, синяк же останется...

— Да смотри же!! — повторила она зло, досадливо. Шагнула назад, с силой пригнула его голову — примерно туда, откуда только что смотрела сама.

Лишь тогда он увидел...

Внутри могильной оградки стояла высокая сумка, — очевидно, с бутербродно-томатными припасами. И, так уж получилось, закрывала нижнюю часть креста. А верхняя... да, никаких сомнений: в этом ракурсе — самая настоящая свастика!

Кирилл сделал шаг с сторону — впечатление тут же разрушилось, крест как крест, немного необычной формы... Он вспомнил книжку со странными картинками, подаренную ему в детстве, — вроде бы на листе лишь хаотичное скопище цветных пятнышек, но стоит взглянуться, настроить глаз нужным образом — проступает рисунок...

И его глаз, спасибо Марине, **настроился**. Кирилл медленно-медленно поворачивался вокруг себя, только сейчас осознав третью странность кладбища: бесконечные кресты никак не

ориентированы по сторонам света, развернуты каждый по-своему, абсолютно бессистемно...

Бессистемно, да не совсем — в каком направлении ни посмотри, перед глазами хотя бы одна свастика. А то и две-три... Сместишь взгляд на несколько градусов — те свастики исчезают, но словно бы из ниоткуда возникают новые...

Марина головой по сторонам не вертела. Шагнула к ближайшей могилке, внимательно изучила бутерброд и стаканчик... Вернулась и произнесла убитым голосом:

— Кира... Это не ветчина... Мясо... СЫРОЕ мясо... А сок — не сок... Пойдем отсюда скорее!

Кирилл не спросил: «**не сок — а что?**», сам догадался...

Он говорил, не понимая, кого больше хочет успокоить, жену или самого себя:

— Ну, раз только что забой свиней был, не пропадать же добру... Могил-то сколько, никакой водки и колбасы не напасешься...

Марина, кажется, не слышала его слов, и все больше ускоряла шаг.

К выходу с кладбища они почти бежали.

3

Похоже, шли они уже не к речке... Куда глядят глаза, куда несут ноги, куда ведет тропинка. Лишь бы подальше от кладбища.

— Они психи, Кира, — горячо говорила Марина. — Самые сумасшедшие психи. Они свихнулись среди двадцати тысяч трупов, понимаешь? **СВИХ-НУ-ЛИСЬ**. Они поминают родителей кровью и сырым мясом среди фашистских крестов, а потом устраивают танцы поддискую музыку... Они складывают свои зубы в коробочки... Они делают отбивные из крыс... А может, не только из крыс... Ты уверен, что мы ели вчера свинину!? **УВЕРЕН?!**

Она почти кричала...

Какие зубы? Какая музыка? — Кирилл ничего не понял, попросил объяснить. Попросил намеренно спокойным, ровным тоном. Марина рассказала про свои находки в старом доме — с теми же истеричными нотками.

Марина и истерика... Чудеса. Как ни странно, сам Кирилл отнесся к происшествию на погoste с неким злорадным удовлетворением: ага! Вот и тебя проняло, дорогая! После встречи с дьяволом глупо бояться налитой в одноразовые стаканчики свиной крови. Свиной, Марина Викторовна, свиной, — мадам Брошкина, чья голова лежит сейчас в холодильнике «Самарканда», принадлежала к семейству парнокопытных, невзирая на несколько неординарную для означенного семейства кличу. И не надо намекать, что мы ели отбивные не из свинины...

Но складывается все удачно: супруга в таком состоянии, что с радостью, без малейшего сомнения воспримет любую ложь Кирилла. Ухватится за предлог, позволяющий отказаться от покупки...

Лгать не потребовалось.

— Мы не будем здесь жить, Кира, — сказала Марина тоном, исключающим какую-либо дискуссию. — Я, по крайней мере, точно не буду.

Она замолчала, и молчала почти до самого берега речки Рыбёшки.

* * *

...Обозначенная на карте плотина на деле оказалась деревянно-земляной запрудой давным-давно разрушенной водяной мельницы. Запруда тоже пребывала не в лучшем виде — Рыбёшка беспрепятственно протекала сквозь огромную прореху, никакой более-менее приличной акватории выше по течению не наблюдалось: бывшее дно бывшего мельничного пруда заросло кустарником и осокой...

И все же они нашли, где искупаться. Отправились обратно другой дорогой, по берегу в обход кладбища, — и совершенно случайно натолкнулись на мини-пляжик: небольшая самодельная плотинка, выложенная из камня-плитняка, подпирала воду в круглом омутке не более десятка метров в диаметре. Песчаное дно, песчаный откос берега, следы костерка, чуть в стороне — аккуратно сложенная кучка пустых пивных бутылок, с дерева на другом берегу свешивается «тарзанка»... Обжитое, в общем, местечко.

Марина к тому времени несколько оправилась от впечатлений, полученных на погoste: постепенно начала отвечать на реплики пытающегося разговорить ее Кирилла, сначала мрачно, односложно, потом все более оживленно, даже пошутила пару раз... На лицо вернулся румянец.

Но, видимо, купаться ей расхотелось — снимала сарафан без малейшего энтузиазма. Однако сняла — принятые один раз решения она пересматривала лишь при исключительных обстоятельствах. Как в вопросе покупки дома, например.

Место красивое... А Марина в новом купальнике выглядит как топ-модель на рекламной картинке... Плавки-стринги ярчайшей расцветки (Кирилл не знал, можно ли называть плавки стрингами, но какая разница) — плавки лишь приковывают внимание к тому, что им теоретически надлежит скрывать. С бюстгальтером та же история — прикрывает несколько большую площадь тела, но настолько тонок и эластичен, что...

...Что ни малейшего возбуждения Кирилл не почувствовал, глядя на рельефно проступающие сквозь невесомую ткань соски. Вместо этого вдруг здимо представил Клаву: как она скидывает свое нелепое ситцевое платьице, а под ним опять ничего, — и бежит к воде, и бросается в нее, вздымая бриллиантовые фонтаны брызг, и смеется **настоящим** смехом, — а следом он, Кирилл, хохоча во все горло, — и ему хорошо.

Марина спустилась по невысокому и пологому песчаному откосику, вытянула ногу, осторожно коснулась воды...

Если она не беременна, то... — подумал он, глядя на осиную талию супруги. И наконец-таки закончил мысль, давно вертевшуюся в голове, закончил с испугавшей самого решимостью: **то я с ней разведусь.**

Ну что же, слово сказано... Пусть и мысленно.

Мгновения решимости длились недолго. Оборвал их внутренний голос, столь похожий на Маринин.

А если беременна? — ехидно спросила Марина-в-голове, и Кирилл не нашелся с ответом...

— Кирю-у-у-унчик!

Ага, раз Кирюнчик вместо Киры или Кирюши — благоверная снова в прежней боевой форме, определить ее настрой по обращению к мужу легче легкого...

— Ты чего? Вдруг на меня нападет зеленый злой крокодил? Давай скорее в воду!

Кириллу было все равно. Крокодил так крокодил. Зеленый так зеленый. Но проще окунуться, чем объяснять, почему да отчего не хочется. Снимая джинсы, он нащупал в кармане какой-то небольшой предмет, удивленно достал...

На ладони лежал...

На ладони лежал зеленый...

Ох, да полно вам, откуда ж крокодилы в наших широтах, тем более в карманах... Да и не такой уж зеленый — позеленевший, окислившийся.

...патрон от русской трехлинейки, много-много лет назад давшей осечку, — капсюль пробит, но пуля на месте.

Патрон из пригрезившегося кошмара.

Ключ четвёртый

Не ведает душа, где расстанется с телом

Триада тринадцатая

Изучайте матчасть, господа кадеты, в жизни пригодится

1

Трофим Лихоедов уже успел вернуться с кладбища.

— Так это... ключи, значит, обратно возвернуть? — спросил он, и ощерил свои гнилые зубы в ехидной улыбке.

Вернее сказать, ехидной она показалась Кириллу, которому сейчас было не до смеха.

— Пока еще нет... У нас проблема, машина не заводится. Есть тут у вас кто-нибудь, кто разбирается в двигателях?

Да, все именно так и произошло. Вернувшись с речки, они быстренько пообедали остатками вчерашнего роскошного ужина. Снесли в машину заранее собранные вещи, благо было их чуть, достали из «Самарканда» и угожили в багажник голову мадам Брошкиной, заперли все замки... А «пятерка» не завелась.

За рулем сидел Кирилл, и Марина смотрела на его действия подозрительно, словно собиралась изобличить в тайном саботаже и злостном вредительстве. Потом не выдержала, сама уселилась на водительское место. Эффект от рокировки оказался нулевым: стартер исправно крутился, но двигатель, как говорят в таких случаях, даже не схватывался. Ни чихнул, ни фыркнул...

Марина прекратила свои попытки, сообразив, что сейчас окончательно разрядит аккумулятор, и на этом все закончится. Сидела, зло поглядывая на мужа: вот, дескать, загубила лучшие

годы жизни, связавшись с уродом, ничего не понимающим в двигателях внутреннего сгорания, — за что теперь и расплачивается...

Ну да, не понимал... Невозможно знать всё на свете. Да и прошли совковские времена, когда уважающий себя мужчина воленс-ноленс должен был уметь всё: сменить прокладку в кране и починить утюг, остеклить окно и прочистить засорившийся карбюратор. Ныне, по счастью, появилось достаточно возможностей зарабатывать хорошие деньги, и приглашать для решения каждой конкретной проблемы специалистов-профессионалов.

К сожалению, Загривье не город, где автосервисы на каждом шагу — плюнь с закрытыми глазами, и не промахнешься.

Но кто же ожидал такого поворота событий? Новенькая машина, по мнению Кирилла, никак не должна была вдруг, без всяких предшествующих симптомов, взять да и сломаться. Однако вот взяла и сломалась...

— Может быть, ты все-таки что-нибудь сделаешь? — осведомилась Марина неприятным голосом.

И Кирилл поплелся что-нибудь делать. К дому Лихоедовых.

Вникнув в суть проблемы, Трофим пояснил: ремонтников-самоучек в Загривье полно. Да хоть его взять, к примеру: мотороллер надысь поломался, так что? — стукнул три раза кувалдой, и готово. А в городе сколько б за такой ремонт слушили? То-то и оно. Пошли, глянем, что у вас там. Кирилл осторожно осведомился: а профессиональных мастеров нет? Перспектива починки новой машины с помощью лихоедовской кувалды как-то не вдохновляла. Трофим не стал артаться и настаивать на своей кандидатуре: есть и такие, чего б не быть... Вернее, один такой, — Толян Форносов, чуть не двадцать лет отпахавший автослесарем при гараже совхоза, а затем и АО. Починит все, что хоть теоретически способно ездить. Что не способно — починит тоже, но возьмет подороже. Друганы, опять

же, они с Толяном — не откажется и в выходной помочь. Устроит?

Пошли за Толяном. Шагать пришлось через половину Загривья — и впустую. Толян, как выяснилось, праздновал родительский день, — у свояка, на другом конце деревни. Пошли туда...

Опасения Кирилла, что хорошенъко напраздновавшийся загривский Левша окажется не в состоянии отличить ключ от отвертки, не оправдались. Нет, конечно, принял на грудь Толян уже немало, но оставался вполне дееспособен. Сказывалась полученная в гараже пролетарская закалка, не иначе.

Беда в другом: от выпитого Толян Форносов преисполнился беспричинной веселости и любви ко всем на свете. И при появлении на горизонте Кирилла и Трофима попытался ту любовь немедленно реализовать. Как именно? А вот попробуйте-ка догадаться... Ну да, совершенно верно, — путем вливания в других гостей напитков домашнего производства и повышенной градусности...

Лихоедов, не чинясь, опрокинул стаканчик. Кирилл поначалу отнекивался: Маринка наверняка уже осатанела от долгого ожидания, учует, — мало не покажется. Затем сообразил: не уважишь Толяна, и он тебя не уважит, со всеми вытекающими последствиями. Глотнул обжигающую жидкость, зажевал маринованным грибочком...

Наконец, уже втроем, потянулись к дому Викентия. Время, после всех хождений и разговоров, близилось к пяти...

Кирилл понял: какое там «**после обеда**», уедут они из Загривья лишь вечером.

В самом лучшем случае...

2

— Трамблер ёк! — разогнувшись, сообщил Толян Форносов.

Судя по тону и улыбке, более радостного события в его долгой карьере автомеханика не случалось.

— Что значит ёк? — переспросил Кирилл.

Он и сам догадывался — в машине что-то «ёк», вопрос в другом: сколько времени займет и сколько будет стоить починка.

— То и значит — ёк! Менять надо! — еще более жизнерадостно поведал Толян. — Нешто еще не ломался? У пятерочки трамблер... хы, одно название. Херня, а не трамблер, вот чего я тебе скажу.

— Нет, первый раз такое... — растерянно произнесла Марина.

— Первый раз — еще не пидарас! — Толян обвел взглядом присутствующих: все ли по достоинству оценили шутку юмора? И расхохотался. Махнул рукой Лихоедову:

— Эх, наливай, Троша! За трамблер, едрёнмать, щоб не ломался, значит! — Прихваченная от свояка бутылочка живительной влаги явно не давала покоя доморощенному Кулибину — еще по дороге сюда дважды пытался настоять на незамедлительном продолжении банкета...

— Подождите, подождите... — сказал Кирилл. — У вас есть этот самый трамблер? Можете его установить? И во сколько обойдется замена?

Он мог бы заподозрить, что Толян бессовестно раздувает масштабы проблемы с целью хорошенько пощипать городских лохов, что на самом деле способность «пятерки» к самостоятельному передвижению можно восстановить путем недолгих манипуляций ключом или отверткой...

Однако не заподозрил. Ни на секунду не усомнился...

Дело в том, что когда они с Мариной пригнали машину на обязательное ТО после первых двух тысяч пробега, в автосервисе им сказали то же самое: ВАЗ-2105 для своей цены модель, в общем-то, неплохая; но ее распределение зажигания — позор для всего вазовского семейства. И умные люди, во избежание непредвиденныхностей, сразу же меняют родной трамблер на аналогичное устройство от «девятки». Впрочем, до холодов может пробегать. А потом все равно приедете сюда, именно с этой проблемой... Хорошо, если не на буксире.

Не пробегала...

— Где ж я тебе его возьму, трамблер-то? — Толян уставился на Кирилла с искренним недоумением, как будто тот пожелал по меньшей мере Луну с неба. — С трактора, штоль, свинчу? Езжай завтра, по утряни, в Сланцы. Привезешь — поставлю, делов-то... Казенной бутылек выкатишь — и поставлю в лучшем виде.

Ситуация... Завтра с утра Кирилл должен быть в офисе, понедельник — день тяжелый, продлить уик-энд еще на сутки ни-

как нельзя. Нет, по большой беде можно, конечно, позвонить начальству со здешнего «Алтая», все объяснить... Но лучше бы обойтись без этого.

— Говорила я тебе... — процедила Марина. — Сразу менять надо было!

А вот это уже наглая инсинация. Ведь что она говорила? — в автосервисах, дескать, те еще стервятники, ради лишней сотни и не такое расскажут... С какой стати заменять не сломавшуюся, новенькую деталь на новеньком автомобиле?

Кирилл не стал восстанавливать историческую справедливость, чего уж теперь...

Гораздо важнее попытаться как-то решить проблему.

3

Проблема им попалась злокозненная — упорно не желала решаться.

Первый вариант, пришедший в голову Кириллу: свинтить бэушный трамблер у кого-нибудь из здешних «жигулистов» (за хорошие деньги или за клятвенное обещание привезти новый), — отпал по техническим причинам. Нет, дескать, здесь ни у кого тольяттинских лошадок... Как нет? А вот так, была старая «семерка» у Вовки Цыгунова, но продал прошлым летом. Это сейчас лафа, а покатайся-ка по нашим проселкам весной да осенью... Другой транспорт нужен.

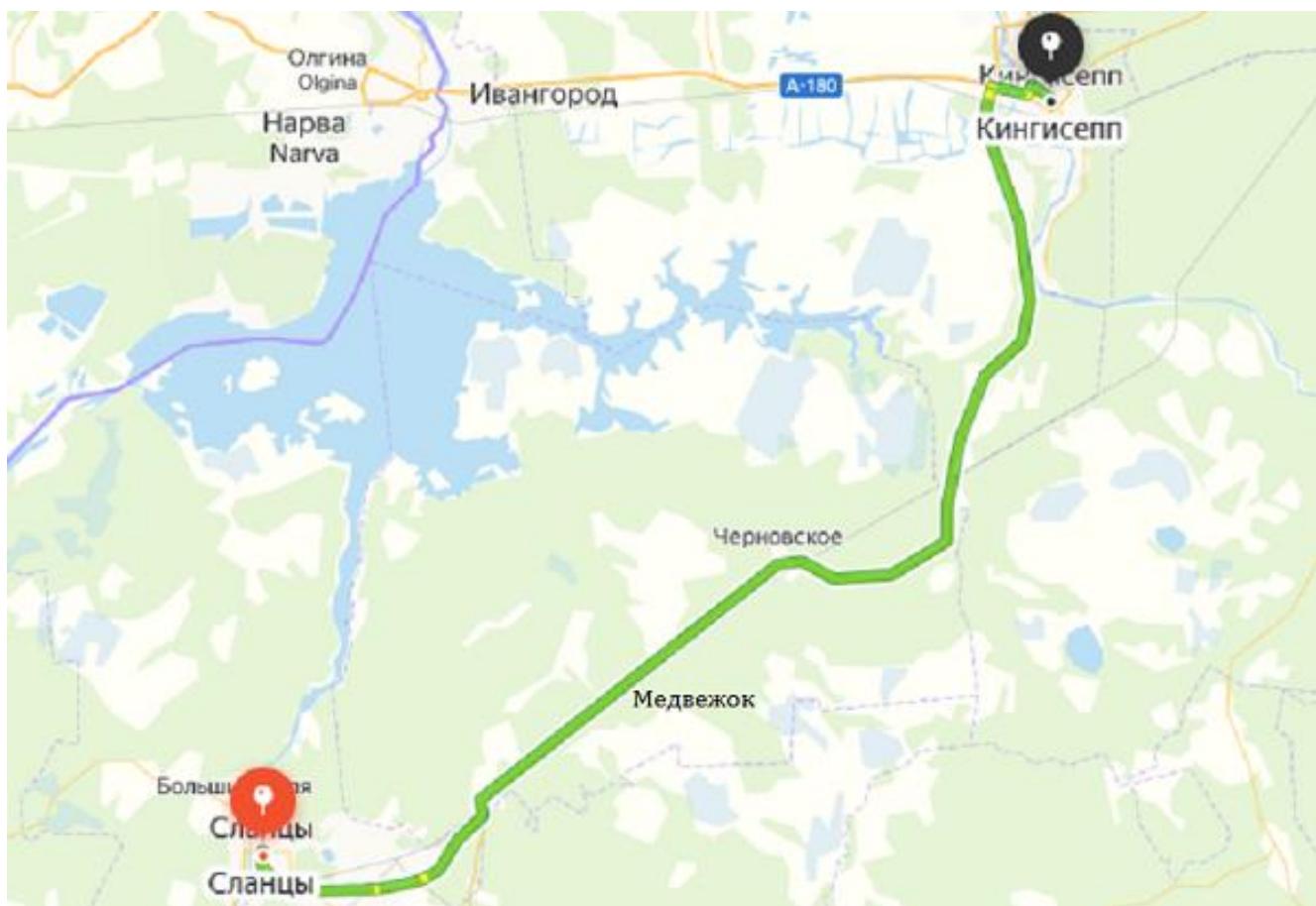
Вариант номер два: использовать пресловутый другой транспорт для доставки их с Мариной в Кингисепп, на автобусную станцию. Не бесплатно, понятное дело.

Кирилл надеялся: авось не раскулачат на запчасти «пятерку», оставленную на пару дней без присмотра...

Тоже не сложилось — но в дело уже вступил сугубо человеческий фактор. Родительский же день, понимать надо! Сколько сейчас за пьяное вождение берут, не напомнишь? Самим за руль, а хозяин рядом? А обратно как? Да и вообще, ты хоть раз за баранку «зилка» или «уазика» держался? Вот то-то... Ладно, так и быть — до Гдовского шоссе. А там уж попутки случаются... Иногда.

Кирилл призадумался... Гдовское шоссе — магистраль далеко не оживленная. Между Сланцами и Кингисеппом — полсотни километров, но всего две деревни: Медвежок да Черновское... А на остальном протяжении — лес, лес, лес... И они будут стоять среди этого леса в сгущающейся темноте, поджиная попутку. Там и субботним-то утром машины не изобиловали... Да и далеко не всякий водитель остановится — в глухих безлюдных

местах инстинкт самосохранения порой сильнее жажды наживы...

В общем, третий вариант, предложенный Толяном, тоже не прокатил...

Лихоедов вообще не понимал, в чем трудность:

— Так ночуйте ж, делов-то... Никола про два дня говорил, да што уж, коли дело такое...

Марина готова была согласиться на еще одну ночь в Загриье. А ее муж — нет. Ну как снова... Он уже настроился спать в Питере, спокойно, без кошмаров. И, отзовав супругу в сторону, Кирилл весьма сильно преувеличил служебные неприятности, грозящие в случае прогула... В конце концов, какая-нибудь машина да остановится.

Вернулся к Толяну и Лихоедову: уговорили, до шоссе так до шоссе.

Однако, как выяснилось, у тех родилась тем временем новая идея, комбинированная: есть, мол, у Толяна друг-приятель в Сланцах, тоже автомеханик, кустарь-одиночка с мотором. У него-то в гараже трамблер точно найдется. Возможно, согласится подвезти потребную запчасть двадцать километров по Гдовскому, до поворота на Загривье, — а туда, как известно, и вечером родительского дня смотаться не грех. Устраивает?

Кирилл выразил сомнение: а будет ли к тому времени Толян способен к трудовой деятельности?

Форносов возмутился: да он, да ему... Да отрубите ему руки, да выколите ему глаза, — он вам вслепую пальцами ног новый трамблер поставит, сколько там ни выпито! Трофим скучо подтвердил: поставит. Мастерство не пропьешь.

Потом они долго дозванивались в Сланцы по лихоедовскому «Алтаю». Дозвонились, договорились, — друг-приятель оказался не прочь зашибить пару лишних сотен, прокатившись до поворота. Плюс цена трамблера, разумеется. Условились о времени randevu: десять вечера, до того у кустаря с мотором обнаружились какие-то неотложные дела...

Со вторым пунктом плана пришлось провозиться дольше: очередь из желающих оторваться от праздничного стола ради поездки к шоссе не выстроилась... Со скрипом уломали Генаху, оставшегося для Кирилла бесфамильным, — того самого рыжего парня, что пропылил на ЗИЛе мимо их «пятерки», сбившей лисицу.

Генаха от возможности заработать ни малейшей радости не выказал и потребовал деньги вперед. Кирилл понял: придется ехать с ним. А то вернется, скажет, что никого не дождался, — и поди проверь, ездил или нет.

Получалось, что из Загривья они выберутся незадолго до полуночи...

Или чуть позже — если Толян слегка переоценивает свое умение ставить пальцами ног трамблеры.

Триада четырнадцатая

Бескорыстные деревенские шутки

1

Гроза, о которой столь уверенно говорила утром Клава, и в самом деле надвигалась на Загривье: с запада наползали плотный строй темных, угрюмо-свинцовых туч.

Стемнело необычайно рано — вчера в это время, около девяти вечера, было еще светло. Ветер стих — деревья стояли безмолвными призраками, ни один листок не шелохнется. Воздух казался пропитанным электричеством. Все живое затихло, притаилось: в ветвях не перекликались птицы, на лугах смолкли бесконечное стрекотанье кузнечиков. Дышалось тяжело...

Близящееся ненастье угнетающе действовало и на рыжего Генаху. А может, он и по жизни был нелюдимым и молчаливым парнем.

Так или иначе, с Кириллом водитель (и, как оказалось, — владелец) старого ЗИЛа общаться не пожелал: попытки завязать разговор проигнорировал, а на пару прямых вопросов ответил маловразумительными междометиями.

Ну и черт с ним... Проделать сорок пять километров туда и сорок пять обратно с угрюмо молчащим спутником — удовольствие маленькое, но как-нибудь уж Кирилл потерпит. Лишь бы добраться до шоссе и получить вожделенный трамблер...

Спиртным от Гены и на самом деле попахивало — не так уж и сильно, опрокинул парень сегодня одну-две рюмки, не больше. Но вел себя как-то нервно: вертел головой во все стороны, бросал тревожные взгляды в зеркало заднего вида, один раз даже

притормозил, несколько секунд напряженно всматривался куда-то вперед, в густеющие сумерки — потом облегченно вздохнул и тронул ЗИЛ с места. Кирилл пожал плечами: он тоже посмотрел туда, но ничего подозрительного не увидел. Возможно, Генаха уже лишился прав по пьянке — и теперь ему, как той пуганой вороне, повсюду чудятся засевшие в кустах инспектора...

Когда Геннадий вставил в магнитолу кассету, Кирилл было обрадовался: все-таки какое-то развлечение. Поспешил: кабина наполнилась мерзкими звуками. Визжащими, скрипящими, свистящими...

Кирилл не сразу, но сообразил: так это же Маринкина «психоделика»! Он поморщился, несколько демонстративно. Генаха намек проигнорировал. Более того, вновь бросил тревожный взгляд в зеркало заднего вида, — и прибавил громкость. Тут уж его пассажир не выдержал, и высказал свое мнение о звучащем саунд-треке. Геннадий в ответ разродился фразой, рекордной по длине и содержательности:

— Не нравится — пешком ходи.

Они все психи, сказала сегодня Марина, самые сумасшедшие психи, они поминают родителей кровью и устраивают танцы поддишую музыку... Может и так, но просматривается в здешнем сумасшествии система и логика... Не очень понятная со стороны логика, но... Кирилл вдруг подумал, что **знает**, зачем Рябцеву усилители и динамики: чтобы, ха-ха, слушать музыку, зачем же еще? Слушать так уж слушать, везде и всем, — в каждом доме Загривья, и в окрестных полях, и на установленном свастиками кладбище... И на болоте Сычий Мок, если кто-то отправился туда с корзинкой собирать «деньги»... Не таскать же с собой плеер, если вдруг захочется потанцевать на болоте? Концерт по заявкам своих, скажет в микрофон Рябцев, прежде чем дернуть большой рубильник, а чужих нам тут не надо, чужие идут пешком восвояси... Музыка у нас психоделическая —

делает психов, ха-ха, качество гарантировано! Сойди с ума — и станешь своим, понял, нет? И тоже пойдешь на болото с большой такой корзинкой... С двухведерной. За деньгой.

ЗИЛ остановился. Генаха матернулся. Магнитола стонала, визжала и скрипела. У Кирилла появилось нехорошее предчувствие...

Двигатель работал странно — то взвывал, перекрывая «музыку», то сбрасывал обороты, чуть не глох. Гена, ничего не сказав, распахнул бардачок, что-то схватил из него (Кирилл не успел разглядеть, что именно), выскочил из кабины. Через секунду лязгнула поднимаемая крышка капота.

Да что ж за день сегодня такой, фатальный для автотехники? А вот такой... Родительский...

Ничего, утешал себя Кирилл, все-таки не заглохли мертвом, как «пятерка»... Коли уж Геннадий успешно раскатывает на древнем драндулете, должен знать его как свои пять пальцев, сейчас что-нибудь подтянет-подкрутит... Запас времени есть, успеют.

Остановились они у самой границы полей и леса — дорога делала здесь поворот и исчезала среди деревьев. От Загривья километров восемь или десять, до выезда на шоссе — больше тридцати. Успеют...

Но секунды капали, неумолимо съедая запас времени. Геннадий не возвращался, и все его усилия каких-либо изменений в работу двигателя не вносили. Ладно хоть идиотская запись закончилась, и Кирилл, естественно, не стал переворачивать касету.

Измучившись бесплодным ожиданием, он открыл дверцу, вылез из кабины... Гена в прямом смысле слова ушел в работу с головой, причем трудился методом Толяна Форносова — вслепую, на ощупь, без какого-либо источника освещения. Хорошо что не пальцами ног... Отвлечь его не хотелось, — однако

спустя пару секунд вынырнул сам, успокаивающе кивнул Кириллу:

— Щас поедем... Ты... эта... в общем...

Говорил он громко, перекрывая звук работающего двигателя. Но между словами делал длинные паузы, — словно вследствие природной молчаливости, усугубленной одинокими рейсами, успел изрядно подзабыть, как именуются те или иные предметы и явления, — и вспоминал по ходу речи.

— Там... эта... в кузове... канистра, в общем... ты эта... принеси... у самой кабины... под тряпками...

И он снова нырнул в глубины двигателя.

Кирилл поспешил было к кузову, но тут же понял, что ничего там не разглядит, стемнело окончательно. Вспомнил, что только что видел фонарик в распахнутом бардачке — запрыгнул на подножку, достал.

Фонарь был небольшой, на две цилиндрических батарейки, потертый и с треснувшим стеклом, — но луч света выдал сильный и яркий. Кирилл быстро прошел вдоль грузовика, прикидывая, как бы перемахнуть в кузов и не слишком при этом испачкаться, — «зилок», честно говоря, напоминал поросенка, отыскавшего в летнюю жару шикарную, глубокую и грязную лужу.

Под задним бортом обнаружилась коротенькая, на две ступени, металлическая лесенка, но Кирилл не успел поставить на нее ногу: выхлопная труба взревела, выбросив в лицо струю вонючего дыма, — и ЗИЛ тронулся с места.

Он обрадовался — ремонт завершен успешно! — но тут же понял, что радоваться нечему. Грузовик катил и катил, все более ускоряясь... Секунду или две, когда можно было попытаться вскочить на ходу, Кирилл упустил.

Ошарашенный, он наблюдал, как ЗИЛ исчезает за поворотом: Генаха рулит, высунувшись из окна, потому что капот до сих

пор поднят... Ни дать, ни взять — огнеглазое чудовище, несущееся с распахнутой пастью на ночную охоту.

Отблески фар несколько секунд мелькали сквозь деревья, затем исчезли. Чуть позже смолк звук двигателя. Кирилл остался один на темной дороге.

Всё понятно... — отрешенно подумал он. Нет, не так, сначала в голову пришли другие слова, энергичные и малоцензурные, адресованные Генахе. Но всё и в самом деле понятно... Для чего этому уроду брать фонарик из бардачка? Он и так знает свой ЗИЛ как пять пальцев, знает достаточно, чтобы симулировать поломку и спокойненько дождаться, когда пассажир сам вылезет из кабины, горя желанием чем-то помочь, как-то ускорить процесс... И никакой канистры в кузове, разумеется, не было.

Но зачем?!

Кирилл коснулся пояса — барсетка на месте, все деньги при нем. Да еще и трофеи — фонарь с треснувшим стеклом. Шутка? Незамысловатая и бескорыстная деревенская шутка? Или все серьезнее? Последнее предупреждение — вали отсюда подобру-поздорову, чужих нам тут не надо? Черт побери, так они и без того бы уехали, получили бы трамблер и уехали, зачем же...

Пока он ломал голову, вновь послышался звук двигателя, свет фар замелькал сквозь деревья. ЗИЛ возвращался, капот теперь был опущен. Кирилл шагнул с обочины на проезжую часть, замахал отчаянно: всё, мол, шутка оценена по достоинству, все смеялись до упада, все надорвали животики, а теперь давай все-таки поедем к шоссе...

ЗИЛ несся, не делая попыток притормозить. Прямо на него. Слепил фарами. Все ближе и ближе.

Он не за тобой, безвольно подумал Кирилл. Он за своим фонарем. А ты останешься на дороге, как та лиса: с перебитым хребтом, с вытекшей изо рта лужицей крови...

Надо было немедленно отойти в сторону, а еще лучше — спрыгнуть в неглубокий придорожный кювет, но Кирилл за-

стыл в странном оцепенении, словно загипнотизированный
бьющим в глаза потоком света...

ЗИЛ аккуратно вильнул, объезжая его, и покатил в сторону
Загривья.

Вдалеке сверкнула первая, пока беззвучная зарница.
Гроза приближалась.

2

Вернувшись в дом, Марина понятия не имела, чем заняться.

Уныло послонялась туда-сюда, зачем-то включила неисправный телевизор — посмотрела на туманно-белый экран, послушала громкое шипение — и выключила. Прилегла было на кушетку, но тут же встала... Вновь сделала бесцельный круг по горнице.

А потом поняла, чего именно ей хочется. И в чем она сама себе не решается признаться.

Ей хотелось поднять полированную крышку радиолы, и...

Медленно, с тягучим скрипом, Марина отворила дверцу шкафа. Столь же медленно вытянула из-под стопки рубашек рентгеновский снимок... Подумала: интересно, жив ли человек, чьи ребра изображены здесь? Догадывается ли...

Неожиданно она разозлилась и оборвала мысль, — пустую, ненужную, служащую лишь дымовой завесой для того, что делали руки, делали словно сами по себе, без воли хозяйки... Они, руки, уверенным движением подняли крышку «Ригонды». И уже надевали пластинку на штырек проигрывателя.

Нет уж! Она **НЕ ХОЧЕТ** снова слушать записанную на скелете мерзость! Не хочет! Это **НЕ ЕЕ** желание!

Марина сдернула пластинку со штырька, шагнула к шкафу — тут же передумала, быстро прошла на кухню, отыскала большие портновские ножницы... Собственно, одного разреза оказалось бы вполне достаточно, чтобы вновь не поддаться искушению, но Марина кромсала и кромсала пластинку с непонятным самой себе мстительным чувством: вот тебе, вот! Отправляемся в свой пластиночный ад, среди людей тебе не место!

Мелкие, неровно расстриженные кусочки отправились... не в ад, конечно, — в печную топку. Она даже хотела их поджечь,

даже зашарила по карманам в поисках зажигалки, — но не нашла, а затем порыв углас столь же неожиданно, как и возник...

И что на нее накатило? Скорее бы возвращался Кирюшка, пока она окончательно не поехала крышей в одиночестве. Он смешной и глупый, и совершенно не приспособлен к жизни без ее опеки, всё так... Но лишь когда муж рядом, она чувствует себя спокойно и уверенно.

Она бросила взгляд за окно, бросила в иррациональной надежде: вдруг раздолбаный ЗИЛ проявил чудесную, небывалую прыть, и промчался туда-обратно со скоростью болида «Формулы-1», и приятель Толяна Форносова приехал на место встречи заранее, с большим запасом, и...

И она увидит сейчас подходящего к дому Кирилла.

Не увидела... Вернее, увидела, но нечто иное, неприятное: у «пятерки» горели не погашенные подфарники. Только этого не хватало! Разрядится аккумулятор, и что? Рыскать по ночному Загривью в поисках зарядного устройства?

Марина сбежала по скрипучим ступеням крыльца, на ходу отключив сигнализацию... Погасив подфарники, долго сидела в машине, на водительском месте. Обратно в дом не хотелось. Здесь маленький кусочек ИХ территории, ее и Кирилла, и здесь не место... Чему здесь не место, она так и не смогла сформулировать — все впечатления от людей и вещей Загривья слились в одно неприятное, но не оформленное чувство...

Гроза приближалась, и приближалась быстро: сверкало и грохотало пока еще вдали, где-то за болотом Сычий Мох, но далекие вспышки становились все ярче, а далекие раскаты грома — все громче. Вот только этого им сегодня не хватает... Согласится ли Толян работать под проливным дождем, которого вполне стоит ожидать? Решила: согласится. Уж она сумеет сделать, чтоб согласился. Если что — растянут сверху какой-нибудь брезент... И уедут отсюда. Наконец уедут отсюда.

Затем Марина подумала, что за всеми хлопотами они так и не поужинали, Кирюшка приедет голодный, надо сообразить что-то по-быстрому... Самой Марине есть совершенно не хотелось.

Она вздохнула, подсознательно ища предлог оставаться здесь еще на чуть-чуть, — и не находя. Решила, что неплохо бы вытряхнуть пепельницу, хотя окурков там было совсем немного...

Постояла у машины, пытаясь сообразить, где же она видела мусорную яму... — и решительно опрокинула пепельницу прямо на траву под ногами. Вот вам! Сама поморщилась: глупо как-то, мелкая женская месть непонятно кому...

Затем она вспомнила про дело действительно нужное, и достала из багажника голову мадам Брошкиной, — лежит тут уже несколько часов, пусть вновь остынет в холодильнике перед дорогой.

...«Самарканд» опять начал работу с радостных содроганий — как будто возликовал от возвращения постоялицы, с которой не чаял уже свидеться. За окном сверкнула молния, с крохотным запозданием ударила гром, уже по-настоящему, уже рядом, — словно и природа решила отсалютовать столь знаменательному событию. А Марина наконец обратила внимание на легкое болезненное ощущение в кисти правой руки. Вернее, на коже кисти.

Поднесла к самым глазам, — тусклая двадцатипятисвечевка в сенях едва теплилась — и увидела яркую, алую капельку крови, но почти не обратила на нее внимания...

Потому что рядом, на руке, сидел виновник. Или виновница. Насекомое.

Насекомое, раздавленное Кириллом.

Раздавленное и брошенное в пепельницу.

3

Надо успеть, надо успеть до грозы, твердил себе Кирилл, и сам понимал — не успеет.

Шагать тут часа два... Может, бодрым шагом и поменьше, но гроза приближается быстро... Попасть под ливень — удовольствие маленькое, но не смертельное. А вот молнии... Молнии, как известно, притягиваются ко всему, что возвышается над ровным местом. А сейчас и здесь возвышается над дорогой и полями лишь он, Кирилл. Чуть дальше, как он помнил, вдоль дороги вытянулись два ряда высоких старых деревьев, не то лип, не то тополей... Но «чуть дальше» — понятие весьма условное, на ЗИЛе или «пятерке» и в самом деле «чуть», а ножками шагать и шагать...

Заасфальтированная дорога, по которой он шел, повернула в сторону — словно издеваясь над наивным намерением Кирилла добраться побыстрее. Повернула почти под прямым углом.

Он посветил фонариком — дальше, в прежнем направлении, тянулся слабо накатанный проселок: две колеи да полоса травы между ними... Ну да, он помнит этот поворот, затем будет и второй, и в сумме они изрядно удлиняют путь... А если пойти прямо, по проселку, то...

Кирилл остановился, пытаясь восстановить в памяти неплохо изученную карту здешних мест. Равно как и все их передвижения в окрестностях Загривья.

Если этот проселок достаточно далеко тянется в том же направлении...

Тогда ему не придется шагать через всю деревню, выйдет прямиком на скотный выгон позади дома Викентия. И гораздо быстрее, чем по дороге. Срежет больше трети пути... И появится шанс опередить грозу.

А если не тянется? — ехидно спросил внутренний скептик. Если проселок ведет к ближнему полю и заканчивается через пару сотен метров?

Тогда пойду полем! — разозлился Кирилл. С фонарем ноги не поломаю. И не заблужусь — сильно забрать вправо не даст Рыбешка, влево — дорога на свиноферму. И там, и там бывал, выберусь...

Он сошел с асфальта и решительно пошагал в темноту.

Триада пятнадцатая

Зачем запирать холодильники?

1

Она не закричала, как тогда, в машине. Даже не взвизнула. Молча бросилась из сеней в горницу, словно там был кто-то, способный защитить и помочь...

Никого там не было, но по крайней мере горела под потолком яркая лампа, позволяющая хорошо разглядеть, **ЧТО** устроилось на руке Марины...

Сомнений нет: та самая членистоногая тварь, Марина хорошо запомнила ее плоское, как бы сплюснутое тело... Но главное не это! Тварь была не просто похожая — **ТА САМАЯ!** И Кира раздавил ее без шуток, на полном серьезе... Крохотный вампир изувечен, брюшко превращено в бесформенное месиво, относительно цела только головогрудь с торчащим остреньким хоботком. И эта мерзость вонзает и вонзает свой хоботок в кожу Марины, не сосет кровь, всего лишь вонзает — потому что всосать, собственно, некуда...

Она разглядела все это за секунду, а может даже за меньший срок, — смахнула, сбросила на стол, схватила полотенце, яростно растирала, размазывала им крохотную гадину. Не осталось почти ничего — неприятного вида пятно на голубой клеенке с налипшими мельчайшими чешуйками хитина.

Полотенце выпало из разжавшейся руки, Марина не заметила. Обессилено опустилась на стул, провела рукой по лбу, вытирая холодную испарину...

Клещ...

Кира, зная ее паническую боязнь, соврал, — думая, что врет во благо.

Но это был **КЛЕЩ...**

Марина, как ни странно, знала о клещах очень мало. Почти ничего не знала... Не могла себя заставить прочитать какую-нибудь научно-популярную брошюру или статью в журнале... Большая часть ее «знаний» основывались на разговорах — полных самых фантастических выдумок — ходивших по их классу после страшной в своей нелепости смерти Маришки Кузнецовой. Да, да, ее лучшую подругу тоже звали Мариной...

Среди тех наполовину выдуманных, наполовину преувеличенных фактов, что на ухо рассказывали друг другу второклассники, маленькую Марину особенно потряс один: оказывается, впившегося в тебя клеща ни в коем случае нельзя тянуть за брюшко — оторвется, но голова останется жить своей жизнью! И будет вгрызаться в тебя все глубже и глубже! «До само-

го-самого сердца!!!» — говорилось это драматичным шепотом, с округленными глазами...

Все так и есть... Разве сможет какое-нибудь насекомое тридцать с лишним часов провалиться в пепельнице, а затем вдруг ожить? Ожить и вцепиться в тебя? Не сможет. Никакое не сможет, — кроме клеща с его феноменально живучей головой...

Марина подумала: тогда, двадцать лет назад, к ним во избежание путаницы часто обращались с прибавлением числительных, — Марина-первая и Марина-вторая... Затем вторая осталась единственной... А теперь пришел ее черед...

Она сидела и вспоминала Маришку Кузнецова, и отчего-то вспоминались лишь отдельные штрихи, детали: большой бант в рыжих волосах, рука с пухлыми пальчиками и неровно обкусанными ногтями, была у Маришки такая нехорошая привычка... Даже вспомнился её пенал с изображением ушастого Чебурашки... Но главное — лицо своей давней подруги — Марина так и не сумела увидеть мысленным взором...

Потом воспоминания ушли, рассеялись, Марина вновь стала собой: двадцативосьмилетней женщиной, умеющей быстро принимать решения и неукоснительно их выполнять. И поняла странную вещь: она уже не боится того, чего боялась двадцать лет. Страха нет — ушел, испарился — как испарился и ушел из памяти облик Маришки Кузнецовой...

Глупо бояться того, что уже произошло... Страха нет, есть проблема, требующая решения.

Значит, так... Завтра, с утра, — в поликлинику. Никакая зараза мгновенно не действует, энцефалит — не исключение. Получит прививку, задним числом их тоже делают, она узнавала. Несколько более болезненно, но ничего, потерпит. Многие, кстати, никуда и не обращаются после укуса клеща — вероятность вытянуть несчастливый билет в этой лотерее крохотная, всего две десятых процента, два шанса из тысячи, но рисковать нельзя...

А пока... Она встала, подошла к раковине, припала губами к крохотной ранке. Сосала и сплевывала кровь, понятия не имея, нужно ли так поступать... Надо было все-таки прочитать какую-нибудь брошюрку... Ладно, хуже не будет.

Из сеней послышался какой-то звук. Стук в дверь? Кириуша? Бросила взгляд на часики — да уж, пора бы... Быстро отерла губы: незачем пугать любимого мужчину, выступая в облике вампирической — в прямом смысле — женщины...

...Марина распахнула наружную дверь. За ней сверкали молнии — совсем близко, были видны не просто вспышки: темноту пронзали ветвистые разряды, соединявшие небо и землю. И сопровождались оглушительными ударами грома, теперь уже без каких-либо пауз...

Дождя, тем не менее, на улице не было.

Кирилла не было тоже...

2

Проселок, выбранный в ущерб асфальту, Кирилл почти сразу окрестил тропой Хошимина. Пришло в голову, и окрестил. Хоть не через джунгли, через поля, — но тоже напрямик.

И проселок не посрамил новообретенного славного имени, не подвел. Отнюдь не закончился через пару сотен метров, тянулся и тянулся, причем в нужном направлении — Кирилл теперь вполне обоснованно надеялся, что дошагает по нему почти до Загривья.

Да и поверхность под ногами относительно приличная, ровная, — достаточно лишь изредка подсвечивать фонариком. И это правильно — не мешает поберечь батарейки, кто знает, насколько пересеченная местность ждет в конце пути.

Он шел и думал, думал, думал...

А чем еще прикажете заняться на такой вот ночной прогулке, в одиночестве и при полном отсутствии зрительных (да и любых других) впечатлений?

Разобраться предстояло во многом... За эти два дня мозг получил огромное количество фактов — на вид разрозненных и никак не связанных. Именно потому иные из них казались странными, иные — страшными.

Но Кирилл был уверен: наблюдений накопилось достаточно, чтобы сложить их воедино, как элементы мозаики-паззла, получив единую картинку... И надеялся: у него это получится.

Имеется, знаете ли, опыт, — неважно, что решать приходилось в основном военно-исторические загадки. Принципы работы с массивами разрозненных и противоречивых фактов вполне применимы к современности... Но здешняя современность уходит корнями в сорок первый, Кирилл почти в том не сомневался.

Ведь что получается? Посылать целую дивизию ополченцев на убой просто так, из врожденной своей гнусности, из свойственного коммунистам стремления под корень извести русский народ, — такая версия хорошо смотрелась бы в «Огоньке» времен угара перестройки. А если рассуждать чуть более вменяемо, то была какая-то цель, для достижения которой применили столь страшное средство.

Какая?

Отвлекающий маневр, заранее обреченное наступление с целью выиграть время, оттянуть удар немцев по Ленинграду — и закончить лихорадочно возводимые полевые укрепления Лужского рубежа?

Ерунда. Почему тогда здесь? Узкое дефиле, стиснутое лесом и непроходимым болотом, никакого пространства для маневра — можно лишь тупо переть вперед, к Гдовскому шоссе. Хорошо, доперли, перерезали магистраль, — а дальше что? А дальше, за шоссе, вновь густой лес до самой Плюссы — места, подходящие для партизанского отряда, но никак не для целой дивизии... Занять оборону, закрепиться? Ну-ну... А восьмая танковая дивизия немцев на подходе, а вместе с ней и 56-й моторизованный корпус Манштейна, а у ополченцев всё противотанковое оружие — бутылочки с коктейлем Молотова... Несколько часов они бы шоссе могли удержать... Да и удерживали, наверное... А после отступили обратно, откуда пришли, потому что больше отступать некуда. Но ведущее к Луге узенькое горлышко немцы успели заткнуть пробкой. Как раз чуть дальше Загривья... И началось избиение, завершившееся на граве.

Абсурд. С точки зрения стратегии и тактики вся операция — полный абсурд.

А ведь немцы к середине июля уже закрепились на двух плацдармах на правом берегу Луги, и куда логичнее их с тех плацдармов выбить, или отрезать от берега левого, — и тем

отвести прямую угрозу от Питера. Что, собственно, чуть позднее наши и попытались сделать...

Так к чему же весь этот марш обреченных в сторону Гдовского шоссе?

Просматривается лишь один вариант ответа: деблокирующая операция. Проведенная в дикой спешке, фактически без какой-либо подготовки. Поступил приказ:

«Сдохни, но сделай, срок — вчера!», и в бой тут же послали ближайшее соединение. Поскольку времени подтянуть другое **не было**. На свою беду, ближайшей оказалась фрунзенская дивизия...

Вопрос номер два: а на помощь кому прорывались фрунзенцы? Кого, собственно, деблокировали? Вроде бы и некого, не было более-менее крупных **«котлов»** на границе Псковской и Ленинградской областей... Причина та же — крайне неудобный для маневра рельеф, немцы просто не могли осуществить здесь дальние обходы, столь любимые ими в первые месяцы войны.

Нет, конечно, отдельные части оказывались отрезанными от своих, но... Но кто же будет гробить целую дивизию, чтобы вывести из окружения потрепанную роту или даже батальон? Более чем неравный размен.

Однако если та рота сопровождала и охраняла
НЕЧТО НЕИМОВЕРНО ЦЕННОЕ... Вот тогда концы сходятся с концами идеально.

Кирилл здимо представил: несколько крытых грузовиков укрылись в лесу. Неподалеку шоссе, а на нем уже немцы... Бойцы на скорую руку роют окопчики, но командир хорошо понимает: перебьют их через час после того, как обнаружат. Если очень повезет — через два. Тогда в руки к фрицам попадет то, что **НИКАК** не должно попасть... Либо придется самим уничтожить то, что **НИКАК** нельзя уничтожать... И рация выходит в эфир с воплем о помощи, и тут же начинается обратный отсчет

— никто не любит вражеские передатчики в ближнем тылу, и немцы не исключение. И поднятые по тревоге фрунзенцы отправляются умирать.

Но все-таки что-то не сложилось. Ценный груз у ополченцев, но к своим его уже не доставить... Не пробиться. И дальнобойные гаубицы, подчиненные Ставке, в бессильной ярости лупят по граве: не нам, так и не вам! А кто-то еще пытается использовать последний шанс: пройти непроходимыми трясинами, и спасти...

Что спасти?

Что там было, в тех гипотетических грузовиках?

Золото в самородках? Платина в слитках? Бриллианты и самоцветы россыпью? Давняя любовница товарища Жданова с пятью внебрачными детьми?

Да нет, не любовница... И не кто-либо еще, чрезвычайно ценный для партии и правительства...

Потому что останки людей, хоть бы и самых ценных для партии, никак не превратятся уже в наше время в ворох купюр, вынутый из засаленного ватника с обрезанными рукавами. Не известна такая алхимия...

А я ведь молодец, мысленно похвалил себя Кирилл. Молодец. Я расколол эту загадку, расколол чистой логикой! Потянул за тоненькую ниточку — два полка ополченцев, угодивших под Олонец — и размотал весь клубок!

Тут же, словно салютая его торжеству, ударила молния — огромная, ветвистая, осветившая на мгновение округу мертвенным светом. От грома заложило уши.

И в короткий миг небесной иллюминации Кирилл увидел боковым зрением неподалеку, чуть в стороне от тропы Хошимина, человеческую фигуру.

Огромную, темную, бесформенную...

3

Кто же стучал? — не поняла Марина. Но очень быстро сообразила, — никто.

Холодильник! Холодильник «Самарканда», хранящий голову мадам Брошкиной — пришел срок, и компрессор заработал, а как шумно он включается, хорошо известно. Вот и приняла невзначай за стук...

Но где Кирюша? Волноваться еще рано, но мог бы уже и появиться... Она вышла на крыльце, попыталась издалека разглядеть фары приближающегося ЗИЛа. Ничего... Лишь вспышки молний раздирают мрак. И, что удивительно, во всем Загривье — ни лучика света, ни единого освещенного окна. Лишь в их доме... Нет уж, дом не «их», мысленно поправила себя Марина, и никогда «ихним» не будет!

Хотя... ничего странного. Если тут дома уже не раз горели от грозы, то вполне логично, что местные жители берегутся, — отключают свет, вывинчивают пробки... Кстати, не помешало бы и ей сделать то же самое. Выкупать дом, превратившийся по твоей вине в пепелище, совсем не хочется.

Она прошла в кладовку, припомнив, что вроде бы видела там запас свечей. Не ошиблась: на полке лежала непочатая упаковка, и рядом вскрытая, почти пустая... Марина прихватила на всякий случай обе.

В кухне-столовой зажгла две свечи, поставив каждую в граненый стограммовый стопарик, вывернула пробку в электроощитке на пол-оборота, затем вторую... М-да... И как же наши предки при такой тусклости существовали?

Ничего, как-то жили, сумеет и она дождаться конца грозы.

Не сумела... Никакого сравнения с вчерашним романтический ужином... Очень неприятно оказалось сидеть в одиноч-

стве при свечах — давил на психику таящийся в углах мрак, который не могли рассеять два трепещущих желтых огонька.

Марина нервно поглядывала на часы, под конец уже чуть ли не каждую минуту; напряженно прислушивалась, не раздастся ли стук в дверь в промежутках между ударами грома...

Она чувствовала сильный озноб — возможно, имеющий чисто психологическую причину. Или Марина все никак не могла согреться после улицы, куда вышла в футболке... Натянула куртку-ветровку, но та помогла слабо...

Наконец не выдержала: а ради чего, собственно, она должна экономить чужие свечи? Вновь включила электричество, вскрыла нетронутую упаковку свечей и начала сооружать импровизированные подсвечники из всего, что подворачивалось под руку: в ход пошли блюдца, чашки, винтовые крышки от стеклянных банок... Одну свечу даже прилепила на выдвинутую печную заслонку.

Израсходовав половину свечных запасов, прошла в горницу, устроила и там изрядную иллюминацию. Два длинных огарка, уцелевших после романтичного ужина, оставила как НЗ, на всякий случай. Потом долго ходила туда-сюда, поджигая каждую свечу зажигалкой, потом...

Вновь вывинтить пробки Марина не успела. Электричество отключилось само, без ее участия. Наверное, что-то случилось на подстанции, или в здешней трансформаторной будке, в такую грозу не диво...

Электрический свет погас, но темнее почти не стало. И — количество перешло в качество: тьма в углах рассеялась, испуганно ретировалась, забилась в тараканьи щели и мышиные норки.

К щитку она все-таки сходила: у нас и так светло, ни к чему скачки напряжения. Ну вот и всё, теперь можно спокойно дожидаться возвращения мужа... О-о, никак и он?! Марина при-

слушалась: да нет, опять дурацкий «Самарканд», будь он неладен...

И только спустя несколько секунд она **ПОНЯЛА**.

Подхватив первое попавшееся блюдце со свечой, пошла в сени — медленно, походкой сомнамбулы...

Так и есть... Звуки издавал «Самарканд».

Питающийся **ОТ СЕТИ** холодильник «Самарканд».

Марина привалилась к стене, ноги ватно обмякли. Блюдечко подрагивало в руке, желтый язычок пламени дрожал испуганно.

Угомонившийся было холодильник вновь завибрировал, да что там — просто затрясся, заходил ходуном, ударяясь кожухом компрессора о стену.

Затих...

Шум заработавшего компрессора так и не прозвучал. Не включаются компрессоры без электричества...

Полтерgeist, — произнес в голове Марины чужой голос, равнодушный и холодный. Помолчал и предложил второй вариант, столь же отрешенно, без следа каких-либо эмоций: или глюки.

Она для чего-то переложила блюдце со свечой в другую руку, подняла к лицу вытянутый, дрожащий палец, — и сильно надавила на зажмуренный глаз. Тоже непонятно зачем: откуда-то застрял в памяти такой способ распознавания галлюцинаций — да только вот Марина абсолютно не помнила, что именно в результате должно развоиться: причудившийся или реальный объект...

Не развоилось ничего. Глазное яблоко откликнулось сильной болью, перед взором поплыли, закружились цветные пятнышки. «Самарканд» стоял как стоял — в единственном числе и пока что неподвижный. Потом снова затрясся, зашатался — вроде даже сильнее, чем прежде.

Боль отрезвила. И разозлила. Какие, на хрен, полтергейсты! Может, они и случаются, но уж никак не в деревеньках на северо-западе Нечерноземья, — им место в английских родовых замках, или в уютных коттеджах маленьких американских городков, или... Короче говоря, в других измерениях.

А здесь...

Крысы. Самые обычные крысы.

Крысы — это по-нашему. Много в Загривье крыс, просто не счасть, то-то Лихоедовы так люто с ними борются... Ушли было хвостатые из пустого дома, а теперь почуяли, что вновь есть чем поживиться, — и вернулись дружной колонной, через прорезанный в двери кошачий лаз, а затем через давно, еще при Викентии, прогрызенное отверстие — в нутро «Самарканда»...

Она мысленно твердила: крысы, крысы, крысы... Твердила как заведенная, не позволяя мыслям сбиться на другие объяснения. И чем дольше твердила, тем меньше верила себе.

А затем вдруг поняла: если наберется-таки духу и распахнет дверцу — увидит вовсе не громадных крыс, терзающих голову мадам Брошкиной... И голову не увидит...

Не-е-е-ет...

Марина теперь **ЗНАЛА**: там, внутри, — Маришка Кузнецова. С большим выцветшим бантом в волосах... Рука с неровно обкусанными ногтями скребется, бьется изнутри в дверцу. А лица нет, вместо лица — бесформенная, распухшая, позеленевшая маска, так вот он какой, энцефалит, и вот почему было не разглядеть черты у Маришки, всплывшей в памяти...

Старый холодильник шатался, раскачивался все сильнее, дверца на миг приотворилась и вновь захлопнулась — что мелькнуло там, в темной щели? Не пухлые ли пальчики с обгрызенными ногтями — обгрызенными до мяса, до кости, двадцать лет Маришка не брала в рот ничего иного...

«Самарканд» уже не стоял рядом со стеной — постепенно отодвинулся от нее в своей дикой пляске; шатался со все боль-

шёй амплитудой, переваливаясь с передних винтовых ножек на задние, дверца приоткрывалась все чаще, пока что магнитный уплотнитель каждый раз притягивал ее обратно, но было ясно — очень скоро не сможет притянуть, и тот, кто сидит внутри, предстанет во всей своей мертвой красе...

Марина издала нервный смешок.

Она поняла, зачем мудрые и предусмотрительные конструкторы старых холодильников снабжали их дверцы замками, запирающимися на ключ.

Триада шестнадцатая

Две точные науки: мундирология и криминалистика

1

Кирилл застыл с поднятой для очередного шага ногой. И с погашенным фонариком.

Кого же он успел разглядеть там, слева, — мельком, на грани восприятия? Темный бесформенный силуэт показался отдаленно похожим на человеческую фигуру...

Но лишь отдаленно.

Гораздо больше он напоминал...

Да, да, персонажа ночного кошмара — черный и зловонный призрак умершего Викентия...

Но сейчас-то он, Кирилл, не в кошмаре! Ноги не приросли к земле, и глотку не сдавила петля дикого ужаса... Или... Тогда ему тоже казалось, что он может ходить по дому, может говорить, пока...

Он сделал пару шажков вперед — для проверки. И осторожно, негромко крикнул: «Эй!» — словно опасался, что из темноты кто-то отзовется...

Не отозвался никто. Но голос и ноги в порядке, и это радует... Так кто же (*или что же*) там, в темноте?

Кирилл перебирал и отбрасывал варианты. Какая-нибудь прошлогодняя копна? Да нет, силуэт явно выше. Куст? Едва ли, сплетение ветвей и листьев не может выглядеть столь единым и сплошным...

Самый простой выход: пройти мимо, не оборачиваясь, — Кирилла не устраивал. Хватит оставлять за спиной непонятное...

Но и подойти, осветить фонариком... Нет уж, не в этой жизни.

Чертова молния! До чего ж не вовремя она случилась, шел бы себе в темноте и горя не знал...

И тут Перун, или Илья-пророк, или кто-то еще, командовавший небесным электричеством, осознал оплошку и поспешил реабилитироваться: после долгой паузы полыхнула молния, полыхнула на полнеба, а грохот...

Кирилл даже присел от неожиданности.

Но все-таки успел вновь увидеть темное **нечто**. Благо смотрел как раз в ту сторону.

Не куст... И не копна... Очень похоже на человека, но вот ноги...

Потом Кирилл рассмеялся, — громко, не скрываясь. И решительно пошагал в сторону черного силуэта. Можно бы и сразу догадаться... Однако же не догадался — урожай поспеет не

скоро, и трудно ожидать в июне встречи с пугалом. Наверное, так и простояло в поле с прошлого года...

Не стоило тратить драгоценное время на осмотр сей пародии на человека. Но Кирилл все же решил потерять пару минут. Для некоего самоутверждения. Для закрепления хоть маленькой, но победы над собственным страхом...

Пугало вполне стоило потраченного времени. Конструкция примитивнейшая, без изысков: на две крестообразно сколоченных палки напялен головной убор, да кое-как натянута старая одежда. Надо быть очень глупой птицей, чтобы принять за человека. Или очень напуганным любителем военной истории. Вороны, например, уже к вечеру первого дня издевательски усаживаются на «головы» таких бездарных манекенов.

Но головной убор и одежда своей оригинальностью с лихвой искупали все мелкие недостатки дизайна. Венчала крестовину немецкая каска образца 1935 года — для Загривья, надо понимать, вполне заурядный факт, здесь этого добра хватает.

Но сама каска... Кирилл повидал достаточно подобных деталей военной амуниции, откопанных из земли, — русских, немецких, финских — но **именно такую** живьем узрел впервые. До того лишь на старых фотографиях...

Из земли обычно выкапывают саму железную основу, чья степень коррозии зависит от свойств грунта, скрывавшего находку. Ремень, подшлемник, камуфляжный чехол — или полностью разрушаются, или находятся в состоянии, не допускающем восстановления... Исключения крайне редки.

Но сейчас перед Кириллом оказалось как раз исключение... Да еще какое... Каска выглядела новой, хоть и не новенькой. И в тоже время старой, хоть и не ископаемой. Звучит не особо внятно, но так оно и было.

Подбородочный ремень потертый — однако явно родной. Ну-ка, а подшлемник... Кирилл ощупал рукой внутренность каски — ага, и подшлемник на месте. Камуфляжного чехла нет,

но Кирилл не помнил, употреблялись ли они в сорок первом в России... Именно в сорок первом: уже в следующем году немцы перестали изображать по бокам вот эти два щитка, с орлом и свастикой, и с диагональными трехцветными полосами, — слишком заметны для снайперов.

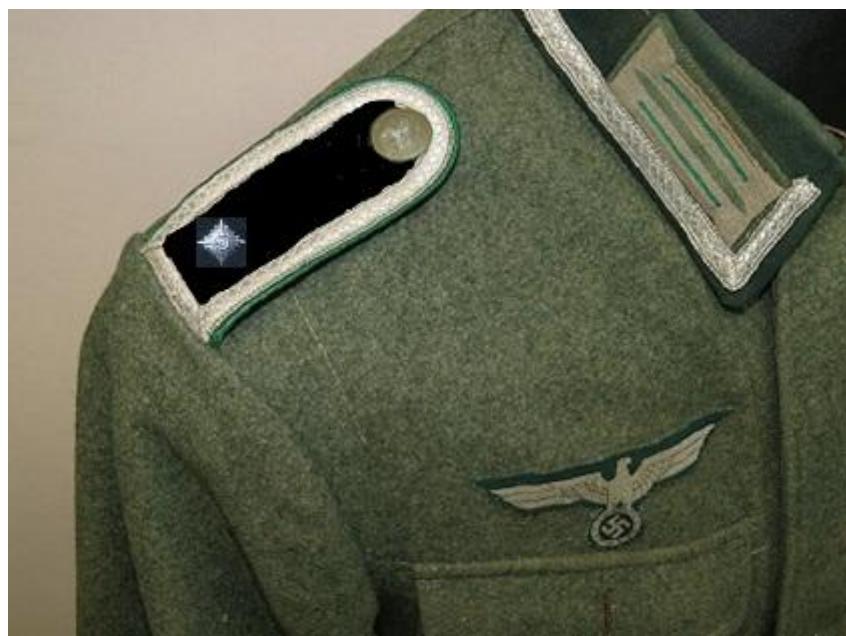

М-да... Полное впечатление, что владелец каски получил ее на складе весной сорок первого года, участвовал с нею на голове в нескольких полевых учениях, может даже в Югославской кампании вермахта, затем попал в Россию, провоевал пару месяцев все в той же каске, а потом... А потом случилось странное: обнаружил бравый пехотинец бесхозную машину времени (каких только трофеев пехоте не попадается), да и запихал в нее касочку, да и отправил зачем-то в год этак 2004-й по рождеству Христову, — а там головной убор с радостью приняли, и тут же нашли применение: напялили на пугало. Так и болтает-

ся два года... краска слегка облезла, появились легкие потеки ржавчины, но кожаные детали еще вполне приличные...

С мундиром — вернее, с кителем от мундира — почти та же история... Почти, да не та. Потому что тут даже редких исключений не случается. Вернее, Кирилл с ними никогда не сталкивался... Не сохраняется ткань в земле десятилетиями, истлевает напрочь... И все мундиры вермахта, что можно найти ныне в продаже или в частных собраниях (государственные музеи не в счет) — новоделы. По крайней мере наполовину: ткань и пошив современные, металлические цацки — подлинные. Но стоит такая имитация не дешево, даже самая условная — не одну сотню долларов. И на пугала их надевать как-то не принято...

Однако — вот, наглядный пример... В таком кителе на парад, конечно, не пойдешь, но ткань относительно крепкая — того самого цвета, что наши именовали «мышиным», а немцы — «фельдграу»... Ну и кем же был владелец мундира? Не рядовой: алюминиевая четырехлучевка на погоне — фельдфебель...

А вот род войск не понять, но едва ли пехота. Похоже, окантовка погонов и воротника некогда была все же не белая и не

желтая... Может красная, может зеленая... Значит, артиллерия или мотопехота... Или егеря? Кирилл попытался вспомнить, могли ли оказаться именно тут, под Загривьем, егера летом сорок первого — да так и не вспомнил... Военно-историческими исследованиями лучше заниматься дома, когда под рукой полки со справочной литературой. Или компьютер с выходом в интернет, на худой конец...

Черт возьми...

Или, на самый-самый худой-подтощалый конец, запасные батарейки к фонарику! Кирилл, чертыхнувшись, чуть ли не побежал обратно к тропе имени пламенного вьетнамского революционера. Увлекшись детальным исследованием пугала, он только сейчас заметил, насколько ослаб свет фонарика... Идиот... Там Маринка с ума сходит, а он нашел дурацкое чучело, — и разинул рот, забыв обо всем на свете...

«Юрок у нас задумчивый, увидит чего — все из головы вон...» Кирилл у нас тоже задумчивый...

Он шагал уже по проселку, вновь без света, экономя батарейки, — и ругал себя последними словами. Нашел, называется, загадку...

Нет, конечно, над странной нетленностью кителя и каски можно поломать голову (если не рассматривать всерьез версию о великой праведности и святости их прежнего владельца либо владельцев). Можно — но незачем. Кирилл считал, что знает ответ.

Болото!

Болото Сычий Мox!

Случается, что в глубине некоторых трясин (не в каждой, опять же всё зависит от химического состава) процессы гниения не происходят. Вообще. Не выживают гнилостные бактерии, и все тут. Кожа, ткань, людские тела, — все нетленно. Например, в мемуарной литературе описаны случаи: в Отечественную шли бои на берегах залива Сиваш (он же Гнилое мо-

ре, а по сути — огромное болото). Снаряды, попавшие в топь и взорвавшиеся в глубине, порой выворачивали останки красноармейцев армии Фрунзе, утонувших двадцать с лишним лет назад. Абсолютно не тронутые тлением трупы; шинели, буденовки — постирай, высуши, и хоть сейчас на склад. Такая уж там болотная жижа.

Сычий Мох, сомнений нет, обладает схожими свойствами...

Да-а-а... В той трясине — бойцы Фрунзе, в этой — ополченцы-фрунзенцы; любопытные порой каламбуры подкидывает матушка-история.

Но «черным следопытам», равно как и их «красным» коллегам, такая особенность болот помогает мало. Трудно обнаружить лежащий в глубине трясины небольшой объект, достать — еще труднее. Даже танки и самолеты извлекают редко, при особо благоприятных условиях... Однако этого солдата вермахта (*а то и двух*) — извлекли. Не из-за формы и амуниции, надо полагать, и не из-за дефицита одежды для пугал... Кирилл подозревал, что и не из-за оружия. Нет, тут ставки в игре куда выше... Солдатики — так, побочный продукт, отвалы при добыче знаменитой «деньги»...

Кирилл неожиданно понял, что его первоначальное любопытство: за продажу чего именно, черт возьми, ту «деньгу» получают? — угасло. Исчезло. Испарилось, как и не было. Ни к чему... Поля тут большие, пугал много требуетсѧ... Не ровен час, какое-нибудь из них украсят твои джинсы и куртка...

...Тем временем небесный Чубайс вовсе уж закусил удила: дернул за все рубильники, и выставил на максимум все панографы, и заменил толстенными «жучками» все предохранители. Сверкало и грохотало беспрерывно. Но все-таки в стороне от одинокого путника тропы Хошимина. Трудно оценить в темноте расстояние до огненного столба молнии, однакоказалось: главная мишень Рыжего Громовержца несколько поодаль. Где-то в районе гривы. Или Сычьего Мха.

А потом в почти непрерывном сверкании Кирилл кое-что разглядел.... Прошел чуть дальше, снова всмотрелся: ну так и есть, тропу Хошимина куда правильнее было бы окрестить «тропой Сусанина»...

Неподалеку высилась насыпь бетонки, ведущей на свиноферму... Проселок тихонько-легонько, практически незаметно, — но забирал-таки влево...

Он тремя прыжками преодолел кювет и откос насыпи, вышел на дорогу.

Так, ферма — там, Загривье — там... Ладно, не такого уж крюка дал...

По бетонке Кирилл двинулся легкой трусцой.

Небесное буйство продолжалось, и когда очередная вспышка высветила низенькое приземистое строение, стоявшее чуть в стороне, Кирилл хлопнул себя по лбу.

Клава! Черт... Ну точно: домик без окон, «вроде баньки»...

Совсем забыл про девушку, проклятый склеротик! А ведь она ждет, наверняка ждет...

Он повернулся к баньке, но тут же трусца сменилась быстрым шагом, затем шагом медленным, затем какое-либо движение вовсе прекратилось.

Всё не так просто...

Совсем не просто...

Он ведь не сможет заскочить на минуту-другую: привет-пока, бежал, дескать, мимо, а теперь извини — дела...

Нет... Если он войдет в этот домик, выйдет не скоро... «Ты бы ушел от такой женщины, Козлодоев?!» Он не Козлодоев, но быстро уйти не сможет... И Марина...

А может, ну ее на хер, твою Марину? — задумчиво поинтересовался внутренний голос. Причем, подлец этакий, впервые употребил подобное выражение касательно законной супруги Кирилла. Почувствовал слабину своего альтер эго, не иначе.

Не все так просто...

Кирилл застыл в неподвижности на дороге — ни дать, ни взять Буриданов осел между двумя ослицами. Или ослихами? Без разницы, но ты-то точный осел, решай быстрей, сколько можно торчать столбом на бетонке...

Решили за него. С неба упала крупная, тяжелая капля, еще одна, еще, еще...

— **На хе-е-е-е-р-р-р-р!** — громко оповестил он пустынную дорогу и Великого Электрика.

И припустил к приземистому строению. А вот так, дорогая! Дождь приключился, Неимоверный Тропический Ливень. Едва успел спастись в какой-то сараюшке, а то бы точно смыло в Рыбешку, оттуда — в Лугу, потом в Финский залив, в Балтику, в Атлантику, к черту на кулички, к теще на блины...

Однако спасся, а ты посиди-ка дома. Посиди, поломай голову, где твой муж — в Атлантике или у черта на блинах. Помучайся, любимая, — как он мучается насчет твоей псевдобеременности. На хер, милая, на хер!!!

Опаньки-и-и-и...

Возле самой двери домика Кирилл остановился.

Не из-за сплетения свастик, грубо и небрежно вырезанных, за полным отсутствием наличников, прямо в полотне двери, — нашли чем удивить, право слово...

Не в том дело. Дверь оказалась взломана — топором, а может и ломом.

Да-а-а... Стариk Некрасов, хоть и сграфоманил как-то про топор дровосека, хоть и жульничал безбожно, играя в карты, но в женщинах таки понимал толк. В таких вот, русских, настоящих ... Может, Клава нынешнего железного коня на ходу и не остановит, — тяговое усилие трактора помощнее, чем у крестьянских лошадок. Но в горящую избу войдет, сомнений нет. Вошла же в запертую — ради него, Кирилла!

— Тук-тук! — сказал он громко и весело. — Клава, ты здесь?

Кирилл быстро шагнул через порог, не дожидаясь ответа, — дождь с пугающей скоростью превращался в настоящий ли-вень; посветил фонариком.

Она была здесь...

Но уже никому, никогда и ничего не смогла бы ответить.

2

Если бы ЭТО продолжалось еще достаточно долго, Марина сошла бы с ума; или не сошла бы, а наоборот, взяла бы себя в руки, а заодно — тоже в руки — взяла бы что-нибудь острое, или тяжелое, или совмещающее оба названных качества, и, вооружившись этим острым-тяжелым, распахнула бы дверцу холодильника «Самарканд»; а может, она бы...

Впрочем, неважно.

Потому что **ЭТО**: полтергейст? Галлюцинация? Буйство одичавших крыс? — прекратилось.

Холодильник накренился вовсе уж сильно. Дверца полностью распахнулась. Содержимое рухнуло на пол.

Не крысы.

И, естественно (*глупо было бы ожидать*), не двадцатилетней давности труп Маришки Кузнецовой с раздувшимся, позеленевшим лицом.

На пол рухнуло то, что Марина час назад своими руками уложила в холодильник, — оскаленная башка мадам Брошкиной.

Холодильник стоял тихо-мирно — дверца наполовину распахнута, никаких самопроизвольных движений.

Голова лежала на полу. Но не совсем тихо и не совсем мирно...

В сенях имелось одно, но достаточно большое окно, — так называемого «верандного типа»: относительно маленькие стекла в густом переплете.

Молнии за окном сверкали постоянно — голова на миг освещалась мертвенным светом, причем световые пятна хаотично чередовались с черными тенями, отброшенными рамой. Затем вспышка гасла — очертания мадам Брошкиной едва угадывались в слабом свете свечи. Новая молния — пятна и тени на

свинской морде чередуются уже чуть по-другому, а глаза вновь вспыхивают отраженным светом — загадочным и неприятным... Вновь полумрак...

От перепадов освещенности казалось: голова шевелится. Движется. Движется к Марине. Медленно, но уверенно и целеустремленно... Вспышка — и свиной пятак повернулся под другим углом. Вспышка — пасть распахнулась пошире... Вспышка — ухо Брошкиной чуть сильнее прижалось к голове... Вспышка, вспышка, вспышка... И все ближе к ее ногам — с незаметной неумолимостью минутной стрелки, ползущей по циферблату.

Марина долго наблюдала за зловещей игрой света и тени. Или ей лишь показалось, что долго...

А потом негромко рассмеялась — совершенно безрадостным смехом. Кирилл, услышав такой смех, наверняка бы придумал срочное дело, позволяющее оказаться подальше от законной супруги.

Прочие же граждане, плохо знающие Марину, решили бы: молодая симпатичная женщина смеется какому-то печальному воспоминанию, — но уже пережитому, уже способному вызвать смех... Пусть и абсолютно безрадостный. И, соответственно, означенные граждане отнюдь не постарались бы немедленно увеличить расстояние между собой и Мариной.

Глупцы.

Потому что она только что решила кое-кого пристукнуть. Может, и не с летальным исходом, но **оч-чень** качественно. Она даже подозревала, что знает, кого именно...

Дело в том, что Марина не сразу обратила внимание на один любопытный факт, — все еще находилась под впечатлением выходок «Самарканда» и своих догадок о виновниках сего «полтергейста».

А зря, факт того стоил.

Бумага! Упаковочная бумага, — вернее, полное отсутствие такой. Когда совсем недавно Марина убирала голову в холодильник, та была тщательно упакована. Теперь же сияла бесстыдной наготой...

Вывод?

Вывод прост, как свиное хрюканье. У мадам Брошкойной в ее нынешнем состоянии рук-ног нет. Или есть, но находятся далеко отсюда, неважно. Главное — кто-то помог распаковаться мадам. Вот он и появился — пока не на сцене, пока за кулисами — этот таинственный «кто-то».

Факт второй: раскачивать холодильник самостоятельно мадам тоже не стала бы — нечем, да и незачем. Чтобы не плодить лишние сущности, допустим: и здесь виноват «кто-то», тот же самый. Раскачивал холодильник именно он. Каким способом? Естественно, не забившись в щель между стеной и компрессором «Самарканда». Леска! Длинная и прочная рыболовная леска, привязанная к голове мадам и совершенно незаметная в полумраке сеней... Итак, наш «кто-то» на сцене: темные очки, длинный плащ, низко надвинутая шляпа и приклеенная борода, — опознанию не поддается.

Но криминалистика — наука точная. Стоит позаимствовать из ее арсенала классический метод «сочетания мотива и возможности», как картина разительно меняется. Кто отличался сегодня беспринной алкогольной веселостью? Кто вполне может владеть запасным комплектом ключей от дома Викентия? Кто должен был прийти сюда к ожидаемому времениозвращения Кирилла?

Загадочный «кто-то» не просто лишился все маскирующих причиндалов, но и разделился, на манер амебы, на два вполне независимых организма: Толяна Форносова и Трофима Лихоедова.

Ну, комики... Петросяны недоделанные. Добили прихваченную у свояка бутыль и затеяли деревенскую шуточку, добрую

и ненавязчивую, а если ее объект невзначай станет заикой — кто ж виноват, что у него так плохо с чувством юмора? Похоже, у Юрочки-ангелочки склонность к дебильным развлечениям — наследственная.

Дедуктивная задача решена. Даже ясно, где засели уроды, — на крыльце, где же еще? До сих пор подергивают за леску, пропущенную в щелку, тянут тихо-тихо. Ждут, когда же Марина заорет истошным диким голосом, наконец-то разглядев: к ней ползет Страшная и Хищная Свиная Голова! Кстати, уже могла бы и заорать, не вспомни она вовремя про бумагу, — путь Брошкина проделала немалый, больше полуметра...

План контрдействий сложился быстро. Фронтальная атака бесполезна: пока Марина будет громыхать засовом, друзья-придурки скатятся с крыльца и канут в темноте. А потом с невинным видом отопрутся.

Но если аккуратно, вдоль стеночки, пробраться на другой конец сеней, к двери черного хода... — одновременно с этой мыслью Марина приступила к ее реализации. По пути прихватила огромную сковородку с полутораметровой ручкой. Кто-то будет сегодня менять трамблер совершенно бесплатно, да еще и болезненно морщиться при этом...

На пути к черному ходу предстояло пройти мимо мадам Брошкиной. Марина присмотрелась: вроде бы башка прекратила едва заметное движение...

Неужели шутники засекли скрытый маневр Мариной? Она двигалась в густой тени, оставив свечку на столе у входа, — и надеялась остаться незамеченной. Но свинская башка и впрямь лежит неподвижно, как, собственно, и полагается лежать всем приличным головам, отделенным от тела...

Она осторожно присела возле мадам, стараясь по-прежнему оставаться в тени. Тихо провела рукой у пасти, затем опустила пальцы к самому полу. Расчет Мариной был прост — если шутники ретировались, то леска валяется на полу, ослабевшая. То-

гда глупо совершать под проливным дождем партизанские вылазки... Но если все еще натянута...

Леска не обнаружилась.

Никакая — ни ослабшая, ни натянутая.

Нигде — ни на досках пола, ни у пятака Брошкиной.

Марина недоуменно хмыкнула, потянулась ощупать всю голову: уж где-нибудь леска да привязана, сейчас найдется...

Свиные зубы вцепились ей в руку.

Марина заорала.

3

Снаружи, за дверью, взломанной и распахнутой, льющаяся с неба вода стояла сплошной стеной.

А перед Кириллом стояла дилемма. Вот какая: или остаться здесь, рядом с трупом, или выйти наружу, — и буквально за несколько секунд промокнуть до нитки.

Он выбрал первый вариант. Мысль отправить на водные процедуры мертвое тело даже не пришла в голову: нельзя тут ничего трогать до приезда милиции. Хоть и совершенно неясно, когда она приедет, но все равно нельзя.

Но зачем она это сделала?

Да нет же, зачем девушка принарядилась и пришла сюда, вполне понятно...

Кирилл с удивлением понял, что видел ее до сих пор лишь в белом халате продавщицы, либо в нелепом ситцевом платьице, либо вообще без одежды. И какой-то уголок сознания, а может и подсознания, упорно твердил: неправильно, всё неправильно!

Раскинутые по земляному полу ноги в ажурных колготках — неправильно: должны быть голые, и чуть тронутые первым летним загаром, и со старым, давно зажившим, побелевшим шрамчиком над левой коленкой, и со светлыми, тончайшими, лишь очень-очень вблизи заметными волосками...

И мини-юбка — не то! И блузка, совсем недавно белоснежная, а ныне замаранная кровавыми пятнами, — не то! И соломенно-рыжие волосы, затейливое уложенные, — не то!

Впрочем, цвет волос Кириллу подсказывала лишь память, а от затейливой прически мало что осталось, — скомканный, спутанный ком, пропитавшийся кровью...

На лицо Кирилл взглянул один раз, мимолетно, быстро про-ведя по полу лучом фонарика... И больше не смотрел. Ни к че-му. Пусть останется в памяти прежней, живой, улыбающейся...

Но зачем, черт возьми, она это сделала?

Да нет, при чем здесь Клава... Кирилл думал про убийцу, ко-торый разнес дверь несколькими точными ударами (теперь-то ясно, Некрасов с его знанием женщин тут не при делах). И тот-час же, не откладывая, убийца разнес голову Клаве — тем же орудием. Вернее — разнесла.

Уже догадались?

Кирилл догадался... Хотя, конечно, была у него одна подсказ-ка, одна шпаргалочка...

Но любая подсказка, любая шпаргалка с формулой, — отнюдь не готовый ответ к задаче... И решил Кирилл ее сам, чистой ло-гикой, хоть и основанной на фактах, — так же, как расколол за-гадки третьей ополченской дивизии и болота Сычий Мох...

Может, лучше б не решал... Может, лучше бы ему все расска-зали люди в погонах и в штатском... А он бы не поверил расска-занному, и метался бы по городу в поисках надежных адвока-тов, и выстаивал бы очереди с передачами в СИЗО, и надеялся бы: чудовищная ошибка, все разъяснится, все пройдет, как кошмарный нелепый сон...

Но он вычислил **сам** — адвокаты и очереди еще возможны, но никак не мысли об ошибке...

Его случайную любовницу убила его законная жена.

ЖЕНА.

ЛЮБОВНИЦУ.

УБИЛА.

Что-что? Не смогла бы?! Да и измена мужа — не бог весть ка-кая причина для убийства, в наш-то век? Ха-ха... Трижды ха-ха.

Он краем глаза видел, как благоверная расправлялась с бед-ной Калишой вскоре после того злосчастного минета. Эта — сможет! Эта бешеная ревнивая сука все сможет...

Вернее, уже смогла. Факты — вещь упрямая. Больше некому и незачем.

Она.

Марина свет Викторовна.

Ключ пятый

Когда пойдёт дождь

Триада семнадцатая

Никогда не экономьте время и силы копая неглубокие могилы

1

Такого никак не могло произойти, однако же произошло. Голова мадам Брошкиной буквально подпрыгнула. Невысоко, на несколько сантиметров от пола. И вцепилась зубами в руку Марины.

По счастью, клацнувшие челюсти до тела не добрались. Сосились, защелкнулись на рукаве. Руку тут же потянула вниз уверенная тяжесть.

Марина заорала.

Вспышка очередной молнии показалась долгой, неимоверно долгой, и Марина прекрасно успела разглядеть, что все изменилось в мгновение ока, и голова совсем не похожа на ту, что только что мирно лежала на полу.

Движется все, что может двигаться: врачаются в орбитах мертвые глаза, и мигают мертвые веки, и топорщится мертвая щетина, и сокращаются на загривке мертвые мышцы... Потом все погасло, и озарилось снова: вспышка — темнота, вспышка — темнота...

Марина, не прекращая кричать, яростно затрясла рукой, замахала вверх-вниз...

Мадам Брошкина глухо ударялась об пол — но висела, вцепившись намертво, как питбуль: убей, разрежь на куски, но че-

люсти не разожмутся, — потому что мадам уже была убита... И разрезана на куски.

Марина вскочила на ноги, метнулась куда-то, не понимая, — зачем и куда. Голова волочилась следом тяжеленным чужеродным придатком. Рукав вытянулся, куртка поползла с плеча, пуговица-кнопка со щелчком расстегнулась, за ней вторая... Ткань трещала, но пока выдерживала. И тут же мелькнуло спасительное решение: совсем сбросить ветровку — сожри! подавись, проклятая дохлая тварь! — и бежать, бежать отсюда...

Рука потянулась к груди, и только сейчас Марина обнаружила зажатую в ней рукоять громадной сковороды... Ну тогда получай! Получай! Получай!! Получай!!!

Забыв первоначальное намерение, она лупцевала Брошкину хрустко, сильно, с размаху... Живое существо такие удары если бы и не прикончили, то вполне могли бы отвратить от агрессивных намерений. Мертвое боль не ощутит, и мертвее не станет, но и ему можно раздробить кости, вышибить зубы... Наверное, именно этим яростный натиск Марины и завершился бы. Но раньше не выдержала ткань рукава.

Голова тяжело рухнула на пол.

Чуть позже туда же упала покрывшаяся вмятинами сковорода...

Марина, пяясь, сделала несколько шагов назад. Не отрывая взгляда от Брошкиной, ощупью искала ручку двери, ведущей в дом... Нащупала, надавила, потянула...

Ручка не шелохнулась. Дверь тоже.

Она не удивилась. И не стала яростно дергать за ручку. Всё правильно. Всё так и должно быть. Когда всё вокруг сходит с ума, так и должно быть. Ей не туда... Не в дом, освещенный и относительно безопасный. Ей — на улицу, под ливень, под вспышки молний... Что ждет ее там? Что там затаилось, спряталось, притворилось переплетением черных теней — и терпеливо ждет Марину? Что или кто? Не Маришка ли Кузнецова?

А ты выйди. И узнай. И не задавай глупых вопросов.

Никуда она не пошла. Медленно, безвольно начала сползать на пол... Все, хватит. Сейчас она сядет, сядет прямо у двери, закроет глаза... И ничего не будет делать...

А затем она вдруг вскочила на ноги. И через секунду очутилась по другую сторону двери.

Ну не идиотка ли... Полная идиотка.

Чтобы отжать защелку на этой двери, надо было не нажимать на силуминовую ручку-рычаг, как принято у нормальных людей и нормальных дверей, но тянуть вверх. Кирилл объяснил: наверное, у Викентия оказался под рукой лишь замок, предназначенный для двери, открывающейся в другую сторону, налево, — вот и врезал, перевернув... Пустяк.

Этот пустячок чуть не стоил ей слишком дорого... Она бы по просту свихнулась там, в сенях, сидя под якобы запертой дверью...

Свет десятков свечей заливал кухню-столовую, заливал горницу. От него появилось чувство уверенности, безопасности. Может быть, иллюзорное и ложное, — но появилось. На свету такого не случается.

И тем не менее она повернула ключ еще на один оборот, и накинула крючок на дверь, ведущую в сени. С сомнением посмотрела на подпружененную дверцу кошачьего лаза — может, чем-нибудь подпереть, забаррикадировать? Да ни к чему, голове никоим образом не притиснуться в это отверстие, разве что вдруг истончится, вытянется на манер дождевого червяка... А такого быть не может.

Не может? Правда? Так-таки и не бывает? Никогда-никогда не случается? Раз вы, милая девушка, так хорошо знаете, что случается, а что нет, объясните-ка: что произошло пару минут назад? Рядом, за этой вот дверью? В сенях?

Ей очень не хотелось пытаться объяснять кому-либо, хотя бы себе самой, увиденное и почувствованное недавно. Не хотелось...

Марина была материалисткой.

А с точки зрения закоренелого материалиста необъяснимых фактов нет и не бывает. Вообще. По определению. Если факт, невзирая на все потуги, все же объяснить нельзя, — значит, он вовсе не факт. Злостная фальсификация. Или банальный обман зрения.

Конкретный пример: у свиньи, как известно, шеи нет.

Конечно же, ученые-зоологи, специализирующиеся на парнокопытных, услышав такое заявление, тут же уличат заявителя в глубоком невежестве, а то и в злонамеренном искажении фактов, и радостно достанут схему свиньи в разрезе, и начнут тыкать указками в изображения позвонков, ехидно вопрошая: а это что, не шея? А это? А это?

Бог с ними, с кандидатами и докторами свинских наук. Всех в колонну, каждому лопату, — и на свиноферму. Пусть на практике ознакомятся с объектом изучения. Заодно и навоз уберут, поднакопился.

Так вот, у свиньи шеи нет. Факт. Не научный, бытовой. По крайней мере, внешне шея не наблюдается: голова и туловище хавроньи, от пятака до хвостика, отдаленно напоминают пушечный снаряд — нечто цельное, не разбиваемое глазом на сегменты. И когда мясники разделяют тушу, то порой отсекают голову почти над лопатками, с большими прирезями мяса. Проще говоря: мышечной ткани у свиной головы достаточно, чтобы совершить какое-нибудь простенькое движение. Подпрыгнуть на несколько сантиметров, например.

Что? Мышцы мертвого тела сокращаться не способны? Ошибаетесь! — радостно скажут материалисты. И тут же припомнят опыты Луиджи Гальвани.

У махровых материалистов глубокие знания встречаются редко, но дергающиеся от тока лягушачьи лапки изображены в школьном учебнике биологии.

Лапки или головы, лягушки или свиньи, — какая разница? Если бы Гальвани отдал лапки кухарке, попросив соорудить к обеду фрикасе по-французски, и экспериментировал бы вместо них с головами, — результат бы не изменился.

Откуда взялись в холодильнике гальванические токи, если питается он от сети, а в доме от грозы вырубилось электричество? Ну, удивляете... А сама гроза? Электричества там — бери не хочу. Миллионы вольт. На дивизию свиных голов хватит. На корпус. На армию.

Вопрос решен. Факт объяснен.

Что Гальвани возился с лягушками свежими, только что умерщвленными, не лежавшими много часов в холодильнике, господ материалистов не смутит. Принципиальное объяснение

найдено, а деталями пусть займутся вернувшиеся с фермы свинологи.

Марина была материалисткой. Законченной. Закоренелой.

Однако даже сейчас, отгородившись крепкой дверью от непонятного и страшного, при свете нескольких десятков свечей, она не попыталась сочинить подобное объяснение — как последнюю зацепку над пропастью безумия, как спасательный круг, удерживающий над бездонным океаном ужаса...

Вместо этого она вцепилась в другую версию.

Энцефалит!

Клещ все-таки укусил ее вчера утром, она не почувствовала, маленькие кровососы вспрыскивают что-то обезболивающее, какой-то природный анестетик... Укусил. А она не заметила. И ядовитая зараза угодила в кровь.

Клещевой энцефалит...

Об этой болезни Марина была осведомлена не больше, чем о ее переносчиках. Но одно знала точно: главный объект для атаки вируса — мозг. Вроде бы даже сам термин «энцефалит» происходит от латинского наименования мозга... Или от греческого?

Энцефалит - лат. *encephalitis* «воспаление мозга»)

Она попыталась вспомнить, как будто это и в самом деле что-то меняло, и, конечно, не вспомнила... Тьфу, да какая разница, мозг — он и на китайском мозг...

А теперь вопрос на засыпку: из холодильника ли выпрыгнула хищная свинина? Не из вашего ли мозга, Марина Викторовна? Из мозга, где начался и продолжается воспалительный процесс? Не первая ли это ласточка?

Вопрос сложный... Пораженные извилины не всегда способны к самодиагностике...

Марина задумчиво рассматривала неровную дыру на рукаве куртки-ветровки — вернее, даже совокупность нескольких

рваных дыр. Точно ли она их видит? Или лишь думает, что видит?

Просунула пальцы в дыру насквозь, пошевелила... Очень уж реальная, настоящая... Куда реальней взбесившейся головы.

Вот-вот... Дыра реальна. Способная кусаться мертвая голова — нет. Так кто же тут поработал зубками в припадке безумия, а? Поработал и напрочь о том забыл? Кто вышвырнул голову из холодильника и содрал с нее упаковочную бумагу? Не бойся ее, Кириуша, перешагивай смело, она не кусается, это просто твоя жена сошла с ума, ля-ля-ля-ля-ля, сказала фрекен Бок, запихивая в мясорубку Карлсона, сумасшедшим такое можно, им можно всё, интересно, чем были наполнены последние кошмары Маришки Кузнецовой, нет, и вправду интересно, надо же знать, что тебе предстоит...

Марина уже не понимала, что сама загнала себя в ловушку. Версия об энцефалите и его симптомах не стала спасательным кругом и зацепкой над бездной. Она стала шагом в другую бездну — в черный бездонный колодец, поджидавший свою жертву двадцать лет...

— Кис-кис-кис! — ласково позвала Марина, видя, как медленно поднимается дверца кошачьего лаза. И засмеялась — звонко, весело. Сойти с ума — плохо и зазорно лишь с точки зрения людей, мнящих себя здоровыми. Они, глупые, не понимают, какие чудные вещи можно создать при помощи больного мозга... Много лет Марина мечтала о кошке, мечтала и не могла воплотить мечту в жизнь, сначала из-за отца, позже из-за Кирилла, но стоило сойти с ума, — и пожалуйста, все к вашим услугам, вам перса или ангорца?

— Кис-кис-кис, — снова позвала Марина, углядев за поднимающейся дверцей какое-то шевеление. И ткнула туда повелительный жестом:

— Ты — ангорская! Я так хочу!

Но в дверцу медленно, волоча обе задние лапы, притискивалась не ангорская кошка. И вообще не кошка.

Марина не сразу опознала неимоверно грязное, облепленное землей создание.

А затем догадалась: лисица! Раздавленная ею на лесной дороге лисица! Раздавленная, и закопанная потом Кириллом, — не глубоко, у куста сирени, — и теперь вылезшая из могилы.

Обидно, что не ангорская кошка... Но все-таки не так скучно будет ждать мужа. И врачей, которых он, хочется надеяться, вызовет...

— Иди сюда, маленькая! — сказала Марина. — Я тебя вымою, и мы поиграем...

Лиса послушалась. Ковыляла прямо к ней, переступая лишь передними лапами. Вернее, не так уж прямо: хребет был сломан, и осевая симметрия тела нарушилась. Задняя часть тушки вместе с лапами и хвостом торчала в сторону, лисицу заносило, она выравнивала движение, — и приближалась неровными зигзагами.

Но курс держала к ногам Марины.

2

Совершенно непонятно, для чего мог служить домик, в котором Клава назначила свидание Кириллу.

Назвать его сараюшкой язык не поворачивался — кроме размеров, ничего общего. Ну кто, скажите, возводит сарайчики из толстых, основательных бревен? Куда проще наскоро слепить из бросовой доски-горбыля, пустить на кровлю рулон старого рубероида — и пожалуйста, храни на здоровье что-нибудь не самое ценное, например, мешки для сбора картофеля с ближайшего поля...

Банька? Но в той, как минимум, предполагается печь, не говоря о прочем... Здесь же всей обстановки — две широкие лавки вдоль стен. Ну хорошо, пусть незавершенная банька, — сруб возвели, а потом передумали... Почему тогда именно здесь? Квазибанька стоит на половине пути от фермы к деревне, — и никаких жилых строений поблизости. Вообще никаких строений...

Полное впечатление — кто-то соорудил сие прибежище, сочувствуя юношам и девушкам, не имеющим места для встреч... Может, сами и постарались, чтобы использовать по очереди. Повесишь на дверь условный знак — и все знают: гнездышко любви занято, и не ломитесь в двери...

Бедная Клава так и сделала, не подозревая, что в дверь все-таки вломится разъяренная фурия по имени Марина...

Для Кирилла вычислить убийцу оказалось легко и просто. Как ни странно, помогла одна деталь, промелькнувшая во вчерашнем ночном кошмаре. А именно: он собрался тогда вдребезги разнести взбесившиеся часы лихоедовским колуном. Будучи отчего-то уверен, что тот стоит в сенях дома Викентия.

Позже момент как-то стерся из памяти, но сегодня, когда они носили вещи в машину, Кирилл и в самом деле увидел в сенях колун! С рукоятью, обмотанной синей изолентой. Не тот, понятно, с которым упражнялся Юрок, просто очень похожий.

Он понял: колун уже попадался на глаза, просто не привлек внимания. Но отложился где-то в дальнем углу памяти — и всплыл в ночном кошмаре.

Но теперь колуна в сенях нет... Он лежит здесь. В дальнем углу. Измазанный кровью.

С такой уликой мисс Марпл и Эркюль Пуаро могут спокойно отдохнуть. Или расписать пульку в компании Шерлока Холмса.

Всё и без них понятно.

Какое место идеально подходит, чтобы проследить за идущим на гриву Кириллом, и за поспевающей вслед Клавой? Проследить, не сходя с места?

Правильно, высоченное крыльцо стоящего на холме дома Викентия. Единственный и неповторимый наблюдательный пункт во всем Загривье. Только не рассказывайте сказки, что там мог оказаться кто-то другой. Он, другой, постучал бы и вошел. Или ушел бы обратно, не дождавшись ответа на стук.

Нет, на крыльце сидела Марина... Все-таки проснувшаяся достаточно рано. Увидела уходящего на гриву Кирилла, но ничего не сделала: кричать — не услышит, а нестись за муженьком сломя голову — это не для Марины Викторовны. Но затем в том же направлении прошла Клава...

Здесь, сейчас, в псевдобаньке, Кирилл ощущал к жене самую настоящую ненависть. Причем даже не столько из-за убитой Клавы, сколько из-за той, утренней, ситуации: они на полянке, голые (*ну, по крайней мере один из двоих*)... И Марина. В кустах. Сука...

Не ежик там шумел — другой зверь... Гораздо крупнее и опаснее.

Лучше бы уж сразу выскочила, устроила бы скандал, даже мордобой...

Так ведь нет, Марина Викторовна занимается такими вещами исключительно на холодную голову.

Впрочем, возможно, наложилась еще одна причина. Тогда, на полянке, Клава говорила очень искренне — о детях, и о про-чем... И эта рассудочная сука, упрямо не желающая никого рожать, могла **испугаться**

* * *

Испугаться, что для Кирилла, давно мечтающего о детях, скандал станет последней каплей. И он сделает то, что давно стоило сделать. Поскольку мифическая беременность — лишь средство продавить покупку дома...

Как бы то ни было, Марина тихо вернулась домой и удачно изобразила только что проснувшуюся... Но хорошо запомнила время и место назначенного свидания.

А потом... Черт, ведь трагедии вполне можно было избежать... Трамблер... Глупая случайность... Он идиот... Полный идиот. Совершенно не оценил значение ее злобного взгляда — тогда, при безуспешных попытках завести машину.

Она ведь заподозрила, что поломка — дело рук Кирилла!

Дальше — хуже...

Новая цепочка диких совпадений, но в глазах Марины все логично: муж где-то долго шлялся — значит, вполне мог сговориться с Толяном и Лихоедовым. Затем вдруг выясняется, что Кириллу надо уехать на пару часов — причем время идеально совпадает с назначенным Клавой свиданием...

Что могла подумать Марина? Лишь одно: он идет продолжить столь активно начавшееся знакомство с «королевой свинофермы», вся история с трамблером — блеф.

Дурак... Идиот... Мог ведь, наверное, догадаться... По каким-то ее обмolvкам, случайным жестам...

Она ведь убила не со зла, как дико ни звучит... Что ей Клава? Не стоит и руки пачкать... Она убила из **страха**. Из страха потерять верного раба, к которому все-таки привыкла, как привыкают к собаке или кошке... Раз уж он, тихо-мирно просидев шесть лет под каблуком, пустился на такие сложные комбинации — дело плохо. Ожидать можно всего.

Рассчитала она все идеально — но исходя из своих, ложных, посылок. Кирилл, получив свое, вернется из «баньки», и... стоп! Что-то не сходится... Вернется, и что подумает, не застав жены?

Значит, на столе лежала бы записка: пошла, дескать, позвонить маме по соседскому «Алтаю», чтобы та не волновалась, скоро приду, любимый, дата, подпись.

Проверить факт звонка маме Кирилл не успел бы.

Едва Толян заменил бы трамблер (а по версии Марины — лишь подсоединил бы отсоединенный Кириллом контакт) — они тут же укатили бы из Загривья.

И про смерть Клавы он узнал бы ох как не скоро...

Все-таки он кретин... Зачем сболтнул ей про новую книжку, про то, что будет изредка приезжать сюда за материалом? Промолчал бы — Клава осталась бы жить. Кириллу жена бы все припомнила, и не раз, — так что когти, вцепившиеся в член, показались бы детской забавой... Но Клава осталась бы жить.

Марина спланировала **ИДЕАЛЬНОЕ** убийство. Расследование? Не смешите, никто не стал бы даже вызывать из другого субъекта федерации двух никчемных свидетелей, всего-то пяток минут общавшихся с убитой... Мало ли кто покупает тут мясо...

Марина спланировала все идеально — и тем не менее сядет в тюрьму, и очень надолго. Потому что планировала, исходя из своей оценки ситуации — из абсолютно ложной оценки...

Почему все-таки убила, если Кирилл не пришел? По той же самой причине. Итак: она в кустах у «баньки», все рассчитано по минутам, колун наготове. Она уверена: Кирилл внутри и вот-вот должен выйти... Выйти первым и наверняка в одиночестве — у него цейтнот, и светиться в деревне рядом с Клавой ему ни к чему... Должен выйти — и не выходит, и не выходит, и не выходит...

Что могла подумать Марина?

Да что угодно. Лишь истинного положения дел она представить не могла: для этого ей надо было сломать всю цепочку своих рассуждений — логически безупречных и абсолютно ложных. Может, вообразила, что он все **РЕШИЛ** — именно здесь, именно сейчас, и останется с Клавой до утра, послав подальше супругу, которой недолго осталось носить это звание? И вот тогда она впервые сорвалась с резьбы...

Сломала дверь: Кирилла нет! Зато есть Клава... И шанс избежать трагедии еще оставался... Но остался нереализованным: Клава тоже была на взводе — из-за отсутствия Кирилла. Слово за слово, и...

Еще один маленький штришок, маленький бонус для прокурора: потолок тут относительно низкий. Кирилл, например, со своим ростом метр девяносто пять, — топором над головой не взмахнет, зацепится: на глаз видно, никакие следственные эксперименты не нужны... Для эксперимента сюда стоит пригласить (*вернее, доставить в наручниках*) одну гражданочку, чей рост составляет ровно сто шестьдесят четыре сантиметра без каблуков. Подсказать имя, фамилию, адрес?

И что теперь?

Теперь у него ни любовницы, ни жены... Один, как пугало посреди поля, пугало в каске вермахта образца 1935 года...

Страшно...

До чего же страшно, если вдуматься: Марина искалечила жизнь и себе, и ему, а Клаву вообще вычеркнула из списков жи-

вущих, — лишь потому, что умеет трезво, холодно и логично мыслить... Единственная неверная посылка, плюс несколько очевидных фактов, предвзято истолкованных, плюс безукоризненные логические построения — и готова непротиворечивая, но насквозь лживая картинка.

Она умеет мыслить логично. Не умеет лишь любить. И верить тому, кого любишь...

Недаром с древних времен три понятия объединяли в одну триаду. Если любишь — верь. Верь вопреки всему. Лишь тогда в любви можно на что-то надеяться...

А холодной логике места нет — среди веры, любви и надежды.

3

Казалось, лиса решила потеряться об ноги, — как домашняя избалованная кошка, выпрашивающая ласку. И действительно, вскользь задела лодыжку своим грязным мехом; Марина вздрогнула, но не отдернулась, разве может испачкать или как-то еще повредить игра твоего воображения, порождение твоего зараженного мозга? Лисица, глядя куда-то в сторону мертвыми глазами, разинула пасть, сейчас замяукает, подумала Марина, но не удивилась, сойдя с ума, глупо чему-либо удивляться...

Лиса не замяукала, вообще не издала ни звука — деловито вонзила зубы в икру Марины.

В следующие секунды в доме воцарился ад...

Сбитые свечи падали и гасли, света становилось все меньше, тьма вновь поползла из своих мышиных нор и тараканьих щелей, — а по стенам металась громадные черные тени осатаневшей от дикой боли Марины.

И металась она сама — из горницы в кухню, потом обратно, лиса волочилась следом, и стискивала челюсти все сильнее, или так только казалось Марине, и не попадалось под руку ничего, чем можно было бы размозжить, раздавить, размазать по полу мерзкую гадину...

Ухватила было веник, тут же отбросила — что мертвым щекотка? — заметила у печки кочергу, рванулась туда, упала: нога с впившейся лисицей запуталась в ножках табуретки; вскочила, не чувствуя ушибленного колена — всё забивала кошмарная боль в икре...

Кочерга оказалась несерьезная, легковесная, сделанная из полосы листового металла, совсем не толстого, Марина ударила несколько раз и отбросила... Затем она вспомнила про ско-

вородку, про чудесное оружие для расправы с теми, кто не хочет вести себя, как положено мертвым...

Она уже лихорадочно повернула ключ, и откинула крючок, но в последний миг замерла: мадам Брошкина! проклятая башка никуда не делась, поджидаст в сенях, и вдвоем они прикончат Марину... Не дождитесь!

Прикончили не ее. Прикончила она. Именно прикончила, не убила, — убитую еще вчера лисицу. Весьма нестандартным орудием — старинной радиолой.

Внутри «Ригонды» что-то покорежилось, что-то сорвалось со своих мест и болталось внутри корпуса, что-то разбилось со стеклянным дребезгом... Но сам ящик, добротно сделанный из хорошего дерева, пока держался — Марина поднимала и резко опускала его, круша и плюща лисицу — перевернув радиолу, держа за тонкие ножки. Вверх-вниз, вверх-вниз, раз за разом, вверх-вниз...

Разжались ли мертвые челюсти, или разлетелись на куски, Марина не заметила, просто в какой-то момент бесформенное месиво, мало уже похожее на лисицу, шлепнулось на пол, оторвавшись от ее ноги. Но она не прекратила сокрушительные методичные удары: вверх-вниз, вверх-вниз — у нас сегодня в меню не отбивные... фарш, кисель, манная каша... В звуки ударов вплеталось отвратное чавканье.

Потом все кончилось — «Ригонда» наконец развалилась кучей досок, рассыпалась грудой покореженных деталей. Никто и никогда не послушает больше «классное ретро»...

Изодранная лисьими клыками нога обильно кровоточила... Капли густо падали на крашеные доски пола, и Марине отчего-то вспомнилась Калиша. И кровь, впитывающаяся в циновку с загадочными иероглифами...

Господи, нашла же время предаваться воспоминаниям...

Скорее, отыскать скорее пластырь и бинт, и что-нибудь дезинфицирующее, был же у Викентия хотя бы йод, хотя бы зе-

ленка... Пусть весь мир сошел с ума — она не сдастся, она будет драться, она победит! Она доживет до рассвета, до нормально-го утра нормального дня, — когда-нибудь же кончится эта дикая ночь, ночь восставшей хрен знает откуда падали, ночь гостей с кладбища домашних и диких животных...

Она не сдастся, но к машине, за аптечкой не пойдет... У Викентия найдутся пластырь и йод, обязательно найдутся, старики запасливы на всякие медицинские штучки... Марина лихорадочно рылась в выдвижном ящике стола, на пол летели пакетики с семенами, и старые квитанции, и даже упаковки просроченных таблеток, но пластырь или бинт не попадался, а искусанная нога болела все сильнее, и боль не позволяла Марине обратить внимания на другое, не столь болезненное ощущение... Затем она почувствовала неладное, и опустила глаза...

И пластырь с бинтом стали не нужны. И йод стал не нужен. И зеленка...

Потому что все закончилось. Для нее все закончилось. Как глупо...

Почти так она и сказала, вернее, начала говорить:

— Вот и всё... Кира теперь меня...

Не договорила и зарыдала.

Триада восемнадцатая

Вера Надежда Любовь и их злая мачеха Холодная логика

1

Ливень закончился. Июньские ливни долгими не бывают. По крыше «баньки» еще постукивало, все реже и реже... Теперь уже настолько редко, что продолжать обманывать себя:

«Раз уж решил переждать дождь, то глупо вымокнуть в самом его конце», — не имело больше смысла.

Переждал. А теперь иди. Не вымокнешь.

Иди, и настойчиво стучись в первый же попавшийся дом с «алтайской» антенной над крышей, и дозванивайся в Сланцы... хотя нет, хоть Сланцы и ближе, но другой район, дозваниваться придется в райцентр, в Кингисепп... короче, дозванивайся туда, где есть милиция; позвонишь и скажи несколько слов, а дальше всё закрутится само, закрутится и поволочет за собой, и принимать решения уже не придется...

Надо было встать и пойти, но он по-прежнему стоял на коленях, на утоптанной земле рядом с Клавой. Фонарик рядом, на лавке, положенный очень аккуратно и расчетливо: освещено всё тело, — всё, кроме головы... Об экономии батареек Кирилл сейчас не думал.

Он прощался: может, еще увидит ее, — на опознании, или на похоронах, если на похороны пустят мужа убийцы, но там вокруг будут чужие, и прощаться надо сейчас...

Он прощался с Клавой — с девушкой, которую впервые встретил вчера под вечер, и с которой стал близок сегодня утром, и которую потерял час назад... Даже не просто стал близок, не только в банально-физиологическом смысле, — Клава прочно заняла все мысли...

На самом-то деле не совсем так, но Кирилл твердил бы и на Страшном суде: да, да, только о ней и думал весь остаток дня, лишь о ней и ни о ком другом, — и не лгал бы, свято уверенный, что так и было. Аберрация памяти.

Аберрация памяти - несознательное искажение воспоминаний под влиянием какого-то наложившегося фактора.

Сколько же событий вместилось, впрессовалось в сутки с небольшим...

А потом Кирилл похолодел от одной мысли, от одного предчувствия.... В полном смысле похолодел, ощутил вполне реальный озноб, словно дело происходило не теплой июньской ночью, а ноябрьской, полосуемой свирепым ледяным ветром...

Утром, на граве, они никак не предохранялись, не до того было, слишком спонтанно все получилось, и он бездумно оставил в Клаве частицу себя. Что, если...

Шанс невелик, но почему-то казалось, что так всё и произошло: в Клаве зародилась, затеплилась новая жизнь... Может, крохотный будущий человечек жив до сих пор, не ведая: та, что должна была стать его матерью, мертва...

Сука-а-а... Псевдобеременная сука... Жаль, что Клава не вырвала колун из твоих ручонок... Жаль, что не твои мозги разлетелись по утоптанной земле.

Надо было прощаться и уходить.

Кирилл всегда считал непонятным и отвратительным обычай — целовать на прощание мертвых. Что за дикость? Того, кто был тебе дорог, уже нет, — так зачем чмокать разлагающуюся органику? Впервые он попал на похороны в девять лет — и с легким ужасом глядел на родственников, по очереди скло-

нявшихся над гробом бабушки Тани... Позже, спустя годы, хоронили отца — и на Кирилла смотрели слишком многие, смотрели с безмолвным ожиданием, пришлось подойти и пришлось наклониться; но мертвый плоти он так и не коснулся, поцеловав воздух в сантиметре от ставшего чужим лица...

Сегодня он понял, **ЗАЧЕМ** это делают. Последний поцелуй — символическая точка. Точка в конце последней страницы книги чьей-то жизни. И ставят ее, когда трудно расстаться, — трудно захлопнуть обложку и понять, что всё навсегда... Что эту книгу ты уже не откроешь.

Последний поцелуй. Точка. Можно опускать гроб в могилу. Можно встать и выйти из домика, отдаленно похожего на баньку.

Он понял, зачем это делают, и сейчас поцелует Клаву. Впервые коснется мертвого тела, не только губами впервые, вообще...

Старые кости в засыпанных блиндажах и воронках не в счет, там всё совсем иначе.

Поцелует... Вот только....

Кирилл — искоса, боковым зрением — мельком взглянул на залитое густой тенью **нечто**, недавно бывшее девичьим лицом. И не одной лишь тенью залитое...

Несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул, словно готовясь нырнуть в ледяную воду. Снова взглянул, и снова искоса, но чуть задержав взгляд...

А затем осторожно, не касаясь тела, расстегнул пуговичку на блузке Клавы. Потом вторую...

Доктор, я некрофил?! Да что вы, что вы, батенька, некрофилия — серьезное отклонение психики, а ко мне приходят со своими проблемами здоровые люди, так что ложитесь на кушетку и начнем сеанс, только стряхните, стряхните сначала с брюк кладбищенскую земельку...

Бюстгальтер она опять не надела... До чего же роскошная грудь... была.

Наклонялся Кирилл очень медленно, происходящее напоминало ему некое таинство, некий отдаленный аналог первого причастия...

Коснуться соска, к которому никогда уже не припадет губами ребенок, казалось кощунством, действительно извращением, — он поцеловал чуть выше, в свод груди, и...

И вскочил, словно подброшенный пружиной.

Грудь была холодна как лед...

ХОЛОДНА КАК ЛЕД!

Он подхватил фонарик, он посветил на часы, он вновь склонился над телом — схватил за руку, приложил ладонь к груди, к животу, к шее — быстро и уже без всякого трепета... Метнулся в угол, поднял колун, к которому до сих пор не подходил.

Кровь на рукояти и лезвии высохла, почти уже не липла к пальцам...

...Он медленно вышел в ночь.

Зачем вам куда-то звонить, Кирилл Владимирович? Лучше пойдите в ближайшую ночную аптеку, и, используя все отпущенное природой обаяние, уговорите провизора отпустить цианид без рецепта, — и выпейте... Или пару упаковок самого сильного снотворного, — и разом проглотите все пилюли... Или, на худой конец, купите большую-большую таблетку от глупости...

Потому что такого идиота свет еще не видывал.

2

Когда погас свет, Рябцев спешить не стал. Ливень хлещет такой, что руку вытянешь — своей ладони не разглядишь.

Да и не старое нынче время, у половины односельчан в подвалах дизельки стоят, а к бездизельным соседям «сопли» поверху кинуты...

Реально шесть домов только обесточилось, жилых домов, понятное дело. Но и в тех жильцы наготове, родительский день, как-никак, — все, что можно, на батарейках да на аккумуляторах... В общем, не резон в ливень нырять, потерпят часок, не маленькие. Ливни в июне не долгие.

Вот раньше, лет двадцать назад, да-а-а... Свет погас, и гадай, когда ставни не выдержат... Кое у кого патефоны еще оставались, тем полегче было, — если, конечно, старой пружине в нужный момент кирдык не придет...

В те времена электрик на деревне и в самом деле первый человек был. А теперь... По привычке, по инерции уважают еще, но... Случись с ним что — перебоятся, до рассвета дотянут...

С такими мыслями он спустился в подвал, дернул за шнур стартера. Дизелек трудолюбиво зафырчал — надежная машинка, немецкая, на четыре кила, да и жрет немного. Рябцев свинтил крышку бачка, проверил солярку: помнил, что вчера заливал, но привычка — вторая натура. Электрики в Загривье лишь раз ошибаются, вроде минеров... Отец вот ошибся, тридцать лет назад...

Стал собираться: кончится ливень, а он наготове. Дизельки дизельками, а работа работой, должен — делай. Работа у нас такая, забота у нас простая, жила бы деревня родная... Да уж...

Натянул кожаный жилет-разгрузку — все инструменты по карманам разложены, в строгом порядке, много лет назад за-

ученном. Руки лишним занимать ни к чему, пусть в городе жэковские дяди Васи с сумками да с чемоданчиками по квартирам ходят.

На груди, поверху, — ряд карманчиков особых, вроде газырей на черкесках, только там патроны сверху вставляют, — а он снизу, натуге, чтоб вдруг не выпали... Это уж не от отца, сам додумался. А поначалу всяко-разно пробовал: и патронташ охотничий, открытый; и к стволам несколько штук снаружи крепил, чтобы совсем уж под рукой... Однако ж так — на груди, донцем вниз — быстрей всего получается, проверено, Зинка с секундомером засекала...

Распихал патроны — неторопливо, осмотрел каждый дотошно. Добрые, штатовские, без осечек бьют, — только вот картечь высыпана, жеребья вместо нее... Старая придумка, дедовская, — но лучше новых работает, куски нарубленного прутка угловатые, насквозь ни один не пройдет, не посвистит дальше без пользы, без толку... Летят жеребья, ежели издали стрелять, не кучно, — так ему ж гусей влёт не бить. А так вот с пяти шагов в руку угодишь — нет руки, в голову — голова долой...

...Ладно, пора бы уж, дождь едва барабанит... Ну, бог в помощь, Петр Иваныч...

Провожать было некому, с Зинаидой восьмой год жили врозь... Еще раз, тем кто в танке: с Зинаидой они **жили**. Но врозь.

Детей растили вместе, да и в койке юность вспоминали не то чтоб редко...

Но... С электриками всякое в Загривье случается... И жила Зинаида своим домом. Да и что не жить, домов у них хватает. В пятидесятые, как деньги почуяли, так уж размахнулись, понастроили... Вот, дескать, Ванятке избу рублю, как женится, так сразу и домом своим заживет... А Ванятке-то пятый год, едва от титьки мамкиной отлип... Однако — строили. Теперь жгут вот...

Выйдя в темноту и запирая дверь, поймал себя:
«они», «почуяли», «жгут»... Уже не «мы», стало быть?
Своим уж себя не считаешь? Смотри, а то...

Не закончил мысль. Обрез словно сам влип в руку. Секунду медлил: ну как **свой**, ну как ошибка... И чуть не поплатился.

Бах! Бах! — два снопа пламени из стволов. Какой там **свой**... И, быстро, на автомате, — переломил, левая рука с патронами уже в пути, зарядил, левой снизу по стволам, а палец уже давит спуск... — Бах! Бах!

И снова, раз за разом: Бах! Бах! — кратчайшая пауза, металлические щелчки единым звуком, слитые воедино, — Бах! Бах!

Тишина. Эхо в ушах. Стволы раскалились, жгут руки. Темное месиво у ног слабо подергивается.

Вот... Вот как у нас нынче-то... Вот вам **свои**, вот вам **чужие**... Разве ж то чужие приволокли, да тут рядышком и прикопали? Сам бы не дотопал, не успел, далековато...

С-суки... Поганые дела. Сейчас не сплоховал, так другим го-дом троих прикопают... Не пожалеют трудов — отыщут, доста-нут, приволокут... И чисты перед **своими** будут, работа уж та-кая у электрика, известное дело.

Устал... Ох и устал... Двадцать лет электриком — укатали сивку крутые горки...

А не Троша ль, часом, подстарался? То-то его старшие второй месяц как с болота ночевать лишь вылезают... Да поди, дока-жи...

Прежде чем идти к гаражу, распихал в нагрудные кармашки новые патроны, запас с собой был еще изрядный. Через пару минут мотоцикл с ревом покатил в ночь. Рулил Рябцев двумя руками, не пижонил, — но обрез висел на запястье правой, на кожаной витой петле... Если что — не сплошает...

Работа у электрика такая.

3

И-ДИ-ОТ...

К такой неутешительной оценке своих умственных способностей Кирилл пришел после лихорадочных и недолгих попыток переиначить, спасти, реанимировать версию убийства, рассыпавшуюся на глазах.

Увы... Такое не реанимируют. Доктор сказал: в морг, — значит, в морг.

Марина не успевала... Никак. Нет, если бы Марина отправилась убивать, едва он вышел к Лихоедовым, — успела бы. Но шли-то они с Трофимом мимо дома Викентия — позже, за Толяном. И Кирилл видел жену на крыльце, и помахал рукой.

Потом уже не успевала — даже если бы помчалась не таясь, прямо по улице, с колуном под мышкой.

А если бы вышла, как первоначально предположил Кирилл, во время его поездки с Генахой, — то не успела бы уже Клава, вернее, ее тело — остынуть до такой температуры... Не январь месяц.

Идиот... Раскрыл, называется, преступление, не сходя с места. Любой приличный Ниро Вульф сначала пошлет Арчи Гудвина прикинуть температуру трупа, а уж потом начнет дедуцировать, не вставая с кресла и пляясь на орхидеи.

Он быстро шагал по бетонке к деревне, и даже не пытался вычислить настоящего убийцу. Есть люди, которым за это зарплату платят. Покопаются среди былых Клавиных хахалей — и найдут.

Кирилл пытался понять другое. Марина не виновата — но его отношение к ней отчего-то не изменилось... Ни на грамм. Ни на йоту. Лишь какая-то досада: и тут упала на четыре лапки, выкрутилась...

Потом понял: и все-таки виновата! Не будь ее дурацкого упрямства в деле покупки загородной недвижимости, не сочини она байку о своей беременности, — Клава осталась бы жива.

Но в тюрьму сядет ревнивый хахаль, а Марина вроде и не при чем... хм... хахаль...

А ведь в цепочку действий, что он выстроил для гипотетического убийцы, хахаль никак не вписывается... Никаким боком. Ну, допустим, увидел он идущего на гравюру Кирилла... Потом Клава прошла в ту же сторону... Ну и что? Чтобы что-то заподозрить, надо было накануне присутствовать при их общении в магазинчике при свиноферме... Ладно, еще одно допущение: никого хахаль не видел, оказался на граве случайно. Шел мимо, приспичило, юркнул в кустики, только штаны спустил, — тут и они с Клавой... Не получается — если припадок ревности, то отчего сразу не выскочил? Если обдуманный план, то... То почему Клаву? Почему не Кирилла? Почему не в морду? Почему колуном? Почему, наконец, лихоедовским или его братом-близнецом? Хм... А потолок низкий... А Клава девушка высокая... была. Возможны исключения, но кавалеры редко выбирают девиц, сильно превышающих их ростом...

Стоп-стоп-стоп... А ведь есть на примете один невысокий гражданин. Владеющий подходящим колуном... Возможно, знаяший от жены про вояж Марины и Кирилла на свиноферму... Способный предположить, что Клава в ходе того вояжа западет на Кирилла...

Трофим Батькович Лихоедов. Так что вы делали с восьми до одиннадцати?

Нелепица... Ему-то зачем?

Возможно, Кирилл и придумал бы какой-нибудь мотив для Трофима, правдоподобный или притянутый за уши. Дедукция, как выяснилось, вешь заразительная.

Но не успел — увидел впереди, на бетонке, что-то непонятное.

И движущееся...

Черные грозовые тучи постепенно рассеялись, сменились пеленой облаков, и ночь стала уже не черной, — серой, обманчивой: можно даже без фонаря разглядеть **что-то**, но трудно понять, **что** разглядел.

Кирилл всмотрелся: нет, не человек, силуэт слишком низкий... И, пожалуй, не собака — слишком массивный. Для деревенских жучек-бобиков массивный, но трудно ожидать встретить в Загривье ньюфа или сенбернара. Может, сбежала со свинофермы мадам Брошкина-младшая? В общем-то, недалеко, почему бы и нет... Или какая-то деревенская скотина... Кирилл вспомнил увиденных утром овец, затесавшихся в козье стадо... Ближние дома Загривья совсем рядом — как из черной бумаги вырезанные контуры, ни огонечка.

На этот раз ломать голову он не стал, хватит на сегодня истории с пугалом. Включил фонарик, посветил. Батарейки изрядно подсели, но и такой свет лучше, чем никакой.

М-да... Не овца и не свинья. Человек. Который, как известно, звучит гордо. Если, конечно, он не нажирается в родительский день до свинского состояния. И не ползет на карачках непонятно куда, напрямик через покрывающие бетонку грязные лужи...

Этот нажрался. Этот полз.

И тут же Кирилла охватили сомнения, традиционные для городских интеллигентов: а вдруг не пьяный? Вдруг у человека приступ? Такой, что человек на ноги встать не может?

Знакомая ситуация, не правда ли?

Лежит неподвижное тело на газоне. Кто-то отводит взгляд, бормочет: «**Нажрался, алкаш проклятый!**», проходит мимо. Потом выясняется: умирал на газоне абсолютно трезвый человек. И умер, потому что никто не вызвал скорую.

А кто-то не прошел, нагнулся с сочувствием, — и ограб три мешка пьяного мата. А то и кулаком в рожу...

Дileмма.

Нет, если ты святой человек, живущий по принципам добра и высшей справедливости, то всегда и к любому нагнешься, и сотне алкашей вторую щеку подставишь, лишь бы одного умирающего спасти... Но все-таки... Неприятно кулаком-то в рожу получать... Болезненно.

И городской интеллигент, оказавшийся в сельской местности, занял выжидательную позицию. Остановился, продолжал светить фонариком на ползущего, благо тот приближался к Кириллу. Спросил негромко:

— Вам плохо?

Молчание. Лишь скребущий звук, словно что-то твердое, жесткое тащится за пьяным (**больным?**) по бетону...

Или хорошо, или так уж плохо, что не до разговоров.

Нет, пожалуй, плохо... Не факт, что от приступа, но... Да чем же он так скребет по бетонке?! Черт, да это же... Нет, показалось, не может быть...

Но через секунду понял: точно, инвалид. Одноногий инвалид.

Хо-хо... Крепко уважили дедушку в родительский день, от души поднесли. Аж протез потерял, если ходил на протезе. Или костили, если на костылях.

Но тут уж надо помочь, хоть и не хочется — изгваздался дедуля грязней грязи. Не иначе как в Сычий Мох заполз, заплутавши.

Кирилл шагнул навстречу, и хотел подхватить инвалида под мышки, и потащить к ближайшему дому, постучаться, а дальше пусть сами...

Он не подхватил инвалида.

* * *

...Рыжий Генаха толкнул его в плечо довольно болезненно. Прямо скажем, без лишней деликатности толкнул. И слова его не грешили избытком такта:

— Чё орешь, как яйца режут? Теща привидилась?
— О-х-х-х-х... Хуже тещи...

Но чем именно хуже, он не стал объяснять, потому что ЗИЛ уже выруливал на пустынное Гдовское шоссе, а там стояла «Газелька» Толянова друга-приятеля, и кустарь-одиночка уже маякал им из окна, словно они могли ошибиться и принять за него кого-то другого... И лишь доставая деньги из барсетки, чтобы рассчитаться за доставленный без обмана трамблер, Кирилл вдруг понял восхитительную вещь: Клава жива! Черт возьми, Клава жива и ждет его, и он уговорит Генку сделать крюк в сторону свинофермы, а если тот закочевряжится, так накинет пару червонцев, и...

Ничего этого, конечно, не было. Вся благостная картинка мелькнула лишь перед мысленным взором.

Если и в самом деле Гена сейчас крутит баранку рядом с задремавшим Кириллом, то ничего он не услышал, — не всегда издаваемые во сне крики вырываются и наяву из уст спящего человека...

Придется как-то просыпаться самому. Вот только где доведется проснуться?

Он очень надеялся, что в кабине ЗИЛа... Кирилл знал точно, стопроцентно был уверен: их поездка с Геной, по крайней мере ее начало, — самая взаправдашняя реальность, хотя за все последующее ручаться уже трудно... Причина была проста: музыка. Кириллу не снилась музыка. **НИКОГДА**. Ни разу. Даже такая дикая, как та, что звучала из Гениного магнитофона. Кирилл

давно обратил внимание на эту особенность своих снов: отсутствие музыкальных способностей настолько полное, что даже «чижика-пыжика» мозг во сне воспроизвести не способен... А вот после того, какозвучала кассета, он вполне мог задремать, спал в последние сутки мало и далеко не спокойно. И нынешний его кошмар ничем не лучше двух предыдущих...

— Полз бы ты отсюда, — сказал Кирилл мертвецу. И отступил на пару шагов.

Да-да, именно мертвецу... Потому что **с таким** не живут. У якобы пьяного якобы инвалида не хватало не только ноги. Но и части мышц грудной клетки, и пары ребер, а еще пара-тройка была сломана, торчала острыми обломками из лохмотьев плоти — не красной, не кровоточащей, а серой и какой-то разбухшей, ноздреватой... По бетону скребла, царапала тоже кость — торчащая из ошметков бедра.

Хорошо хоть мертвец пригрезился Кириллу неразговорчивый. Не хотелось даже представлять, что может изречь этакое создание...

Ну вот, сглазил... Труп, подползший почти вплотную, наклонил голову набок, будто раздумывая о чем-то. Затем широко раскрыл рот. Но вылетели оттуда не слова — вывалилось что-то мерзкое... Казалось, мертвец срыгнул, ввиду ненадобности, один из своих внутренних органов. Но, судя по усилившемуся зловонию, то была просто болотная жижа, забивавшая рот и глотку. Прокашлялся, так сказать. Прочистил горло.

И тут Кириллу пришла шальная, дикая идея. Черт побери, может хоть раз в жизни и кошмар принести какую-то пользу? Он уже достал швейцарский ножичек, и подковырнул ногтем первый попавшийся инструмент, но использовать не спешил. Он захотел **поговорить** с мертвецом. Мой сон, с кем хочу, с тем и болтаю.

— Скажи, ты ведь из третьей ДНО?

Труп ничего не ответил. Даже не кивнул. Хотя и так ясно — ополченец. Остатки одежды ничем военную форму не напоминают, но вот те три бесформенных грязных кома на ремне наверняка были когда-то подсумками с патронами для трехлинейки...

Кирилл уже понимал, что ничего из его дурной идеи не выйдет, но спросил по инерции:

— Ты знаешь, за чем вас послали? Что лежит там, в болоте?

Вместо ответа труп попробовал его укусить. Попросту, без затей, собрался вцепиться зубами в ногу. Все было сделано медленно, заторможено, Кирилл легко успел отскочить, но...

Но пора с этим заканчивать.

Кирилл широко размахнулся и вонзил швейцарский нож себе в бедро. И лишь каким-то чудом удержался от дикого вопля. Боль была чудовищная, но он остался там же, где и раньше. В кошмаре. Рядом с мертвецом, готовым вновь запустить в него зубы.

А потом он услышал музыку — ту самую, «психоделическую» — донесшуюся от ближайшего дома. Услышал и понял все. И с запозданием издал дикий вопль...

По ноге сбегала струйка горячей крови.

Триада девятнадцатая

Он просто не знал как кусаются мёртвые

1

— Вот и всё... Кира теперь меня... — Марина не договорила и зарыдала.

На ее светлых летних брючках, в районе промежности, медленно набухало кровавое пятно. Темное, почти черное, липкое.

Выкидыш...

Все кончено...

ВСЕ КОНЧЕНО! — ей хотелось прокричать, проорать эти слова, кричать их снова и снова, и с каждым криком биться головой о кирпичи печки, — чтобы хоть так уйти, ускользнуть из этой реальности, — **неправильной**, жестокой и несправедливой: отключиться, нырнуть в бесконечное черное ничто...

Не кричала...

Не билась...

Сидела и рыдала — негромко, без истеричных, рассчитанных на публику выплесков. Без подсознательной попытки избавиться от стресса, — той же истерикой.

Рыдала горько и безнадежно, — как человек, для которого и в самом деле всё кончено...

Потом в событиях случился непонятный провал: Марина вдруг обнаружила, что уже лежит на кушетке, полуголая, что ее окровавленные брючки рядом, повешены на спинку стула, — зачем-то очень аккуратно, ни единой складочки... Что ее

трусы бесследно исчезли, а между ног запихана какая-то большая смятая тряпка, чистая и белая, не то наволочка, не то даже простыня... Вернее, не совсем уже чистая. И не совсем уже белая.

На продолжающие кровоточить раны на ноге Марина не обращала внимания.

Для чего?.. Если все кончено...

...На самом-то деле главным кошмаром, главным пугалом в ее жизни был отнюдь не энцефалит. Нет, его брат-кошмар, тоже с греческим именем.

Точно, с греческим, вот она и вспомнила... только зачем?.. — эндометриоз.

Эндометриоз - распространённое гинекологическое заболевание, при котором клетки эндометрия (внутреннего слоя стенки матки) разрастаются за пределами этого слоя. Развивается у женщин репродуктивного возраста.

Даже на слух звучит страшно. Словно грохочут марширующие сапоги — черная форма, черные каски, черные лица, а потом: з-з-з-з... воздух сверлит пуля — прямо в тебя.

Страшное слово. Марина впервые услышала его на двадцать третьем году жизни. А может, слышала и прежде, но тут же забывала, зачем запоминать сложные слова, которые никак тебя ни касаются и никогда не коснутся...

На двадцать третьем... До того кошмар звался иначе:

«тяжелый первый день», или

«болезненные месячные», — и кошмаром не казался.

Мама успокаивала Марину-подростка: пойми, доченька, и не пугайся, — у каждой девушки организм устроен чуть по-своему, у некоторых **это** протекает неприятно, но ничего страшного, не болезнь — легкое недомогание...

Она понимала. Она не пугалась. Ничего страшного, неприятно, но не смертельно, главное, не забыть заранее положить в сумочку или портфель упаковку таблеток; да и в школьном

медпункте всегда относятся с пониманием, однажды Марина даже удачно откосила очень неприятную контрольную по алгебре...

Мамы! Глупые мамы! Никогда не успокаивайте дочек, сразу отправляйте к врачу.

Потом ей не раз говорили: начинать лечение надо было на ранних стадиях. Эх, мама, мама...

Но мама была женщиной старой закалки: насморк, к примеру, не повод, чтобы пропускать учебу. Температуры нет? — капли в нос, и марш за парту! А к врачам здоровые люди не ходят, ходят больные.

И до замужества Марина визитами к гинекологам, скажем откровенно, не злоупотребляла. Скажем еще откровенней: попросту пренебрегала. Зато позже наверстала с лихвой...

В первые месяцы брака они не предохранялись. Не старались зачать, но и не предохранялись. Марина первой заподозрила неладное, Кирюша очень хороший, но совсем не догадливый...

Эндометриоз, буднично сказал их участковый гинеколог, надо лечить. Она не помнила его лицо (сколько же их потом будет!), запомнила пальцы — толстые, с рыжеватыми волосками, с некрасивыми короткими ногтями; запомнила из-за своего возмущенного отвращения: **этим — в меня?!** Понимала — не этим, есть же инструменты, зеркала... есть перчатки, в конце концов, — все равно чуть не стошило...

Надо лечить... И она лечила. Шесть лет.

Кирюша ничего не узнал... Он до сих пор не слышал страшного слова «эндометриоз», или слышал, но тут же забыл, зачем запоминать сложные слова, которые никак тебя ни касаются. Откуда ему знать, что «противозачаточные таблетки», демонстративно принимаемые Мариной, — всего лишь поливитамины, регулярно пересыпаемые в баночку с замысловатым названием на этикетке... Милый глупый Кирюша, он даже не знает, как фасуют настоящие таблетки...

До того приснопамятного визита в консультацию она относилась к вопросу обзаведения потомством спокойно. Не равнодушно, именно спокойно: придет время — рожу; наверное, даже не одного, ни к чему зацикливаться, какие наши годы...

Зато потом... Ох, как приманчив виноград, до которого никак не дотянутся... А вслух приходилось, как той лисе: зеленый! Зеленый!! Зеленый!!! Чужие, в глотке застревающие слова о нормальных людях, живущих для себя и планово рожающих в тридцать пять... Если б знал Кириуша, отчего на самом деле она отдалась от подруг, едва у тех появлялся малыш... Если б знал ее сны, после которых приходилось переворачивать мокрую от слез подушку...

Он не знал. Она боролась в одиночку.

Наверное, надо было сказать сразу... Потом стало поздно. Кириуша рос в многодетной семье, а некоторые жизненные установки приобретаются исподволь, незаметно, на подсознательном уровне, никакие логичные слова про нормальных людей и про тридцать пять лет их не поколеблют...

В последний год (*или даже два*) она чувствовала: все не так, как раньше, Кириуша *другой*.

* * *

И знала, в чем причина...

И очень боялась: он догадается, и все у них кончится.

Она обязана была успеть, пока он не разобрался, не понял, отчего его вдруг неосознанно, инстинктивно потянуло к глупым сисястым клушам, глупым, но способным рожать...

Лечение затянулось — начали поздно, и наложилась еще одна болячка, сущий пустяк, но получилось нехорошее сочетание, не позволявшее применить многие методы...

Марина успела. И не уберегла...

И все теперь кончено.

Ей хотелось рыдать, и она рыдала, но все когда-то заканчивается, прекратились и ее всхлипывания, и лишь слезы беззвучно катились по лицу...

Она уже не ждала Кирилла с нетерпением. Она страшилась его прихода.

Простыня, засунутая между ног, напитывалась кровью.

2

Мертвецы были всюду... Все Загривье кишело ими — медлительными, зловонными, распухшими, тяжело шагающими трупами.

Всюду... И все стремились к нему, Кириллу... Неторопливо стремились, он пока легко опережал их, легко уходил в отрыв — но на пути, словно из-под земли, вырастали новые... Впрочем, что значит «**словно**»? Из-под земли, из-под топкой болотной земельки...

Неизвестно, способны ли думать мертвые мозги. Большой вопрос, способны ли они даже к самой банальной, присущей животным, хитрости. Когда на тебя идет охота, лучше такими вопросами не озадачиваться. Лучше оставить их будущим поколениям исследователей.

Но Кириллу, в панике мечущемуся по Загривью, казалось: мертвецы хитры, неимоверно хитры. Существенно уступая ему в скорости, они всякий раз преграждали путь, заставляя сворачивать, бежать в другую сторону, порой назад, терять выигранное расстояние и время...

На самом деле все было не так. Если бы кто-то в тот момент взглянул на Загривье с высоты птичьего полета, обладая соответствующейочной оптикой, картина предстала бы иная... Несколько десятков темных силуэтов двигались по деревне достаточно бессистемно, тыкаясь от одного дома к другому. Их притягивал запах живых, но одновременно отпугивали и отталкивали доносящиеся из-за запертых ставень звуки. На Кирилла мертвецы реагировали, лишь когда он оказывался достаточно близко. И все-таки в их хаотичном движении некая система просматривалась. Потому что на одном-единственном доме в Загривье ставен не было. И «**музыка**» в нем не звучала.

Оказавшиеся поблизости мертвецы дальше уже не спешили, постепенно скапливались у дома Викентия Стружникова. А со стороны Сычего Мха подтягивались запоздавшие...

Как только выдавалась возможность, Кирилл стучал в двери, в окна, кричал, умолял впустить, угрожал, требовал, снова униженно умолял... Черт раздери, есть же тут нормальные люди?! Не замешанные в мертвячей свистопляске?!

Похоже, нет таких...

Он не смотрел на часы, но казалось, что эти сумасшедшие пятнашки с трупами продолжаются бесконечно долго... Стоит подумать, как их завершить, раз уж мозг кое-как смирился с новой реальностью и вновь стал способен мыслить...

Поначалу мыслей не было... Ни одной... Лишь инстинктивное чувство: бежать, бежать, бежать... И он бежал... А сейчас практически не мог восстановить в памяти подробности того безумного бега. Не помнил, где потерял фонарь и швейцарский нож... Не помнил, как и когда лопнула под мышкой куртка... Куда делась барсетка с деньгами, ключами и документами, тоже не имел понятия...

Но до утра ему не пробегать... На свою беду, он слишком энергично пытался проснуться... Зацепил какой-то кровеносный сосуд. Не бедренную артерию, но достаточно крупный... И кровотечение продолжается до сих пор... Торопливо наложенный жгут из брючного ремня делу не помогает, постоянно сбивается... Рано или поздно кровопотеря сделает свое черное дело.

Так что думай... Главный твой козырь не ноги — мозги. Хотя нет, внутри мертвых черепов тоже что-то болтается... Скажем так: способные мыслить мозги. Думай...

В дом Викентия стремиться незачем. Туда сегодня наверняка стремятся слишком многие... Марина, без сомнения, уже получила свое, получила сполна и за всех — за него, за Калишу, за

Клаву... Он и сам-то жив лишь потому, что волею случая встретил ночь вне дома-ловушки...

А ведь его спасла Клава, понял Кирилл. Мертвая Клава... Если бы не она — успел бы вернуться до пришествия болотных тварей, пусть и под ливнем... И сдох бы рядом с Маринкой.

Впрочем, пока не спасла... Далеко не спасла...

И надо что-то делать, если хочешь дожить до рассвета. Хватит бездумно метаться, искать помощь, которой нет и не будет.

Не для того их сюда заманили, чтобы помогать. Не для того сломали машину (**кто б теперь в том сомневался?**). Не для того убили Клаву — останься жива, спасла бы его по-настоящему, в домике-зомбоубежище, какое там гнездышко любви, не смешите...

А теперь спасайся сам. Самостоятельно. В одиночку.

Вариантов немного. Собственно говоря, один. Убежать как можно дальше от Загривья, затаиться, залечь, как следует перевязать рану. И дожить до рассвета.

Убежать — но куда? Кто там говорил, что у беглеца сто дорог, а у погони — одна? Сюда бы этого умника, в Загривье, на одну ночку...

На запад и север нельзя, как раз через гриву прут с болота мертвяки... На юг, в поля? Опять тащиться через всю деревню... А ведь безучастие местных может оказаться не беспредельным... надоест упрямство беглеца, да и пальнут из дробовика в спину. Отложим вариант про запас...

Остается восток... Но там кладбище... Не стоит... Бутербродики крохотные, на один зубок...

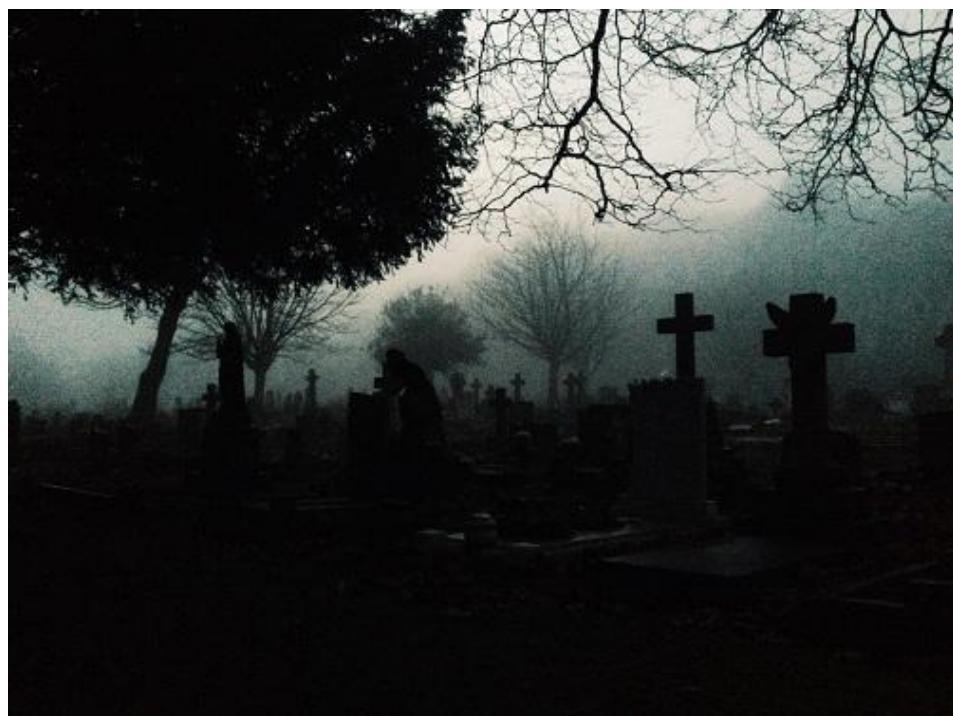
И тут он даже сбился с ноги... Понял, что значили найденные Маринкой зубы... Не Викентий их вынимал да складывал... Ему их выдрали другие, уже мертвому. Обычай тут такой — хоронить без зубов.

Умно, ничего не скажешь... Предусмотрительно. Хотя можно, как Юрок-ангелочек — косточки колуном в мелкую крошку. Но это лишь с крысами. С родителями негоже...

...И все-таки он угодил к кладбищу, несмотря на то, что собирался обогнуть его дальним обходом, выйти к Рыбешке, пересечь ее вброд, затаиться где-нибудь на том берегу — хоть какое-то лишнее препятствие для бродячей нежити...

Не сложилось, выбранный путь преградили какие-то вовсе дикие буераки, кучи камней чередовались с глубокими рытвами, но все неровности скрадывали густые заросли бурьяна, бежать невозможно, идти нормальным шагом тоже, даже медленно пробираться без фонаря проблематично...

Волей-неволей он оказался на холме, с которого открывался вид на погост. Слабый, вытягиваемый рефракцией из-за горизонта свет летней ночи не попадал туда, протяженная котловина тонула во мраке. Но вошедшей в поговорку кладбищенской тишины здесь не было и в помине. Ночь переполняли звуки...

Именно **переполняли**, сливаясь в один мегазвук. Не были слышны отдельные скрипы либо шорохи, в воздухе стоял ровный гул, идущий отовсюду и ниоткуда. Никакого движения во мраке различить не удавалось, но казалось, что движется сам мрак — пульсирует, перекатывается волнами. Кладбище **жило** своей жизнью — если такой глагол применим к месту, созданному для мертвцевов и мертвещами населенному. Но, подумалось Кириллу, отдельных мертвцевов тут и не было. Ни относительно свежих, сумевших выдраться из объятий земли и плутающих в лабиринте свастик... Ни истлевших, разложившихся, способных лишь слабо шевелиться в могилах... Не было. Огромный единый мертвый организм жил своей **не-жизнью** — единственную ночь в году, когда был способен к этому...

И вот тогда разум Кирилла дал трещину... Именно там и тогда... Непонятно, вроде бы мертвец, ползущий к тебе на карачках или шагающий во весь рост, — куда более разрушительное для психики зрелище...

Но, может, и нет тут ничего непонятного... Может, есть-таки польза от бесконечных фильмов-ужастиков — все, что может предстать глазу гнусного, мерзкого, отталкивающего, ты уже видел на экране и получил некий иммунитет...

А вот ауру **таких** мест киношники передавать не умеют. К счастью.

Как бы то ни было, мозг Кирилла дал трещину именно здесь и сейчас.

К речке он не пошел. Вломился в кусты дикого малинника, забрался далеко, как можно дальше от кладбища, не обращая внимания на колючки, раздирающие одежду и тело. Выбрал крохотную прогалинку, опустился на землю. Он дождется рассвета здесь.

С Кириллом творилось нечто странное...

Нет, не так... Странное творилось и с ним, и с окружающими давно, с самого приезда в Загривье... А сейчас, когда рядом про-

исходило уже не то что странное — кошмарное и непредставимое — на него странно отреагировал мозг Кирилла.

Кириллу стало **смешно**.

Представить трудно, но **сейчас** все происходящее вокруг казалось ему неимоверно смешным... Сработала какая-то защитная цепь в мозгу. Предохранитель, спасающий от безумия... Люди зачастую реагируют одинаково на противоположные раздражители: сильный холод обжигает, а сильный ужас порой вызывает истерический хохот...

Вслух он не хохотал... Пока не хохотал... Но мысленный процесс явно шел по нарастающей. Так примерно:

Ну и что там говорил о трупах Билли Бонс? Мертвые не кусаются? Ха-ха, да он просто плохо знал мертвецов, он швырял их в море, привязав к ногам пушечное ядро, и быстренько уплывал с того места, — предусмотрительно, но есть способы лучше, — выдрать перед похоронами зубы, и сложить в бронзовую шкатулочку, беззубый рот кусает не больно... Они ж не со зла, они всего лишь хотят кушать, не часто, раз в году, много ли мертвому надо, живые куда прожорливее... Беззубые рты будут долго-долго мусолить кусочек сырого мяса, до утра, до рассвета, потом — снова в землю, до следующего родительского дня... Тут какой-то приезжий чудак недоумевал, отчего на погoste не растут кусты и деревья? Хе-хе-хе-хе... Куст малины засыхает, когда под его корнями роется один-единственный крот... А если десять тысяч? А если не кротов?

И совсем неважно, откуда все пошло и как все началось... Объяснений может быть масса... Куча... Груда никому не нужных объяснений...

До рассвета долго, и до рассвета не надо никуда ходить, до рассвета тут ходят другие, и пусть себе ходят, а он тихонько полежит в колючих кустах, никого не трогая, и его трогать не надо... Он не вредный, он не опасный, этот лежащий в кустах человек, он всего лишь занят невинной такой интеллектуаль-

ной игрой — сочиняет ответы на вопрос: отчего по земле бродят мертвецы? Именно здесь? Именно в этот день?

Ну, например... Например, отчего русские сказки так упорно твердят о живой и мертвой воде? Сказка ложь, да в ней намек, — намек на жившую здесь когда-то чухонскую народность водь... Водь — вода, что может быть проще, правда? Толстый такой намек и прозрачный... И было у той народности святилище, болотце типа священное, Сучий Мох называлось, потом картографы в Сычий перекрестили, для благозвучия... А в том болоте — два озерца небольших таких, кругленьких, вовсе уж священно-сакральных, в топях укрытых, лишь Главный Водский Жрец дорогу знал, перед смертью преемнику на ушко шептал... Ну а вода в тех озерцах понятно какая... Сюда-то и летал ворон с двумя скляночками для Ивана-царевича... Дальше сказку рассказывать? Намек вроде уж вылез, как шило из мешка...

Что? Не актуально — Иваны-царевичи в наш технотронный век? Посовременней бы? А легко: эйн-цвэйн-дрэйн! Бегемот, делай! Маэстро, урежьте марш!

Значится, так... Давным-давно, в далекой галактике, бушевали... А может, вполне даже недавно... А может, в соседней галактике... Да почему бы и не в нашей? — чай, не хуже других... Но бушевали: лазеры, станнеры, бластеры, скорчеры, фазеры, мазеры, патеры, ностеры... короче, все горит и взрывается. Убитых — миллиарды. И раненых — миллиарды. А раненых надо лечить. Да что там раненых — у нас галактика продвинутая, у нас и убитых лечат — и в строй, если, конечно, не скорчером тело на атомы распылили и не патерностером мозги дотла выжгли... И, короче, небольшой военно-полевой реанимационный госпиталь — мертвых воскрешать, и вообще (*летучая такая тарелка на восемь тыщ койко-мест*), — рухнул в болото здешнее, то ли трамблер у них накрылся, то ли еще беда какая...

Он сжал пальцы в кулак, отвел как можно дальше — и ударил себя в лицо. В правый глаз. Изо всех сил.

О-у-у-у-х...

Еще? Добавить?

Пожалуй, хватит... Бессвязный поток идиотских мыслей прекратился. Мысленный понос иссяк. И все происходящее перестало казаться смешным.

Тебя убьют, сказал он себе. Без вариантов. Тебя привели сюда не для того, чтобы ты ушел. И не для того, чтобы ты привел сюда кого-то еще. Ты просто-напросто бутерброд: огромный бутерброд с огромным шматом сырого мяса. И, вдобавок, — громадный стакан свежей крови... И все это оставлено на столике — не для родителей, для левых, чужих мертвецов, не тронутых тлением в своей болотной жиже, сохранивших полный комплект зубов...

И если хочешь, чтобы тебя не сжевали, не выхлебали, — думай. Пойми, что здесь творится, — без хаханек, без Иванов-царевичей. Пойми и найди слабое место во всей бесовщине... Вычисли, где кнопка, способная остановить взбесившуюся карусель мертвецов. Думай, ты сумеешь. Или умрешь...

И он стал думать.

Всерьез, без хаханек.

3

Был у Кирилла не то чтобы приятель, скорее неплохой знакомый, — некий Антон Райзман.

Ну да, еврей... кто ж в этом мире без недостатков... И даже немного гордился своим довольно-таки условным еврейством, — хоть и не знал ни слова ни на иврите, ни на идиш, да и о вере предков имел смутное понятие, будучи стопроцентным атеистом-агностиком. Но — еврей, все-таки некая **особость**: кто-то вот на «мерсе» катается, а я хоть чуть, да богоизбранный...

Так вот, Антон тоже писал на военно-исторические темы, причем профессионально, как журналист-профессионал, не как историк. И оттого его статьи, по мнению Кирилла, зачастую грешили поверхностностью и верхоглядством.

Однако время от времени они общались, и не только в интернете — с Антоном было интересно поговорить, рассказчик идеальный, умело сплетающий нить рассказа: все лишнее отсекал, все нужное не забывал помянуть... Писал он не про одни лишь загадки минувшей войны — но и про тайны советско-американской космической гонки; и про оккультные науки в СССР, — громогласно осуждаемые, но негласно развивающие с одобрения самых верхов...

В тот раз — на квартире у Кирилла, под армянский коньячок — разговор зашел о воскрешении мертвых.

Чушь? Ерунда, достойная внимания лишь авторов голливудской бредятины? Может и так...

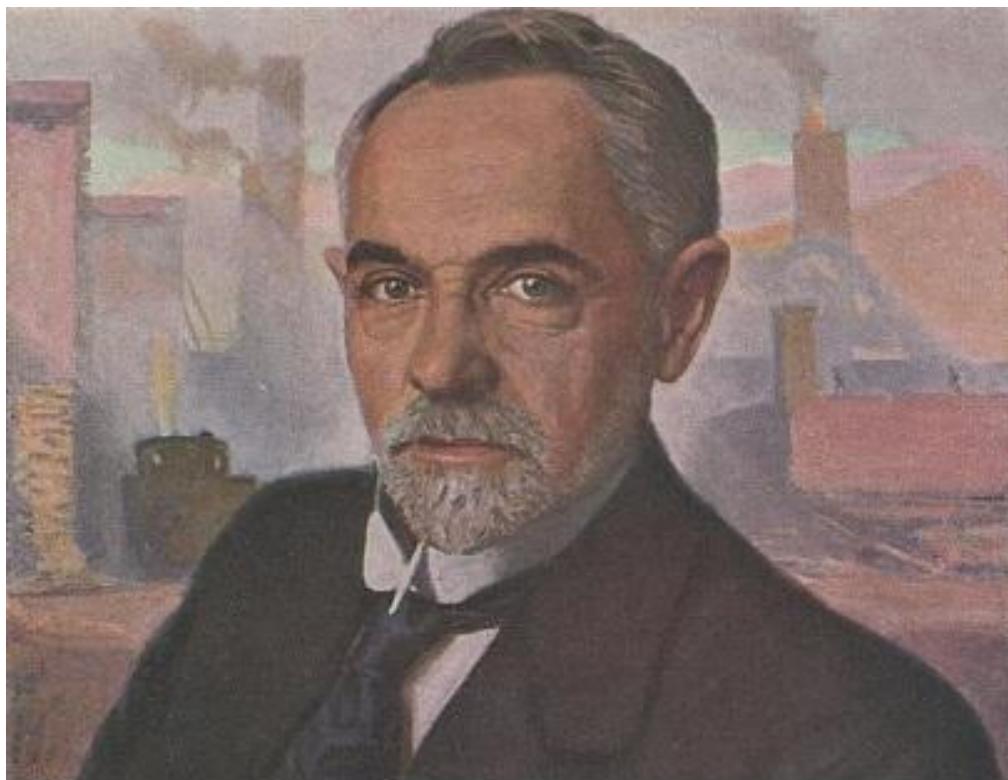
Но, по мнению Антона, люди, вставшие во главе молодой Советской России, материалистами были весьма условными. Скинув боженьку с пьедестала, вечно норовили впихнуть туда кого-нибудь или что-нибудь: обожествить теорию Маркса, или ее

создателя, или самих себя, на худой конец... Ну и матушку-науку, понятно — уж ей-то точно приписывали самые божественные черты: всеведение, всемогущество, всеблагость... И чудес от нее ждали как минимум божественных, а то и покруче...

Пример: девятнадцатый год, холод, голод, белые наступают — а в Москве собирают ученых-физиков. И объединяют в организацию с чудным названием **Компоат**: вот вам теплое обще-житие, вот вам усиленный паек, что еще потребуется — пишите в Малый Совнарком, предоставим. А вы работайте. Изобретайте. Цель: создать бомбу. Ядерную. Срок: два месяца, дольше никак, белые наступают. Сами же писали в статьях, какая великая сила в уране да в радио сокрыта, — вот и изобретайте, товарищи бывшие профессора и приват-доценты. Что там хлеба, что там рыбы...

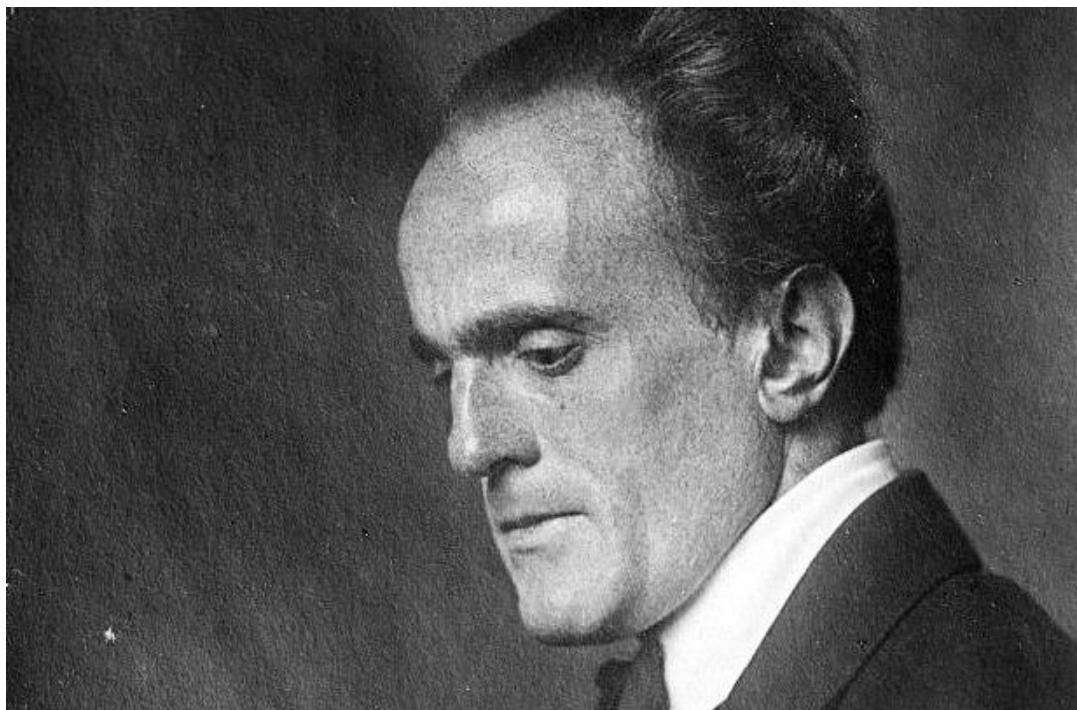
С воскрешением мертвых та же история. Нет, нам мелкие некромантские фокусы с воскресшими сотниками Лазарями не нужны, мы казачьих сотников к стеночке, хоть Петры, хоть Павлы, хоть Лазари... Но вот пламенным революционерам, в Кремле ныне сидящим, личное бессмертие не помешает.

А потом умер самый пламенный из революционеров. Тот, картавый, с добрым прищуром... И товарищ Красин с товарищем Дзержинским тут же ставят вопрос: как же мы без вождя-то? И сами же отвечают: воскресим! Кто такая старуха с косой против воли миллионов пролетариев? Против мощи пролетарской науки? Товарища Красина (*человека и ледокола*) и товарища Дзержинского (*человека и паровоза*) поддержал товарищ Сталин (*человек и генеральный секретарь*), — а вы, вдова, отойдите в сторонку, ваш мертвый муж не ваша личная собственность — достояние всего прогрессивного человечества.

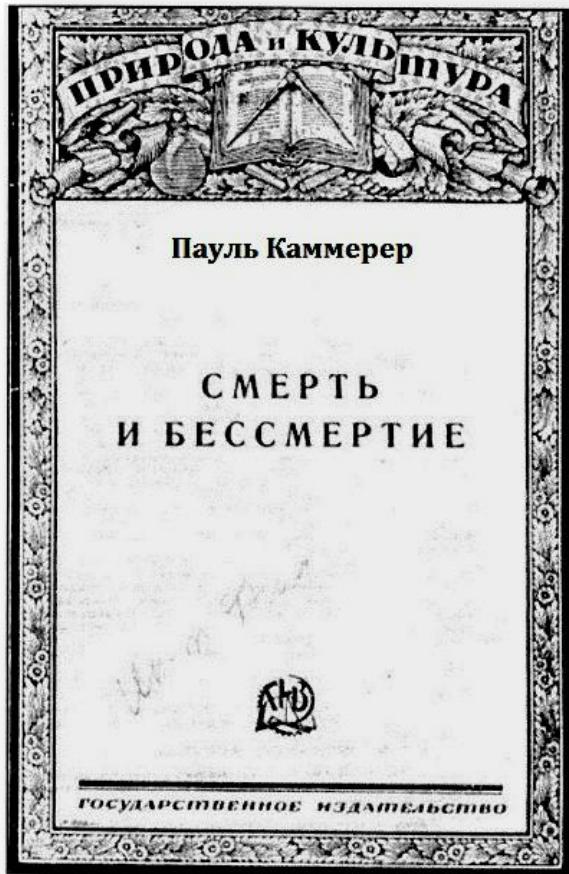

Товарищ Красин

Своих специалистов не нашлось. Не беда, выписали иностранного консультанта — немецкого профессора-парабиолога Пауля Каммерера, черного оккультиста и автора книги «Смерть и бессмертие». Воланда помнишь? — хитро прищурился Антон за линзами очков. — Был, был прототип, и не тот, что с хвостом и рогами... Они ж все открыто, не скрываясь, делали. Статья в «Правде»: крупный, мол, ученый, борец, дескать, с буржуазной лжен наукой. Митинги по заводам: воскрешу, клялся профессор через переводчика, и не только дорогого Ильича, — всех павших за светлое будущее. Когда из земли встанут миллионы советских мертвцев, это будут самые пролетарские, самые революционные мертвцы в мире! Щенок наш Грабовой... Шавка мелкая.

Пауль Каммерер

Но дальше все пошло наперекос... Не с воскрешением мертвых — с разговором Кирилла и Антона. Нет, разговор-то продолжался, и даже становился все более интересным и оживленным, в баре нашлась еще одна бутылочка коньяка... В общем, слегка они перебрали в тот вечер. И многие имена и подробности не задержались в памяти Кирилла. Он фамилию-то Каммерера, если честно, запомнил по ассоциации с персонажем любимых в юности книжек...

Вспоминались остатки, обрывки: вроде еще раньше и от старика Бадмаева добивались почти того же, — воскрешающей пилюли, и Богданов в своем институте проверял, что выйдет, если кровь живого мертвецу перелить... И Бокий со спецотделом ОГПУ в стороне не остался... Вполне вероятно, что Дзержинский, как инициатор темы, даже загранотдел своей конторы подключил: Гаити не дальний свет, в конце концов...

Что черный оккультист, ставший красным некромантом, — проще говоря, Каммерер — Ильича не воскресил, понятно. Даже если б мог — не дали бы. Уже через пару лет никому в Политбюро не улыбалась такая картинка: дверь распахнется, и на их заседание ввалится самый человечный человек: ну, как вы тут без меня? Нет уж, пусть вечно живой, — но в Мавзолее. А второе пришествие мессии-вождя — как-нибудь попозже, к всеобщему коммунистическому воскрешению поближе. Вот как будет повергнут антихрист-капитал, как утопим дракона частной собственности в огненном озере — тут уж, ясное дело, Ильича в сверкающих белых одеждах, да на горний престол, как же без него... А пока погодим, на кошках потренируемся.

Остался ли Каммерер в России, были ли у него ученики, Кирилл не мог сейчас вспомнить. Знал бы, как все обернется — включил бы диктофон при первых признаках опьянения, потом послушал бы на трезвую голову...

Но главный факт это никак не меняет: работы по воскрешению мертвых в СССР велись. Всерьез. С размахом.

А теперь версия уже Кирилла. Своя, оригинальная. Вполне логичная.

Итак:

Дело иностранного консультанта продолжалось и в тридцатые... Не с тем уже энтузиазмом, но продолжалось. Исследовательский центр — где-нибудь в бывшем монастыре, под Гдовом. Не слишком щедрое финансирование; иногда — доклады на стол товарища Сталина.

Товарищ Сталин результатам не радовался: половинчатые и не убедительные... Туповаты получаются воскрешенные товарищи, и медлительны, и не мировую революцию на уме имеют, а чисто мелкобуржуазный интерес: мясца сырого откусить, да с кровушкой... А у страны с животноводством проблема: перерезали вредители, кулаки с подкулачниками, скотину, — лишь бы в колхозы не вести. Ну, кулаков-то ликвидировали как класс, но проблема осталась. Маловато мяса в стране, живым едва хватает. Так что полежите еще немного, дорогие павшие товарищи...

Однако тему товарищ Сталин не прикрывал: вдруг какой прорыв наметится?

А потом наступил сорок первый. И все изменилось. Разгром, немцы прут вперед, кадровой армии почти не осталось, за любую соломинку хвататься приходится... И те десятки и сотни тысяч убитых, что с июня по лесам у западных границ лежат, ох как пригодиться могут... Ничего, что медлительные, ничего, что тупые, — зато много. Ничего, что мяса сырого хотят, не наше уже мясо вокруг, немецкое... Пока Гитлер эту беду в своем тылу расхлебает, мы хоть дух переведем, хоть фронт стабилизуем...

И грузовики — в Гдов, в старый монастырь: эвакуация! Аллюр четыре креста!

Не успели... Чуть-чуть не успели... Остался товарищ Сталин без мертвых дивизий, живыми пришлось обходиться. А секреты гдовских алхимиков канули в болоте под Загривьем.

Почему мертвецы лезут из Сычего Мха лишь раз в год, в конце июня? Это уже вопрос к профессору Каммереру... Может, им для успешного процесса световой день такой нужен, один из самых длинных в году. Может, грозы июньские виноваты. Может, еще фактор какой наложился...

Что же столь ценного было в спасаемом, да не спасенном оборудовании для воскрешения мертвых? Или среди реактивов, служащих той же цели? До чего добрались потом загривцы, и за что они платят в родительский день жизнями приезжих чужаков?

Да какая разница, собственно... Платиновые ступки с алмазными пестиками, для измельчения красной ртути, — чем не вариант... Или, например, другой...

Другой вариант Кирилл продумать не успел.

Услышал, как кто-то шумно ломится к нему сквозь заросли дикого малинника.

Триада двадцатая

Чужой среди своих

1

Кирилл бежал по главной и единственной улице Загривья. Он опять оторвался, хоть и с большим трудом, — шум погони не слышен...

Но самое главное — он разгадал загадку, он сумел...

Решил простую такую задачу: как оставаться живым? Как остановить кошмар?

Нашел ответ на ходу, на бегу, — в буквальном смысле на бегу, после того, как мерзкие твари согнали его с лежки в колючих кустах возле кладбища...

Почему, кстати, согнали? Выследить не могли, оставил их далеко позади, сил тогда хватало, еще хватало, это сейчас нога все хуже слушается, все чаще спотыкается и подlamывается...

Выследить не могли. Значит — почуяли, значит, они издалека чуют свежую кровь, свежее мясо... Возможно, за километры... И вариант с ночным марафоном к Гдовскому шоссе — не проходит. Даже если случится чудо, даже если его у самого поворота на Загривье поджидает, как рояль в кустах, попутка, — не проходит. Не добежит, ослабеет от кровопотери, без сил рухнет на обочину, — и услышит приближающийся мерный топот... И всё для него закончится.

Чем все закончится для Марины, что сейчас происходит в доме Викентия, — он не брал в голову. Если и задумывался мимолетно, то ответ был один. Короткая емкая формула, пришедшая в голову на бетонке, ведущей к свиноферме: **хер-то с ней!**

Ее проблемы — это ее проблемы. Проклятая сука по своей воле влезла в здешний кошмар, да еще и втянула его, Кирилла, — пусть выпутывается, как знает. Давай, давай, выпутывайся! Когда в окно полезет зомбяк, вцепись-ка ему в член коготками! Вмажь-ка ему в морду, как вмазала бедной Калише! Слабо, сучка?!

Он знает, как спастись, — но в лодке место для одного, балласт за борт... За борт, любимая, за борт, в болотную жижу, — попробуй-ка подышать ею, у некоторых получается... В Сучьем Мху испокон топили сук, не живут сычи на болотах...

Ответ к этой задачке прост... Не хочешь тонуть — схватись за спасательный круг. Если он есть под рукой, понятное дело, если тебе его бросили.

А ему бросили. Ему — не ей, не расфуфыреной кикиморе, — бросили! Бросила личность, сидевшая на бревнах у магазина. Дьявол в засаленном ватнике с обрезанными рукавами.

Стань **своим**, сказал дьявол. Стань своим и все будет хорошо, и не придется, как загнанной дичи, метаться во тьме, истекая кровью, — сиди спокойно за крепко запертыми ставнями, слушай отпугивающую мертвцевов музыку, она не очень благозвучная, но ничего, привыкнешь.

Иди домой и думай, сказал дьявол, — Кирилл пошел, и много думал, и понял, что готов стать своим он всегда хотел стать, да всё не складывалось, все мешало что-то...

Он спешил к магазину в дикой, иррациональной надежде: дьявол еще там, сидит на бревнах. И Кирилл станет хотя бы на эту ночь, хотя бы до рассвета.

Никто там, естественно, не сидел.

И где искать дьявола, Кирилл не представлял. Ваше решение задачки, молодой человек, остроумное и даже правильное, — но увы, время экзамена истекло. Незачет. Двойка.

Он рухнул на бревна — ноги не держали. Застонал от обиды, от горького разочарования. Делать нечего, будет сидеть здесь, и пытаться восстановить силы... А потом опять побежит...

И тут же вскочил. Рябцев! Тот явно им сочувствовал, и пытался предупредить, уберечь от беды, пусть и не раскрывая карты... Но самое-то главное: он знает, где Рябцев живет! Сам сказал: тут, рядом, за два дома...

Наверняка неспроста сказал — еще один спасательный круг, который он, дурак и слепец, умудрился не заметить и про который едва не забыл.

Он торопливо поковылял в ночь... За два дома... По левой или правой стороне? Неважно, сделает две попытки...

И тут с ним произошла странная вещь... Кирилл уже почти привык к странным вещам, происходившим сегодня, но все же удивился... Он ощущал сильный голод. Самый что ни на есть прозаический голод. Вот и рассказывайте басни про стрессы, не дающие разгуляться аппетиту... Конечно, с обеда времени прошло изрядно, но чтоб так проголодаться... Казалось, он не ел сорок дней, сорок лет, сорок жизней... Загадочная штука наш организм.

Две попытки делать не пришлось, первая же оказалась удачной. Торопливый громкий стук — и вместо привычного мертвого молчания, вместо привычной скребущей музыки — голос где-то в глубине дома.

Кирилл кричал что-то, захлебываясь, сбиваясь с мысли, сам понимая, что из его невнятных криков трудно уразуметь, зачем ему нужен Рябцев.

— Глу-пый, — прозвучал знакомый голос рядом, за дверью. — Электрик он, понял, нет? На работе сейчас, туда и шагай.

Ну вот... Кто ищет дьявола, тот всегда находит.

Он уже не кричал, говорил — но так же сбивчиво, так же невнятно, говорил долго, а потом замолчал, потому что сказать было больше нечего.

— Глу-пый... — сказал дьявол скучающе, равнодушно. — А кто глупый — тот, почитай, мертвый.

Кирилл понял: ему не отопрут. Наивно было мечтать... Дьявол может посулить что угодно. Но лишь глупец поверит посулам.

— Мертвый... Глупый... — медленно повторил Кирилл, словно пробуя слова на вкус. А потом у него мелькнула странная догадка, но не более странная, чем все происходящее.

— Вы нас убили... Мы мертвы... Вы нас отравили сразу по приезду, или задушили в первую ночь... Зная, что мы тут же воскреснем... Умно... И мне не войти в эту дверь, через ваши проклятые свастики, даже если б был лом или топор...

— Дурак...

Дверь распахнулась. Кирилл оказался в прямоугольнике яркого света, зажмурился. Что-то мелькнуло и упало под ноги. Он глянул сквозь щелочку сомкнутых век: топорик. Плотницкий топорик с обмотанной изолентой рукоятью — не абы как, с выемками под пальцы. Только лента черная.

— Вот тебе топор... Ну и?

Дьявол стоял, широко расставив ноги, демонстративно перекрывая дверной проем. А на пороге — знакомая кудлатая собачонка, шерсть вздыблена, рычит негромко, угрожающе. Впускать его не собирались.

Он наклонился, опасливо коснулся рукояти плотницкого топорика...

Зачем... Зачем ему это дали... Швырнули вот так, небрежно, — как будто отец кинул свой рабочий инструмент сыну: поиграйся, только не плачь?! Зачем? Чтобы рубанул хозяина, ворвался в дом, заперся? Как же... Ляжет на пороге с простреленной головой, только и всего...

— Но вы же... сами... — промямлил Кирилл. — Ну, что... **СВОИМ**

* * *

— Просрал ты все, что смог, — жестко ответил дьявол. — Бабу не уберег, и вторая там щас одна помирает... Иди. Туда, к ней. И ду-у-у-май...

— А-а-а... о чём...

— Утомил... Про жисть думай, про смерть тоже... Потом приходи, глянем, что надумал.

— И вы меня... правда...

Дьявол перебил:

— Кабы я знал, парень, что есть правда... Иди!

Дверь захлопнулась — резко. Прямоугольник света исчез, Кирилл оказался во тьме.

Стоял неподвижно несколько секунд. Потом услышал приближающийся неторопливый топот... Повернулся, спустился с невысокого крыльца и побежал — очень медленно, сильно хромая.

...Человек, оставшийся по ту сторону двери, опустил взгляд — кудлатая собачонка по-прежнему стояла в напряженной позе, вздыбив шерсть на затылке.

— Эх ты, вояка... — вздохнул человек. — А грозы-то забоялась, спряталась, будто и нету...

Он повернулся, пошел в глубь дома — шаркающей походкой, приволакивая ногу. Вернее, не ногу, — заменяющий ее ниже бедра протез.

У стола постоял, словно забыл, зачем сюда шел. Поднял руку к виску, лицо страдальчески кривилось... Задумчиво взял бутылку с портвейном, наклонил, багровая струя полилась в стакан. Затем пальцы разжались, бутылка выскользнула, полетела к полу — и расплескалась красной, как бы кровавой лужей, и разлетелась осколками стекла.

Собачка отпрянула. Человек, казалось, и не заметил: стоял, смотрел куда-то в видимую только ему даль... Потом присел на табурет — неловко, в три приема, осторожно и далеко вытянув то, что заменило потерянную ногу... Собачонка тут же подошла, привычно устроилась рядом, положила голову на протез. Человек взял стакан, пил долгими глотками, не чувствуя вкуса.

Он ненавидел этот проклятый день проклятого месяца июня. Ненавидел...

2

Свечи догорали, и гасли одна за одной, и становилось все темнее... Марина временами слышала какие-то звуки, какое-то непонятное движение, не то на улице, не то за стеной, и каждый раз звала: Кирюша, милый, это ты? — но он не отзывался, и она понимала, что опять ошиблась... Затем послышался звон бьющегося стекла, затем (через несколько секунд, или через целую вечность) заскрипела дверь — громко, явственно — дверь в сени, она сама не заперла ее, не заперла после того, как собралась было за сковородкой, и это хорошо, потому что встать и отпереть Кирюше она уже не сможет, сил нет, вытекли вместе с кровью, но он пришел, он жив, и это главное, и все у него будет хорошо; она вновь позвала его и вновь не услышала ответа, и поняла — снова не он, и даже поняла — кто; но опять ошиблась, в дверь проскользнула не Маришка Кузнецова — высокая, темная фигура; Калиша?! — изумилась и обрадовалась Марина, — как хорошо, что ты пришла, Калишка, спасибо...

Калиша неслышно шагнула к ней — темный силуэт в темной комнате.

...прости, Калишка, шептала она беззвучно, прости, я, я... я дура, я ничего не понимала, а думала, что понимаю, думала, что ему хорошо со мной, и с другими хорошо быть не может, я люблю его, пойми, люблю очень-очень, а теперь все кончено, навсегда кончено, и он никогда меня не простит, никогда-никогда, и я сама во всем виновата, что уродилась такой ни к чему не пригодной, никчемной и ненужной, не способной сделать главное, что должна сделать в жизни женщина, я виновата, и он не простит, и будет прав, так прости хоть ты, Калишка... что ты, милая, ласково сказала Калиша, наклоняясь и при-

коснувшись к ее руке, я давно тебя простила, я простила всех, кто живет, кто жил и будет жить, простила один раз и навсегда; нет плохих людей и всем случается ошибаться, а сейчас пойдем отсюда, нам пора, нас ждет Маришка Кузнецова, она ведь не умерла, ты не знала? Она не умерла, она выросла и стала очень красивой, почти как ты, и ждет нас, вам надо многое рассказать друг другу, разговор будет долгий, всю ночь, до рассвета, пойдем, милая, не бойся, бери меня за руку и пойдем; и она взяла Калишу за руку, и они пошли, пошли по залитой лунным светом дороге, ведущей через ночь, и Марина знала, что идти по ней долго, но они дойдут, и держала за руку Калишу, та вела свои обычные странные речи, но сегодня Марина понимала в них каждое слово, и дорога уводила все дальше, и Марине было хорошо...

3

— Так что... Тридцать две штуки, значит, — сказал Трофим Лихоедов. — Да городской за собой пару-тройку притащит... Тридцать пять тогда... Всяк поменьше, чем тем годом... Хоть чуток, да поменьше. А двадцать-то лет тому, как вспомнишь, оханьки... Знать, к концу дела идет полегоньку... Не детям, так внучатам пожить по-людски сложится.

— Тридцать шесть, Троша, — поправил Рябцев. И внимательно посмотрел на Лихоедова.

Тот с невинным видом пожал плечами:

— Так что, сам еще одного завалил? Дело доброе... — замолчал, прислушался к ночным звукам. — Во, никак и гостёк наш поспешает... Умаялся зайцем петлять, со штанами-то полными...

...Кирилл и в самом деле умаялся. Выбился из сил. Потому что дурак... В играх с дьяволом можно сделать лишь одну ошибку — сесть играть... Глу-пый, сказал ему дьявол, и был прав. Кто глуп, тот мертв. А кто мертв, тот не глуп, так и есть, понимайте как хотите... Заторможен, но не глуп. Глупость — свойство живых. Которым недолго оставаться живыми... Ему, Кириллу, — недолго.

А ведь тут не всё так просто... Приезжие — не просто корм, оставленный для прожорливой нежити, чтобы не трогала **своих**. Слишком сложно — заманивать чужаков именно в этот день. Куда проще оставить дляочных пришельцев с болота ведро крови да пару свиных туш... Не-е-е-т, тут ритуал... Или жертвоприношение, или испытание, или то и другое разом... И если не понять свою роль в том ритуале — ты труп. Труп, сожранный трупами.

Он думал, что понял всё. Им нужна жертва... Им нужен вступительный взнос... Какой, на хрен, **свой**? — если утром побежит в милицию, и завопит, брызгая слюной: А-а-а! здесь такое... такое... Менты, понятно, не поверят, на освидетельствование — и в психушку, но кто ж захочет рисковать... Им нужна жертва. Убитая им. Чтоб **свой**, так уж **свой**, — навсегда. Им нужна голова Марины, поставленная на крыльце у двери дьявола, в прямоугольнике яркого света... Принес — ты **свой**. Заходи, присаживайся... Клава? Забудь... Есть у нас и другие, бюст не хуже... И послушай наконец, что лежит на болоте...

Но она ведь мертва... Она наверняка мертва — окна без ставень, двери без свастик... Мертва... Точно мертва... Его просто проверяют — сможет? Не страшно ли, не брезгливо ли — тюк-тюк плотницким топориком по шее, была одна куча мертвей органики, стало две... А брезгливых нам не надо... Куда уж на болото за деньгой, брезгливым-то...

Нога не сгибалась. И никак не ощущалась — бесчувственный протез, что-то мертвое, не свое, чужое... Может, тут так и умирают — не вдруг, по частям, постепенно...

Сил нет... Он уже не опережал мертвых — расстояние постепенно сокращалось... Мертвые не глупы... Они знают, что даже самый медлительный преследователь догонит жертву, если не устает и никогда не останавливается...

Сил нет... В догонялки больше не поиграешь, значит, придется... Но за что, за что ему эта чаша?..

Ладно, дьявол... Ты выиграл... Ты получишь свое, и душу, и голову... Только расплатись честно, отдай, что обещал...

Дом Викентия появился из мглы неожиданно, — хотя холм с этой стороны лысый, хозяин здесь то ли специально не сажал, то ли после вырубил плодовые деревья и кусты... Лоб, разодранный колючками дикой малины, саднило. Топорик в руке казался неимоверно тяжелым.

Он распахнул калитку. За окнами без ставень — отблески слабого света... Свечи... Жива, подлюга?!.. Значит... значит... Да нет, мертвa, мертвa, мертвa, ты получишь свой выигрыш, дьявол...

А потом он увидел людей. Живых. Настоящих. Люди стояли на холме, вокруг дома — Трофим, рыжий Генаха, Толян Форносов, еще какие-то, незнакомые... А это... ну точно, очкарик со свинофермы... Люди стояли молча. Никак не реагировали на появление Кирилла... Но лишь поначалу... А потом шагнули к нему, деловито и опять-таки молча. Чужая, мертвая нога снова подломилась, Кирилл упал на колени. И не поднялся... Хотел крикнуть: ***я свой ... почти... пустите меня к дому, что вам стоит, и я стану своим...*** Так ничего и не крикнул. Люди шагали к нему с равнодушными лицами. У каждого что-то в руках, что-то одно из трех: или вилы с насечками на длинных зубцах, или массивный колун, или маленький плотницкий топорик, такой же, как у Кирилла...

Все ясно... Дьяволу не нужен выигрыш, он и так берет своё, все, что только захочет...

Ни звука, ни слова — кадры из немого кино. Люди с серыми лицами посреди серой ночи...

Кирилл медленно опустился лицом на траву. И подумал: будет ли ему слишком больно?

Больно не было. На него никто не обратил внимания, прошли мимо, убыстряя шаг. Наконец появились какие-то звуки: топот, и невнятный мат, и хриплое дыхание, и удары по чему-то мягкому, и удары по чему-то твердому... И еще звуки, негромкие, но страшные: крик тех, кто не может кричать. Чьи легкие полны болотной мерзкой грязью. Кирилл впервые слышал крик мертвцов...

Вставать не хотелось, но он встал, медленно, с трудом — сначала на колени, потом на ноги. Вернее, на одну ногу. Успел увидеть расправу с третьим, последним, запоздавшим трупом:

Трофим, утробно хекнув, чуть присел, и принял на вилы прущую вперед — казалось, неудержимо и неостановимо — тушу; тут же вторые вилы, и третьи, — с боков, кто-то сзади рубанул по поджилкам — и вот уже мертвец на земле, и уже почти не виден из-за сгрудившихся спин, и те же звуки — деловитые, уверенные. И тот же страшный, булькающий крик мертвеца... Лихо... Одного — лихо. Двух уже труднее, сам только что слышал, — с хрипом-матом, но можно... А если много?

Он смотрел, но пятился к крыльцу. Ковылял. Потом повернулся, но не шагнул даже на нижнюю ступеньку. Потому что встретился взглядом с Рябцевым. Тот стоял наверху. Опущенный стволами вниз обрез двустволки тускло отливал вороненой сталью.

— Вот, значит, как, — сказал Рябцев неприятным голосом.

И перевел взгляд с Кирилла на орудие, стиснутое в его руке. На плотницкий топорик, на игрушку, брошенную отцом сыну. Скривил губы, как будто хотел сказать: отдай, не твое... Но не сказал. Медленно, словно смертельно уставший, заскрипел ступенями вниз. Кивнул на дверь:

— Ты не ходи туда. Незачем. Нет ее уже... И смотреть уже не на что. И прощаться не с кем.

Там, внутри, лишь мертвецы, понял Кирилл. Почти все, восставшие сегодня из болота. Затихшие, неопасные, утолившие голод. Он знал, **кем** утолившие. Не знал лишь, как теперь ему...

— Н-но... я... — начал было он и осекся. Так что, все отменяется? Кто здесь главнее — дьявол или Рябцев?

Тут же сзади подскочил Лихоедов, потянул из стиснутых пальцев топорик, приговаривая:

— Так это... давай сюда, пошто он теперь-то, свои, чай, все кругом... А так пускай сходит, Петьша, пускай, большой уж парняха, привыкать пора...

Кирилл не сопротивлялся, обмотанная черной лентой рукоять выскользнула из потной ладони. Значит, он **свой...** Не испу-

гался, выдержал испытание, и теперь — **свой...** Он доживет до рассвета, и он узнает всё... И, наверное, поймет, что здешняя жизнь — правильная, не в деньге дело, просто правильная и настоящая, раз выбирают ее такие люди, как дьявол и Рябцев...

— Извини, парень, — сказал Рябцев, спустившись. Сказал с легким, но вполне искренним сожалением. — Я тебе зла не желал, да и теперь не желаю. Но так уж карта легла, что всем лучше будет...

Рябцев еще продолжал говорить прежним ровным тоном, а обрез уже взметнулся вверх, уставившись на Кирилла бездонными зрачками стволов, тот вскинул руку ладонью вперед, инстинктивным защитным жестом, и хотел завопить

«Не нада-а-а-а!!! За что??!!», но из глотки вырвалось невнятное: **«ни... за...»**, и в черной глубине дула расцвела ослепительная вспышка, и выплеснулась наружу перемешанным со свинцом огненным смерчем, и этот смерч подхватил Кирилла и унес далеко-далеко, к самому краю земли, к бездонной черной яме, и Кирилл падал в нее очень долго...

— Так что ж теперь... — Трофим Лихоедов разочарованно всплеснул руками над рухнувшим телом. — Так ведь сговорено всё ж было, Петьша! Как, сталбыть, в избу зайдет, так окна-двери подпираем, — да и петуха! Куда ж я теперь его, без полголовы-то? А так бы в машину обоих пихнули — дескать, вмазались в столб на дороге, али в дерево, да и погорели, выбраться не успевши... Ну помучился б малёха, помираючи, — зато б всему обществу польза...

Он в сердцах пнул собственноручно изготовленную конструкцию — приколоченный к бревну щит из толстых неструганных досок.

— А я вот думаю: может, часом, и ты мертвец, Троша? — медленно сказал Рябцев. — С болота вылез, жижу смыл, рассвет перемучился как-то... Так и ходишь с тех пор, а живых вместо себя в землю норовишь...

Он задумчиво посмотрел на обрез, потом на Трофима, потом снова на обрез.

Лихоедов попятился. Знал: не тронет. Своего, какой ни есть, не тронет — а все одно не по себе стало... Шебутной мужик Петьша Рябцев, вечно жисть по-новому переделать норовит, да и другим кой-кому мозги замутил... То вот, значит, музыкой болото окружать надумал, чтоб орала на всю округу, мертвяков обратно гнала... А деньга на ту музыку откудова? Болото, оно ж хоть и глыбкое, а без ума черпать — поздно-рано дно покажет... Али деды глупей нас были? Не-е-е, Петьша, умней были они, пусть и жили, институтов не кончаючи... Как раскумекали, что к чему, чем за деньгу платить надо — так и сели тихо, не куролесили, мошной по городам не трясли, к чужим не совались и чужих не пускали... А нонче ему, Петьше, значит, **«свежую кровь»** подмешать засвербело, вырождаемся, дескать, — а самого-то, небось, папашка со своей единокровной сестрой заделал, а как еще, коли с полуторадесяти семейств Загривье нонешнее, послевоенное начиналось, — да тока три мужика с войны на все те семейства и уцелели; не полнородная сеструха, да и ладно, — и ничё, не выродился Петьша, институтов накончал... Вот она ж, свежая кровушка твоя, — тута вот, на травке лежит, с мозгами наружу, и дерьма штаны полные. Не нужно нам таких свежих кровей, нам как дедам бы, в родительский день до рассвету дожить, — да и ладно...

Рябцев ничего больше не сказал, сунул за пояс обрез, медленно пошагал к калитке. Без него закончат, не маленькие. Справятся...

— Так что, мужички? — обратился Трофим к остальным. — Давайте-ка, с богом... А то задует ветерок по утряни, искров на деревню нанесет... Стащите этого в избу, да и запалим...

* * *

...Рябцев шел по Загривью: плечи расправлены, походка пружинистая — но чувствовал себя старым, разбитым, ни на что не пригодным... И думал, что нынешний родительский день для него последний. Всё, укатали сивку здешние горки...

Он лишь не знал, **КАК** все произойдет.

Наберется ли он духу, перетаскает ли на болото все центнеры тротила, что скопил за два десятка лет, и вывезет ли на плотике на середину круглого озерца, — притягивающего, как магнитом, молнии июньских гроз...

Или все же не решится, просто зайдет в один вечер в сарай, клацнет зубами по дулу обреза — точь-в-точь как отец тридцать лет назад, когда сплошал, и двух семей не стало... Бабах! — живите сами, как знаете...

Возле серо-кирпичного здания магазина Рябцев вдруг понял, что не перезарядил обрез. Да уж, укатали, укатали... Расслабился, стареет, видать... Не мешкая, вставил патроны.

И то ли от мысли, что мог вполне сейчас — считай, безоружный — на последыша напороться, то ли просто от того, что у самых дверей лавки остановился, вспомнил: Матвей Левашов, первый электрик послевоенный, вообще лишь с хлебным ножом на работу ходил — с длинным, острым... Так и отработал-то всего-ничего: ножик, он только против живых хорош, а обрез для всякого сгодится.

Зарево, вставшее над домом Викентия Стружникова, было видно даже отсюда, с противоположного конца деревни. И к нему присоединилось другое, набухавшее над дальним лесом...

Но там ничего не горело — к Загривью приближался рассвет.

Послесловие автора

Меня часто спрашивают, — и хорошие знакомые, и не очень хорошие, и вообще не знакомые: Виктор, ты же умеешь **(вы же умеете)** неплохо писать, так зачем же пишешь **(пишете)** такую... — далее следует слово, градус экспрессии которого зависит от общей культуры спрашивающего. А также от степени нашего знакомства.

Зачем, зачем... **Нравится!**

Всё очень просто: когда с людьми — с простыми, с обычными людьми, не с облупленными мускулами суперменами и не с идеальными положительными героями, — происходит нечто кошмарное и запредельное, то все наносное и искусственное слетает, как шелуха с зерна. Остается **настоящее**. О нем и пишу.

Да, мы вот такие...

Неприглядно?! Даже отвратительно?!

Может, попробуем стать лучше?

Впрочем, я не о том...

Нет смысла объяснять задним числом идею книги: кто способен понять, уже понял. Кто не способен... И для вас что-нибудь найдется подходящее. Кровушки? Да хоть ведро! Тема сисек? Раскрыта полностью! Зомби, опять же, порой пробегают...

Но я снова не о том...

Так вот: большинство реалий романа взято из жизни — да-да, не удивляйтесь. Лиса на дороге, коробочка с зубами, часы с гилями, телефон «Алтай» и радиола «Ригонда», пластинка «на ребрах» и т. д. и т. п. — видел, слушал, обонял, держал в руках... Странные моменты боевого пути ДНО-3 вполне соответствуют исторической действительности. Равно как и изыскания юной советской науки, касающиеся воскрешения мертвых вообще, и

главного мертвца страны в частности, и прочих малоаппетитных вещей.

Лишь часть топонимов и имена всех персонажей, — выдуманы. Все деревни с названием Загривье (а их немало на российских просторах) — не имеют к рассказанной истории отношения. Но фамилия мельком упомянутого профессора, воскрешавшего мертвых, — Каммерер, — не дань модному ныне постмодернизму. Именно так и звали этого загадочного персонажа, действительно приехавшего в Советскую Россию, чтобы вернуть скорбящему мировому пролетариату его почившего вождя...

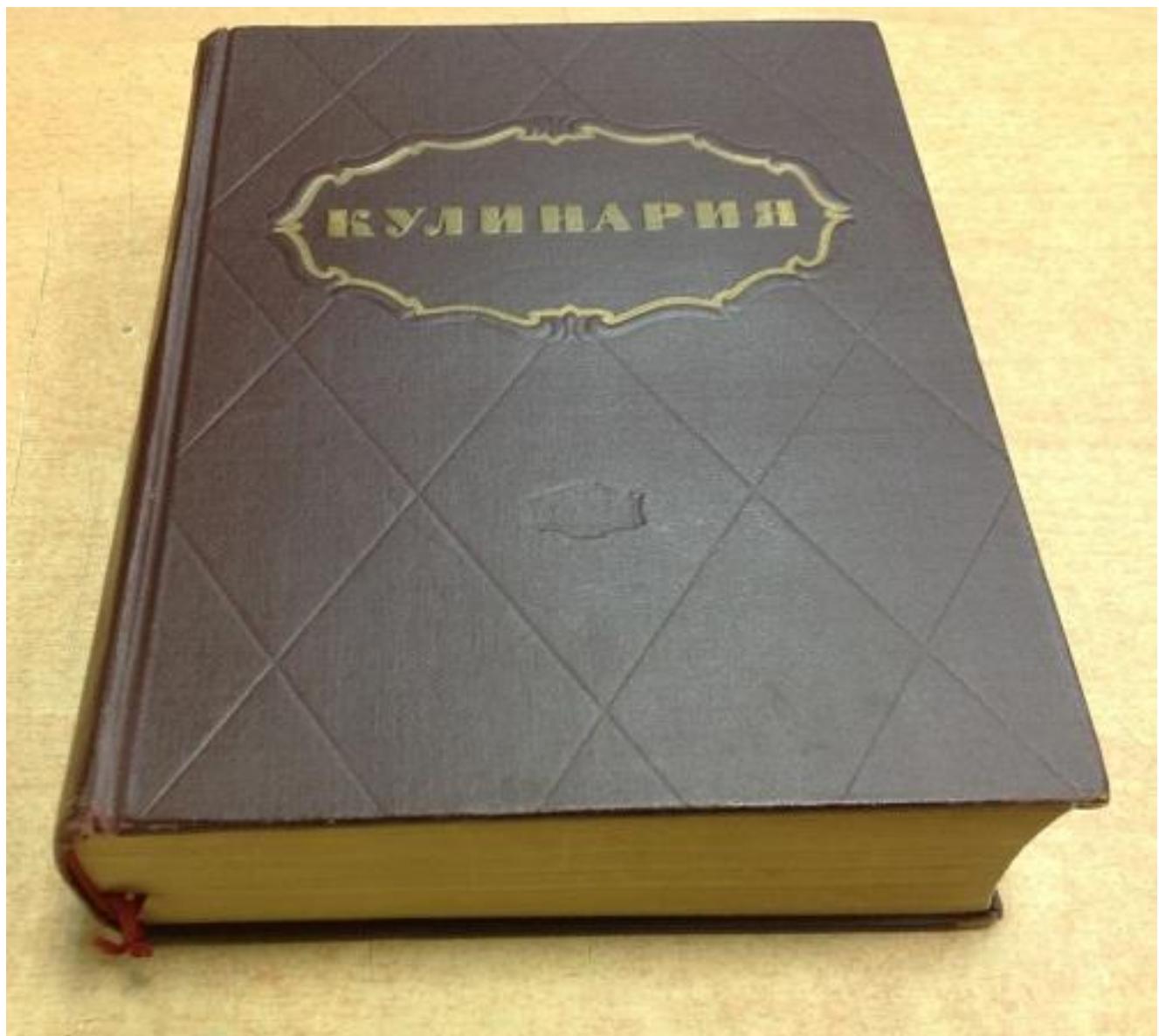
Что «вермахт» и «интернет» — имена собственные, мне известно. И если у кого-то возникли закономерные вопросы, отвечаю: пишу их с маленькой буквы по причинам, к правописанию никак не относящимся. Глагол **«сграфоманить»** — мой неологизм, имею, как автор, право...

Кое-кто из первых читателей этой книги (даже женщины, в кулинарных делах искушенные) задался вопросом: да что же такое сногсшибательное все-таки можно было приготовить из головы мадам Брошкиной? Кроме самого заурядного студня?

Информирую: суп.

Не простой, а лже-черепаховый: всё то же и всё так же, но вместо крупной черепахи, — свиная голова. Достаточно сложный рецепт, приведенный в толстенной «Кулинарии» 1955 года издания (как раз тогда в советских магазинах начались перебои с крупными черепахами) — даже при чтении вызывает активное слюноотделение.

Попробовать, увы, не довелось — и лишь поэтому знаменитый суп не попал на страницы романа. Признаюсь, что исповедую принцип: надо знать то, о чем пишешь, — хотя заранее уверен, что отдельные эпизоды (например, опознание Кирил-

лом старых боеприпасов), вызовут справедливые нарекания людей, хорошо знакомых с практической стороной дела. Но... Но есть правда жизни и правда литературы, не так ли? Даже фотоаппарат хоть немного, да искажает реальную картинку, и не стоит ждать большей точности от книги...

Что еще... Некоторые встающие перед героями загадки я не стал раскрывать специально. Частично из лени, частично — чтобы интереснее было. Да и читателю, опять же, приятно: герой, дескать, всё еще тычется слепым котенком, а я-то, а вот я-то, всё уже понял, еще на тридцать седьмой странице! Это ведь не дерево, это злой крокодил! Спокойно, граждане, всё так и задумано.

И последнее.

Все, не дожившие, — до рассвета, до Победы ли, — чей покой, чью светлую память я невзначай потревожил...

Простите...

Спите спокойно